

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ИМЕНИ ПАТРИСА ЛУМУМБЫ»

На правах рукописи

ЕРОФЕЕВА ИРИНА ЕВГЕНЬЕВНА

Языковые параметры национальной идентичности мексиканцев

Специальность 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (романские языки)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Чеснокова Ольга Станиславовна

МОСКВА – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ.....	13
1.1 Идентичность как комплексный конструкт	13
1.2 Понятие национальной идентичности.....	25
1.3 Дискурс национальной идентичности.....	33
1.4 Выводы по первой главе	45
ГЛАВА 2. ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В МЕКСИКАНСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ВАРИАНТЕ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА	48
2.1 История становления прецедентной филологии	48
2.2 Роль прецедентных феноменов в мексиканской культуре.....	61
2.3 Сравнение прецедентных феноменов мексиканского национального варианта испанского языка с прецедентными феноменами в русской и английской лингвокультурах	66
2.4 Методика исследования прецедентных феноменов в мексиканском национальном варианте испанского языка	102
2.5 Выводы по второй главе	105
ГЛАВА 3. НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МЕКСИКАНЦЕВ В ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ	108
3.1 Реалии как маркеры мексиканского культурного пространства и доминанты языковых параметров национальной идентичности.....	108
3.2 Стратегии «мягкой силы» в мексиканском политическом дискурсе	118
3.3 Глобализирующийся мир и «столкновение идентичностей»	127
3.4 Выводы по третьей главе	133
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	135
БИБЛИОГРАФИЯ	140

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее диссертационное исследование посвящено анализу языковых параметров национальной идентичности мексиканцев посредством комплексного анализа прецедентных феноменов и реалий в мексиканском национальном варианте испанского языка.

Современный этап развития лингвистической науки может быть охарактеризован повышенным интересом к проблеме идентичности в целом и к ее лингвистическим проявлениям в частности. В последние десятилетия в фокусе исследований находятся различные принципы национальной идентичности, в частности, базовые механизмы и условия, благодаря которым складывается чувство общности (историческая память и общие нарративы, язык как объединяющий фактор, культурное наследие, общие ценности и идеалы, территориальная общность). Изучение национальной идентичности в языковом и культурном контексте осуществляется в рамках работ таких авторов, как Т. ван Дейк¹, А. Гидденс², В.З. Демьянков³, И.В. Захаренко⁴, Н.В. Зененко⁵, Ю.Н. Караулов⁶, Н.В. Карповская⁷, А.В. Костина⁸, В.В. Красных⁹,

¹ Дейк Т. ван Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации: пер. с англ. М., 2013. С. 51-52.

² Giddens A. The Transformation of Intimacy. Cambridge: Polity Press, 1992. P. 216.

³ Демьянков В.З. О понятии идентичности в научном дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2025. № 4. С. 5-16.

⁴ Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Багаева Д.В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник МГУ. Сер. 9 «Филология». 1997. № 3. С. 62-75.

⁵ Зененко Н.В. Испанские паремии: проявление национального характера и сохранение национальной идентичности // Казанская наука. 2022. № 1. С. 122-125.

⁶ Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. С. 216-217.

⁷ Карповская Н.В. К вопросу об обучении испанскому языку через перевод (из опыта работы) // Национальная идентичность сквозь призму диалога культур. Исследования в области гуманитарных наук в ибероамериканском и российском научном пространстве: материалы III Международного конгресса, Ростов-на-Дону – Кадис, 28-30 сентября 2017 г. Ростов-на-Дону – Таганрог: Южный федеральный университет. 2020. С. 64-70.

⁸ Костина А.В. Цивилизационная идентичность в современном мире. Философия – Культура – Политика: сборник статей / А.В. Костина. М.: Русайнс, 2021.

⁹ Красных В.В. Лингвокультурная идентичность Ното Loquens / В.В. Красных // Мир русского слова. 2007. № 4. С. 11-15.

Е.Н. Молодыченко¹⁰, Е.В. Падучева¹¹, Г.Г. Слышкин¹², Н.М. Фирсова¹³, В.Е. Чернявская¹⁴, О.С. Чеснокова¹⁵ и др. Эти исследования затрагивают такие стороны идентичности, как когнитивные, социокультурные, дискурсивные свойства.

В свете современных тенденций глобализации закономерным представляется интерес исследователей к анализу влияния глобальных процессов на национальную идентичность сквозь призму языка и культуры. Интернет и цифровые технологии трансформируют традиционные коммуникационные средства, предъявляют новые требования к изучению механизмов формирования идентичности. Таким образом, анализ языковых параметров национальной идентичности мексиканцев как граждан крупнейшей испаноязычной страны становится актуальным для понимания процессов интеграции и сохранения культурного наследия в условиях быстро меняющегося мирового контекста. Мексика является крупнейшей испаноязычной страной. По состоянию на 2025 год численность населения составляет 138 070 271 человек¹⁶.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью анализа процессов формирования национальной идентичности носителей плюрицентричного испанского языка в условиях глобализации, которая вносит изменения в традиционные представления об идентичности, подверженные влиянию миграционных потоков, изменений социально-экономической ситуации, усиливающихся этнических конфликтов. Это делает проблему исследования межкультурных и межэтнических взаимодействий актуальной как в научном, так и в практическом аспектах.

¹⁰ Молодыченко Е.Н. Социальная репрезентация через язык: теория и практика социолингвистики и дискурсивного анализа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2022. Т. 19. № 1. С. 103-124.

¹¹ Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М., 1996.

¹² Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных феноменов в сознании и дискурсе. М., 2000.

¹³ Фирсова Н.М. Избранные труды: в 2 т. М.: Изд-во РУДН, 2009. Т. 2. Современный испанский язык в Испании и странах Латинской Америки. С. 528.

¹⁴ Чернявская В.Е. Языковые модусы идентичности: слово от редактора // Terra Linguistica. 2022. Т. 13. № 2. С. 7-10.

¹⁵ Чеснокова О.С. Испанский язык Мексики: Языковая картина мира. Общество с ограниченной ответственностью «Ленанд», 2021. С. 46-49.

¹⁶ El español en el mundo. Anuario del Instituto Cervantes, 2025. 573 p. URL: cvc.cervantes.es/lengua/anuario/anuario_25/ (дата обращения: 21.01.2026).

Степень научной разработанности. Степень изученности темы охватывает труды отечественных и зарубежных ученых, посвященных изучению идентичности, в том числе фундаментальные концепции Ж. Бержье¹⁷, Т. ван Дейка¹⁸, Н.В. Зененко¹⁹, В.И. Карасика²⁰, И.Т. Касавина²¹, В.В. Красных²², Г. Хофстеде²³, В.Е. Чернявской²⁴, О.С. Чесноковой²⁵, и зарубежные исследования таких авторов, как Е. Erikson²⁶, А. Giddens²⁷, S. Hall²⁸ и Н. Tajfel²⁹. В области лингвокультурологии основополагающими стали труды В.В. Воробьева³⁰, Ю.Н. Караулова³¹, М.Л. Ковшовой³², В.М. Шаклеина³³ и др. Лингвистические подходы к анализу коммуникации представлены работами таких авторов, как Т.В. Ларина³⁴, О.И. Максименко³⁵, Е.Н. Малюга³⁶, Г.Г. Слышкин³⁷, Л.Н. Федотова³⁸ и др. Работы посвященные дискурсу и его роли в формировании

¹⁷ Бержье Ж. Тайные хозяева времени. Les maîtres secrets du temps Les maîtres secrets du temps. Москва: КРОН-ПРЕСС, 2000. 125 с.

¹⁸ Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 310 с.

¹⁹ Зененко Н.В. Испанские паремии: проявление национального характера и сохранение национальной идентичности // Казанская наука. 2022. № 1. С. 122-125.

²⁰ Карасик В.И. Социально-языковая идентичность: динамика, виртуализация, моделирование. Social and Linguistic Identity: Dynamics, Virtualization, Modelling // Русский язык за рубежом. 2020. № 1 (278). С. 31-37.

²¹ Касавин И.Т. «Человек мигрирующий»: онтология пути и местности // Вопросы философии. 1997. № 2. С. 84-86.

²² Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Багаева Д.В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник МГУ. Сер. 9 «Филология». 1997. № 3. С. 62-75.

²³ Хофстеде Г. Влияние культуры: сравнение ценностей, моделей поведения, институтов и организаций в разных странах. Нью-Йорк: SAGE Publications, Inc., 2003.

²⁴ Чернявская В.Е. Языковые модусы идентичности: слово от редактора // Terra Linguistica. 2022. Т. 13. № 2. С. 7-10.

²⁵ Чеснокова О.С. Испанский язык Мексики: Языковая картина мира / О.С. Чеснокова – Общество с ограниченной ответственностью «Ленанд», 2021. С. 46-49.

²⁶ Erikson E. Identity: Youth and Crisis. Moscow, Progress, 1996. P. 344.

²⁷ Giddens A. The Transformation of Intimacy. Cambridge: Polity Press, 1992. P. 216.

²⁸ Questions of Cultural Identity (S. Hall, P. Du Gay, eds.). 1996. London: Sage. P. 342.

²⁹ Tajfel H., Turner J.C. The social identity theory of intergroup behavior // S. Worchel, W.G. Austin (eds). Psychology of intergroup relations. 2nd ed. Chicago: Nelson-Hall, 1985. P. 7-24.

³⁰ Воробьев В.В. Коммуникативная лингвокультурология: истоки, проблемы, перспективы // Русистика. 2025. Т. 23. № 1. С. 7-21.

³¹ Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.

³² Ковшова М.Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок. Антропонимический код культур / М.Л. Ковшова. Издание 2-е, исправленное. Москва: ЛЕНАНД. 2024. 400 с.

³³ Шаклеин В.М. Процессы культурно-языковой трансформации современного мира: от концепции всеобщей глобализации до формирования региональных лингвокультурных зон // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2024. № 8. С. 356-361.

³⁴ Litvinova A.V. Mitigation tools and politeness strategies in invitation refusals: American and Russian communicative cultures / A.V. Litvinova, T.V. Larina // Training, Language and Culture. 2023. Vol. 7, № 1. P. 116-130.

³⁵ Максименко О.И. Лингвистические проблемы применения автоматизированной дистрибутивно-статистической методики для анализа научно-технической терминологии по системам связи и управления : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.21 / МГУ им. И. В. Ломоносова. Москва. 1989. 21 с.

³⁶ Малюга Е.Н., Хапереткова А.А. Лингвокогнитивный аспект изучения женской эмоционально-оценочной лексики в рекламном дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023. № 1. С. 71-79.

³⁷ Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных феноменов в сознании и дискурсе. М., 2000.

³⁸ Федотова Л.Н. Проблемные термины наук о массовых коммуникациях / Л.Н. Федотова // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2016. № 1. С. 132-142.

идентичности (В.З. Демьянков³⁹, В.Е. Чернявская⁴⁰, О.С. Чеснокова⁴¹, М. Bamberg⁴², А. De Fina⁴³, D. Schiffrin⁴⁴), культурной идентичности и ее детерминантам (Л.И. Гришаева⁴⁵, Д.Б. Гудков⁴⁶, М.М. Лебедева⁴⁷, J.S. Phinney⁴⁸), когнитивным моделям в языковом сознании (Я.А. Волкова⁴⁹, З.Д. Попова⁵⁰, И.А. Стернин⁵¹), вопросам интерпретации межкультурного взаимодействия (Е.Н. Малюга⁵², Л.В. Моисеенко⁵³, Л.Н. Федотова⁵⁴). Еще одним вкладом являются исследования мультикультурализма и этнической идентичности (Т.Г. Стефаненко⁵⁵, В.Е. Чернявская⁵⁶, С. Calhoun⁵⁷), и базовые концепты, связанные с изучением национальных и культурных символов (Е.В. Падучева⁵⁸, С.М. Пак⁵⁹ и др.), которые отражают особенности этнического и национального языкового сознания.

³⁹ Демьянков В.З. Конструкционные параметры дискурса // Когнитивные исследования языка. Общероссийская общественная организация Российская ассоциация лингвистов-когнитологов (Тамбов). 2025. № 1-1(62). С. 57-64.

⁴⁰ Чернявская В.Е. Дискурсивный анализ текста и корпусные методы. Москва: Ленанд. 2026. 224 с.

⁴¹ Чеснокова О.С. Гимн Перу в контексте национальной идентичности перуанцев / О.С. Чеснокова, Л.А. Говорова, Т.Ф. Усманов // Вопросы прикладной лингвистики. 2024. № 55. С. 72-98.

⁴² Bamberg M., De Fina A., Schiffrin D. Discourse and identity construction // Handbook of identity theory and research / Ed. by S.J. Schwartz, K. Luyckx, V.L. Vignoles. N.Y.: Springer, 2011. P. 177-200.

⁴³ De Fina A., Schiffrin D., Bamberg M. Discourse and identity. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

⁴⁴ Bamberg M., De Fina A., Schiffrin D. Discourse and identity construction // Handbook of identity theory and research. N.Y.: Springer, 2011. P. 177-200.

⁴⁵ Гришаева Л.И. Прецедентные феномены как культурные скрепы (к типологии прецедентных феноменов) // Феномен прецедентности и преемственности культур. 2004. С. 15-46.

⁴⁶ Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.

⁴⁷ Лебедева М.М. Ресурсы влияния в мировой политике // Полис. 2014. № 1. С. 99-108.

⁴⁸ Phinney J.S. Ethnic identity in adolescents and adults: Review of research. Psychological Bulletin. 1990. № 108 (3). P. 499-514.

⁴⁹ Волкова Я.А. Деструктивный текст как объект лингвокогнитивных исследований // Современная лингвистика: от теории к практике : Труды и материалы III Казанского международного лингвистического саммита, Казань, 14–19 ноября 2022 года / Под общей редакцией И.Э. Ярмакеева, Ф.Х. Тарасовой. Том 1. – Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет. 2023. С. 193-197.

⁵⁰ Попова З.Д. Синтаксический концепт и межкультурная коммуникация // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2004. № 2. С. 27-31.

⁵¹ Гришаева Л.И., Стернин И.А., Стернина М.А. Специфика деятельности коммуникантов в межкультурной среде. Воронеж: Науч. кн., 2009.

⁵² Малюга Е.Н., Хаперсткова А.А. Лингвокогнитивный аспект изучения женской эмоционально-оценочной лексики в рекламном дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023. № 1. С. 71-79.

⁵³ Моисеенко Л.В. Прецедентные феномены современных русских и испанских массмедиа как когнитивные структуры языковой личности. Mundo Eslavo. 2020. № 19. С. 7-24.

⁵⁴ Федотова Л.Н. Проблемные термины наук о массовых коммуникациях // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2016. № 1. С. 132-142.

⁵⁵ Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: учебник для вузов. М.: Аспект Пресс, 2013.

⁵⁶ Молодыхенко Е.Н. Социальная репрезентация через язык: теория и практика социолингвистики и дискурсивного анализа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2022. Т. 19, № 1. С. 103-124.

⁵⁷ Calhoun C. Nationalism, Political Community and the Representations of Society, or Why Feeling at Home is not a Substitute for Public Space. European Journal of Social Theory 2 (2). P. 222.

⁵⁸ Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М., 1996.

⁵⁹ Пак С.М. Личное имя в лингвокогнитивном освещении // Вестник МГУ. Сер. 9 «Филология». 2004. № 1. С. 161-171.

Целью исследования является моделирование языковых параметров национальной идентичности мексиканцев через анализ прецедентных феноменов и реалий, отраженных в языке, для выявления основных характеристик, влияющих на процессы формирования и трансформации идентичности мексиканцев в условиях глобализации.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**.

1. Провести теоретический анализ понятия идентичности, опираясь на синтез современных научных подходов из различных дисциплин: социологии, психологии, философии и культурологии.
2. Интерпретировать прецедентные феномены в мексиканском национальном варианте испанского языка.
3. Проанализировать реалии как маркеры мексиканского культурного пространства и доминанты языковых параметров национальной идентичности.
4. Выявить особенности стратегий «мягкой силы» в мексиканском политическом дискурсе при применении реалий.
5. Рассмотреть влияние глобализационных процессов на языковые параметры национальной идентичности мексиканцев.

Объектом исследования выступают культурно-значимые языковые единицы (прецедентные феномены и реалии) в мексиканском национальном варианте испанского языка.

Предметом данного исследования является анализ языковых и культурных особенностей прецедентных феноменов и реалий, определяющий механизмы формирования национальной идентичности мексиканцев в условиях глобализации.

Научная новизна диссертации заключается в том, что впервые систематизированы прецедентные феномены в мексиканском национальном варианте испанского языка как маркеры национальной идентичности. В рамках работы предложен и апробирован подход, сочетающий когнитивно-дискурсивный и лингвокультурологический анализ, что позволило определить специфику

функционирования прецедентных феноменов в межкультурной коммуникации мексиканцев как носителей испанского языка крупнейшей испаноязычной страны. Синтез когнитивно-дискурсивного и лингвокультурологического анализа заключается в совмещении механизмов осмысления и употребления прецедентных феноменов в дискурсе с анализом их культурной семантики и этноспецифических черт. Исследование выявило особенности формирования национальной идентичности мексиканцев через язык, в том числе через использование прецедентных имен, текстов и событий, и их соотношение со сходными феноменами в русской и английской лингвокультурах.

Теоретическая значимость диссертации заключается в разработке и углублении научных представлений о феномене прецедентных явлений в языке, их когнитивной и дискурсивной основе, в систематизации подходов к анализу прецедентных феноменов с точки зрения лингвокультурологии, когнитивной лингвистики и теории интертекстуальности. Результаты исследования позволяют расширить понимание роли прецедентных феноменов как комплексных единиц, которые формируют национально-культурную идентичность и отражают основные характеристики межкультурной и монокультурной коммуникации этнического сообщества.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в испанистике, романистике, теоретической и прикладной лингвистике, в лингводидактике, в том числе в обучении межкультурной коммуникации, разработке методических пособий по языковому и культурному обмену, в практической деятельности переводчиков и специалистов по межкультурной коммуникации. Методика анализа прецедентных феноменов, предложенная в исследовании, может быть применена для изучения языковой личности, разработки новых подходов к интерпретации текстов.

Обоснованность и достоверность полученных результатов обусловлена использованием авторитетной теоретической базы, включающей труды ведущих отечественных и зарубежных ученых в области испанистики, когнитивной

лингвистики, лингвокультурологии (В.В. Воробьев⁶⁰, В.М. Шаклеин⁶¹), теории языковой личности (В.З. Демьянков⁶², Н.В. Зененко⁶³, Ю.Н. Караулов⁶⁴, В.Е. Чернявская⁶⁵, О.С. Чеснокова⁶⁶). Выводы исследования подтверждаются анализом большого массива текстов и примеров, соответствующих установленным критериям прецедентности. Примененная комплексная методология позволила выявить характеристики прецедентных феноменов мексиканского культурного пространства, их функции в мексиканской лингвокультуре и роль в формировании параметров идентичности мексиканцев.

Достижение поставленной цели и решение задач обеспечено использованием комплекса следующих общенаучных и специальных методов исследования:

– **Описательно-аналитический метод** использовался для определения понятийного аппарата работы (идентичность, прецедентные феномены, реалии), а также для описания структурных и семантических характеристик исследуемых единиц.

– **Сравнительно-сопоставительный анализ** позволил выявить национальную специфику прецедентных феноменов мексиканского национального варианта испанского языка путем их сопоставления с аналогичными явлениями в русской и английской лингвокультурах.

– **Дискурсивный анализ** применялся при исследовании стратегий «мягкой силы» в политическом дискурсе Мексики, а также для выявления механизмов конструирования национальной идентичности в медиатекстах и художественной литературе.

⁶⁰ Воробьев В.В. Коммуникативная лингвокультурология: истоки, проблемы, перспективы // Русистика. 2025. Т. 23. № 1. С. 7-21.

⁶¹ Шаклеин В.М. Процессы культурно-языковой трансформации современного мира: от концепции всеобщей глобализации до формирования региональных лингвокультурных зон // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2024. № 8. С. 356-361.

⁶² Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 27.

⁶³ Зененко Н.В. Категориальная вариативность и частеречная классификация в языке / Н.В. Зененко // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 3-2. С. 34-41.

⁶⁴ Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. С. 216-217.

⁶⁵ Чернявская В.Е. Языковые модусы идентичности: слово от редактора // Terra Linguistica. 2022. Т. 13. № 2. С. 7-10.

⁶⁶ Чеснокова О.С. Загадки о быте как отражение этнокультурной идентичности (на примере тувинских, русских и колумбийских загадок) / О.С. Чеснокова, Т.Б. Радбиль // Новые исследования Тувы. 2024. № 4. С. 92-109.

– **Статистический (количественный) метод** использовался для обработки эмпирического материала, подсчета частотности употребления прецедентных феноменов и определения объема корпуса исследования (более 500 текстов).

– **Контекстуальный анализ** применялся для определения прагматической функции прецедентных феноменов и реалий в конкретных коммуникативных ситуациях.

– **Лингвокультурологический подход** выступил базовой методологической основой исследования, позволяющей рассматривать языковые единицы как маркеры культурного кода мексиканцев и национальной идентичности.

Рабочая гипотеза исследования состоит в том, что прецедентные феномены в мексиканском национальном варианте испанского языка и реалии являются главными элементами формирования национальной идентичности, обладая особыми когнитивными, лингвокультурологическими и дискурсивными характеристиками, которые определяют их функционирование в монокультурной и межкультурной коммуникации. Их когнитивно-прагматическая природа позволяет успешно выполнять функции сохранения и трансляции культурной памяти, укреплять социальное единство и поддерживать образ мексиканской национальной идентичности на международной арене.

Положения, выносимые на защиту.

1. Прецедентные феномены в мексиканском национальном варианте испанского языка выступают основными элементами формирования национальной идентичности, отражая культурные, исторические и социальные ценности, присущие мексиканскому обществу.

2. Использование мексиканских прецедентных феноменов в политическом дискурсе связано с реализацией стратегии «мягкой силы», которая формирует положительный образ страны на международной арене и укрепляет идентичность.

3. Реалии маркируют мексиканцев как этнос на уровне традиций, мифологии, фольклора, создавая культурное пространство в рамках темпорального,

географического (локального), национально-культурного прагматического полей и маркируют культурные смыслы, которые подкреплены исторически, географически, сформированы на коллективном языковом уровне, что позволяет идентифицировать явления мексиканской духовной культуры и отличать их от других культур по причине уникальности, актуальности и прагматичности.

4. Обоснована эффективность комплексной методики исследования прецедентных феноменов. Методика исследования прецедентных феноменов и реалий для анализа мексиканского национального варианта испанского языка и других лингвокультур включает: отбор прецедентных феноменов художественного, политического, разговорного дискурсов, имеющих отношение к национальной идентичности мексиканцев, определение национально-культурного источника происхождения прецедентных феноменов, определение контекста прецедентных феноменов и специфики их применения.

Материалами исследования послужили тексты, связанные с языковой идентичностью, собранные на основе изучения мексиканского национального варианта испанского языка. Материалом исследования прецедентных феноменов послужили тексты, цитаты, имена, широко известные мексиканцам и встречающиеся в их художественной литературе, политическом дискурсе, в разговорной речи. Всего было проанализировано более 500 текстов художественных произведений, мексиканских медиаресурсов La Jornada, Animal Político, El Universal, REFORMA, материалов, посвященных национальным праздникам, а также статей различных словарей.

Апробация результатов диссертационного исследования. Основные положения диссертационного исследования были обсуждены и одобрены на заседании кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Результаты проведенного исследования отражены в научных докладах, представленных автором на следующих конференциях: XX Ежегодная всероссийская научно-практическая студенческая конференция с международным

участием «Язык, литература и культура Ибероамерики» (ЮФУ, 2022 г.); VI Международная научно-практическая конференция «Фирсовские чтения»: «Современные языки и культуры: вариативность, функции, идеологии в когнитивном аспекте» (РУДН им. П. Лумумбы, 2023 г.); XI Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики иностранного языка делового и профессионального общения» (РУДН им. П. Лумумбы, 2024 г.); XII международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой (СПбГУ, 2024 г.).

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

1.1 Идентичность как комплексный конструкт

Исследование параметров идентичности – одно из междисциплинарных направлений, которому уделяется наибольшее внимание в научной литературе XX – начала XXI века. Среди ключевых исследований необходимо выделить:

– работы Ю.Н. Караулова («Русский язык и языковая личность»⁶⁷, «Ассоциативная грамматика русского языка»⁶⁸, «Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования»⁶⁹);

– исследования научной школы «Русская языковая личность»⁷⁰ (под руководством Ю.Н. Караулова), поддержанной грантами Президента Российской Федерации, с помощью которых разработана комплексная методика изучения языковой личности;

– современные исследования, выполняемые в Российском университете дружбы народов при поддержке Российского научного фонда, в частности проект № 24-18-00702 «Языковые параметры национальной идентичности: латиноамериканский текст», руководителем которого является доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов О.С. Чеснокова. Содержание исследования представляет собой анализ языковых маркеров идентичности в текстах и дискурсах четырех испаноязычных стран

⁶⁷ Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Москва, 1987. 261 с.

⁶⁸ Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка. Москва : Издательство ЛКИ, 2010. 328 с.

⁶⁹ Караулов Ю.Н. Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования: монография. Москва: Азбуковник, 2009. 334 с.

⁷⁰ Языковая личность: аспекты изучения: Сборник научных статей памяти члена-корреспондента РАН Юрия Николаевича Караулова / Под ред. И.В. Ружицкого и Е.В. Потемкиной. Москва: МАКС Пресс, 2017. 432 с.

(Мексика, Колумбия, Аргентина, Перу), изучение фразеологии, прецедентных явлений, реалий как элементов национальной идентичности;

– материалы международного круглого стола «Языковая личность: результаты и перспективы исследования» (10–11 ноября 2020 г., совместное проведение Российским университетом дружбы народов круглого стола с Институтом языкознания РАН и Институтом русского языка имени В.В. Виноградова РАН).

Одной из причин такого интереса является пересечение естественно-научных дисциплин (география, психофизиология и др.) с общественными (социальными) и гуманитарными науками, в частности, психология, социальная философия, лингвистика, литература, социология. Таким образом, исследование идентичности носит комплексный и междисциплинарный характер и находится на стыке тех предметных областей, которые основаны на изучении внутренних индивидуально-психологических и социальных явлений. В этой связи мы считаем необходимым рассмотреть понятие идентичности с точки зрения личностной и социальной составляющих, изучить подходы к ее определению.

Представления об идентичности начали развиваться с XXI в. Общее понимание идентичности базируется на процессе идентификации себя с определенным смыслом и постоянном ассоциировании себя с ним.

В научной литературе XIX в. развитие идентичности связано с представлениями о тождестве, совпадении себя/своих интересов с кем-либо/чьими-либо интересами (З. Брандт⁷¹). Этимология слова «идентичность» восходит к двум терминам «idem» в значении «аналогичный» и «ipse» в значении, сходном с понятием самости «ipseite», то есть тождественность с самим собой⁷². Если в первом термине значение тесно связано с признаком неизменности, то семантика второго термина обладает признаком устойчивости, непрерывности во времени и пространстве (П. Рикер⁷³). Подобная двойственность

⁷¹ Брандт З.В. К истории слова «идентичность». М., 2000. С. 8-10.

⁷² Рикер П. Повествовательная идентичность // Философская антропология: рукописи и выступления. Пер. с фр. И.С. Вдовиной. М. Изд-во гуманитарной литературы. 2017. Т. 3. С. 238-251.

⁷³ Рикер П. Повествовательная идентичность // Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. М., 1995. С. 19-21.

понятия идентичности указывает на взаимосвязь психологического и социального начал, что получило свое развитие в философии, социологии, психологии, а позднее и в лингвистике⁷⁴. Таким образом, индивид выступает в качестве субъекта, который на основе личностной идентичности (тождественности самому себе) взаимодействует со средой и переносит свои представления о себе и своей принадлежности к тому или иному обществу вовне.

Понимание идентичности в теоретических исследованиях неоднородно. В общем смысле идентичность определяется как отождествление индивида с самим собой (собственным Я) (О.С. Чернявская⁷⁵), тем самым личность приобретает целостность (Э. Эриксон⁷⁶). Такое понимание приводит нас к мысли о том, что данное понятие синонимично самоидентичности и самоопределению, когда индивид стремится найти себя среди множества образов и смыслов, функционирующих как в собственном сознании, так и в представлениях других людей – в русле гуманистической психологии идентичность можно отнести к одной из базовых потребностей человека (А. Маслоу⁷⁷).

Общее представление об идентичности служит основой для формирования трех противоположных моделей ее развития, лежащих в основе разных подходов, – социоцентрического, психоцентрического и индивидоцентрического. Различия подходов заключаются в оценке значимости внутренних психологических и внешних социальных факторов для формирования и развития идентичности, а также ее структуры.

Основоположником теории идентичности считается У. Джеймс, который рассматривал данное понятие как чувство соответствия себе – Я, опыт, включающий в себя духовное, физическое и социальное Я (У. Джеймс 1991, Р. Бернс 1986). Дальнейшее развитие теория У. Джеймса получила в работах представителей символического интеракционизма С.Х. Кули⁷⁸, Дж.Х. Мид⁷⁹,

⁷⁴ Блок Д. Монография Идентичность второго языка. Лондон / Нью-Йорк: континуум. 2007.

⁷⁵ Чернявская О.С. Осмысление понятия территориальной идентичности // Вестник ВятГУ. 2011. № 4. С. 70-76.

⁷⁶ Erikson E. Identity: Youth and Crisis. Moscow, Progress, 1996. P. 344.

⁷⁷ Маслоу А. Мотивация и личность. СПб., 1999. С. 21.

⁷⁸ Cooley С.Н. Human nature and the social order. New York, Schocken, 1964.

⁷⁹ Mead G.H. Mind, Self, and Society. From the Standpoint of a Social Behaviorist. Chicago, University of Chicago Press, 1934.

Э. Гоффман⁸⁰ и т. д. В отечественной психологии данное понятие получило название самости (О.В. Захарова⁸¹). Отметим, что в теории У. Джеймса представлены также три постулата, на которых базируется восприятие индивидом Я: способность видеть обобщенные представления других о самом себе, осознавать и анализировать ответные реакции других, развивать самопредставления, индивидуальные свойства на основе восприятия их со стороны других (С.А. Кравченко⁸²). В этой связи мы предполагаем, что идентичность характеризуется рефлексивностью, то есть способностью осознавать свое сознание, наблюдать его, размышлять о нем, переживать его (Л.Я. Дорфман⁸³).

Исследования индивидоцентричного характера идентичности относятся ко второй половине XX в. и основаны на учениях Декарта, Дж. Локка и Д. Юма, которые ставят на первое место субъект, психику индивида с точки зрения тождества индивидуальной «Я-концепции» – устойчивого, непрерывного и осознаваемого тождества психического и телесного «Я», конструируемых извне, то есть обществом, что позволяет говорить снова о социальном аспекте идентичности (М.В. Заковоротная⁸⁴).

В работах И. Канта⁸⁵ субъект представляется автономным, однако границы его идентичности определяются и регулируются социальным поведением, что в эпоху Просвещения называлось нравами. Тем самым индивидуальность личности проявляется на уровне практических действий в виде родовой принадлежности и приверженности социальным константам. Мы заключаем, что индивидоцентричный контур изучения идентичности связан преимущественно с философской (К. Ясперс⁸⁶) и психоаналитической традициями (психоанализ

⁸⁰ Goffman E. Presentation of Self in Everyday Life. New York, 1959; Goffman E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. London, Penguin, 1963.

⁸¹ Захарова О.В. Социальная идентификация и социальная идентичность в изменяющемся обществе: учебно-методическое пособие. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 2010. С. 35-39.

⁸² Кравченко С.А. Социология: Парадигмы через призму социологического воображения: Учеб. пособие для вузов. М., 2002. С. 24-132.

⁸³ Дорфман Л.Я. Я-концепция: дифференциация и интеграция // Интегральная индивидуальность, Я-концепция, личность / Под ред. Л.Я. Дорфмана. М.: Смысл, 2004. С. 96-123.

⁸⁴ Заковоротная М.В. Идентичность человека. Социально-философские аспекты. Ростов-на-Дону: Изд-во Северо-Кавказского науч. центра высш. школы. 1999. С. 161.

⁸⁵ Kant I. Works in 8 volumes. Vol. 5. Moscow, Choro, 1994.

⁸⁶ Ясперс К. Смысл и назначение истории. 2-е изд. М.: Республика, 1994. С. 527.

З. Фрейд⁸⁷, Э. Эриксон⁸⁸). В теории психоанализа З. Фрейда идентичность индивида рассматривалась в совокупности с его идентификацией с группой (Л.М. Дробижева⁸⁹). При этом идентичность является результатом процесса формирования внутренних психологических структур индивида (родители, семья) – в данном случае мы видим пересечение психологического и социального начал, что приводит нас к пониманию идентичности как тождественности личности самой себе (самости), которая не прерывается во времени и признается окружающими людьми (Э. Эриксон⁹⁰). По мнению Ж. Лакана, человек всегда стремится к поиску самости и способен реализоваться только посредством «Другого» – человека, общества, государства, социальной системы, культуры (Ж. Лакан⁹¹).

В рамках теории психоанализа Э. Фромма идентичность рассматривается как врожденная потребность человека в самоотождествлении, которая проявляется в зависимости от социальных условий, в первую очередь, когда он ощущает себя «вырванным из своей природной среды» или когда осознает собственные границы в условиях социального взаимодействия⁹². Такой подход послужил началом развития символического интеракционизма, согласно которому идентичность в качестве «Я» или самости представляет собой продукт социальных процессов, формируемых на основе готовых смыслов и социального взаимодействия (Дж.Х. Мид⁹³, С.Х. Кули⁹⁴, Э. Гоффман⁹⁵).

Исследование природы самости позволяет нам сделать вывод о том, что идентичность формируется у индивида первоначально под воздействием отдельных установок ближайших окружающих его других индивидов (семья),

⁸⁷ Freud S. The Interpretation of Dreams. Moscow, Eksmo; Saint Petersburg, Mizhgard, 2005.

⁸⁸ Erikson E. Identity: Youth and Crisis. Moscow, Progress, 1996. P. 344.

⁸⁹ Дробижева Л.М. Социальная и культурная дистанция. Опыт многонациональной России. М., 1998. С. 29-35.

⁹⁰ Erikson E. Identity: Youth and Crisis. Moscow, Progress, 1996. 344 p.

⁹¹ Лакан Ж. Стадия зеркала как образующая функцию я, какой она раскрывается в психоаналитическом опыте (1946) / пер. с фр. В. Лапицкого // Кабинет: картины мира. СПб.: Инапресс, 1998. С. 136-142.

⁹² Fromm E. Way from a sick society. The problem of man in Western philosophy. Moscow, Progress, 1988.

⁹³ Mead G.H. Mind, Self, and Society. From the Standpoint of a Social Behaviorist. Chicago, University of Chicago Press, 1934.

⁹⁴ Cooley C.H. Human nature and the social order. New York, Schocken, 1964.

⁹⁵ Goffman E. Presentation of Self in Everyday Life. New York, 1959; Goffman E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. London, Penguin, 1963.

и далее под влиянием той или иной социальной группы, тем самым обеспечивая его целостность как своего «Я» (Дж.Х. Мид⁹⁶, С.Х. Кули⁹⁷). По сути, идентичность складывается в процессе оценки личности другими, в результате которой поведение индивида меняется под влиянием представлений о требованиях со стороны социума. В дальнейшем в работах Дж.Х. Мид⁹⁸ и Х. Абельс⁹⁹ социоцентрическое понимание идентичности приобретает признак рефлексивности «Я», посредством которого образ «Я» гармоничен ввиду наличия в нем трех элементов: образ индивида в представлении другого, мнение другого об образе индивида и самоощущение индивида. Следует обратить внимание на теорию социальной идентичности Э. Гоффмана¹⁰⁰, согласно которой индивид предпринимает попытки сохранить свое «Я» перед «Другими» в процессе взаимодействия, выполняя те или иные социальные роли. При этом автор выделяет три вида идентичности (рисунок 1).

Рисунок 1 – Виды идентичности по Э. Гоффману¹⁰¹

⁹⁶ Mead G.H. Mind, Self, and Society. From the Standpoint of a Social Behaviorist. Chicago, University of Chicago Press, 1934.

⁹⁷ Cooley C.H. Human nature and the social order. New York, Schocken, 1964.

⁹⁸ Mead G.H. Mind, Self, and Society. From the Standpoint of a Social Behaviorist. Chicago, University of Chicago Press, 1934.

⁹⁹ Abels H. Interaction, identity, presentation. Saint Petersburg, Aletheia, 2000.

¹⁰⁰ Goffman E. Presentation of Self in Everyday Life. New York, 1959; Goffman E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. London, Penguin, 1963.

¹⁰¹ Ibid.

Мы считаем, что социальная идентичность представляет собой отождествление индивида с социальной группой, к которой он принадлежит. Личностная идентичность охватывает индивидуальные качества личности индивида. Я-идентичность – субъективные ощущения индивида к самому себе. Э. Гоффман также вводит понятия а) ролевого дистанцирования от своей социальной роли, тем самым сохраняя свою индивидуальность; б) политики идентичности, сущность которой заключается в возможности влияния индивида на информацию о себе, которая поступает в социум посредством избегания, деидентификации, искажения мнения о личности¹⁰².

Ряд исследователей считает, что идентичности вовсе не противоречат друг другу, а взаимодополняют, в частности, личностная идентичность пересекается с социальными категориями: гендер, раса, принадлежность к той или иной культуре, социальному классу и религии (Т. Шибутани¹⁰³, С. Московичи¹⁰⁴, В. Дойзе и др.¹⁰⁵, Дж.С. Дешампс, Т. Девос¹⁰⁶, С.Р. Джонс, М.К. Макивен¹⁰⁷, Э.С. Абес, С.Р. Джонс¹⁰⁸).

Некоторые исследователи противопоставляют личностную и социальную идентичности (Х. Тайфель, Дж.С. Тернер¹⁰⁹; М. Джаромовик¹¹⁰), другие считают, что их следует рассматривать в едином интегрированном контексте с учетом выполняемых социальных ролей (Дж.Э. Коте,¹¹¹ Дж.Э. Марсиа¹¹², М.К. Люйкс,

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Шибутани Т. Социальная психология / Т. Шибутани; пер. с англ. В.Б. Ольшанского. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. С. 539.

¹⁰⁴ Moscovici S. Notes towards a description of Social Representation // *European Journal of Social Psychology*. 1988. № 18. P. 211-250.

¹⁰⁵ Doise, W. Social representations in personal identity // *Social identity: International perspective*. N.Y.: Sage Publ., 1998. P. 13-25.

¹⁰⁶ Deschamps J.C. Regarding the relationship between social identity and personal identity // *Social Identity (International Perspectives)*. London, New Delhi, 1998. Pp. 1-13.

¹⁰⁷ Jones S.R. A conceptual model of multiple dimensions of Identity // *Journal of College Student Development*. 2000. № 41(1). P. 405-414.

¹⁰⁸ Abes E.S. Meaning-making capacity and the dynamics of lesbian college students' multiple dimensions of identity // *Journal of College Student Development*. 2004. № 45. P. 612-632.

¹⁰⁹ Tajfel H., Turner J.C. The social identity theory of intergroup behavior // S. Worchel, W.G. Austin (eds). *Psychology of intergroup relations*. 2nd ed. Chicago: Nelson-Hall, 1985. P. 7-24.

¹¹⁰ Jaromowic M. Self-We-Others schemata and social identifications // *Social identity: International perspective*. N.Y.: Sage Publ., 1998. P. 44–52.

¹¹¹ Cote J.E. Identity Stage Resolution Index (ISRI) An empirical test of the identity capital model // *Journal of Adolescence*. 1997. № 20. P. 421-437.

¹¹² Marcia J. E. Identity in adolescence. In: Adelson J. (ed.) *Handbook of adolescent psychology*. N.Y.: John Wiley. 1980.

С.Дж. Шварц, М.Д. Берзонски¹¹³), выбора профессии, религии, политических взглядов, социальных и гендерных ролей (Н.В. Антонова¹¹⁴, Э. Берн, Дж.Э. Марсиа¹¹⁵; А.С. Вотерман¹¹⁶), целей, ценностей, интересов (М.Д. Берзонски, Дж. Сиесиуч, Б. Дурiez, Б. Соненс¹¹⁷). Социоцентрический вектор ориентирован на понимание идентичности с точки зрения внутренней потребности индивида в идентификации с социумом.

Наибольшее значение для развития представлений социальной идентичности имели труды Х. Тайфеля, Дж.С. Тернера¹¹⁸ в рамках когнитивной психологии.

По мнению авторов, личностная идентичность представлена совокупностью нравственных и интеллектуальных черт личности, социальная – совокупностью различных социальных идентификаций, определяемых принадлежностью личности к расе, национальности, полу и т. д.¹¹⁹. Тем не менее, последующее осмысление данной теории породило следующие противоречия:

1) конструирование социальной идентичности осуществляется в зависимости от заданных условий и имеет индивидуальный характер, что осложняет ее реализацию на практике (А.В. Микляева, П.В. Румянцева¹²⁰, О.В. Сулимина¹²¹);

2) невозможным является то, что индивид чувствует себя одновременно и подобным членам группы, проявляя социальную идентификацию, и отличным от

¹¹³ Luyckx K., Schwartz S.J., Berzonsky M.D., et al. Capturing ruminative exploration: Extending the four-dimensional model of identity formation in late adolescence // *Journal of Research in Personality*. 2008. Issue 42. P. 58-82.

¹¹⁴ Антонова Н.В. Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии // *Вопросы психологии*. 1996. № 1. С. 131-143.

¹¹⁵ Marcia J.E. Identity in adolescence. In: Adelson J. (ed.) *Handbook of adolescent psychology*. N.Y.: John Wiley. 1980.

¹¹⁶ Waterman A.S. Identity development from adolescence to adulthood: An extension of theory and a review // *Developmental Psychol.* 1982. V.18. № 3. P. 341-358.

¹¹⁷ Berzonsky M.D., Ciecuch J., Duriez B., et al. The how and what of identity formation: Associations between identity styles and value orientations // *Personality and Individual Differences*. 2011. № 50. P. 295-299.

¹¹⁸ Tajfel H., Turner J.C. The social identity theory of intergroup behavior // S. Worchel, W.G. Austin (eds). *Psychology of intergroup relations*. 2nd ed. Chicago: Nelson-Hall, 1985. P. 7-24.

¹¹⁹ Tajfel H., Turner J.C. The social identity theory of intergroup behavior // S. Worchel, W.G. Austin (eds). *Psychology of intergroup relations*. 2nd ed. Chicago: Nelson-Hall, 1985. P. 7-24.

¹²⁰ Микляева А.В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования: Монография / А.В. Микляева, П.В. Румянцева. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008.

¹²¹ Сулимина О.В. Личность и сущность: путь к себе // *Психология индивидуальности*. Сб. материалов III Всероссийской научной конференции. Часть 2. М.: Изд. дом Гос. ун-т – Высшей школы экономики, 2010. С. 248-250.

них в рамках личностной идентичности (В.Н. Павленко¹²², О.Н. Павлова¹²³). Исходя из указанных противоречий, мы можем сделать вывод о том, что в определенный момент времени только одна из идентичностей может быть актуализирована и реализована.

Методология, восходящая к концепции Э. Гоффмана, в отечественной психологии предложена И.С. Коном¹²⁴, согласно которой личностная идентичность характеризуется совокупностью целей, мотивов, установок личности в отношении себя самой, внутренними переживаниями индивида, тогда как социальная – система внешних проявлений (поведение), благодаря которым индивид признается обществом.

Ю. Хабермас определяет личностную и социальную идентичность как две пересекающиеся между собой оси, обеспечивающие взаимосвязь истории жизни индивида и выполнение им разных социальных ролей в процессе взаимодействия с окружающими, тем самым возникает баланс между стремлением к Я-неповторимости и нормативности по отношению к ожиданиям других¹²⁵. Поскольку идентичность имеет две стороны, целесообразно обратиться к направлению социального конструктивизма, в рамках которого идентичность трактуется как субъективная реальность, возникающая в процессе непрерывного взаимодействия индивида и общества, в ходе которого формируется их совместная история (П. Бергер, Т. Лукман¹²⁶).

Анализ социоцентрического вектора изучения идентичности показывает, что его сторонники, как правило, не учитывают социокультурный и исторический контекст (А.Ю. Хамнаева¹²⁷), ограничивая исследование идентичности рамками локальных взаимодействий. Более того, на наш взгляд, они не объясняют причины

¹²² Павленко В.Н. Представления о соотношении социальной и личностной идентичности в современной западной психологии // Журнал вопросы психологии. 2000. № 1. С. 135-141.

¹²³ Павлова О.Н. Идентичность: история формирования взглядов и ее структурные особенности. М., 2001.

¹²⁴ Кон И.С. Социологическая психология. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК». 1999. С. 560.

¹²⁵ Хабермас Ю. В поисках национальной идентичности. Философские и политические статьи. Донецк: Донбасс, 1999. С. 138.

¹²⁶ Berger P., Lukman T. The Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge. Moscow, Medium, 1995. P. 280-282.

¹²⁷ Хамнаева А.Ю. Характеристики идентичности в меняющемся мире // Аналитика культурологии. 2007. № 2 (8). URL: <http://www.analiculturolog.ru> (дата обращения 10.10.2023).

той или иной модели поведения индивида в рамках существующих норм и ценностей.

Исходя из анализа индивидоцентрического, психоцентрического и социоцентрического контуров изучения идентичности, можно заключить, что все три подхода взаимосвязаны в пространстве представлений о «Я» и «Других», что свидетельствует о рефлексивности индивида. Итак, во второй половине XX в. проблема идентичности рассматривалась с точки зрения трех направлений: психоаналитического, когнитивистского и интеракционистского.

Представители психоаналитического направления (А.С. Вотерман¹²⁸, Дж.Э. Марсиа¹²⁹, З. Фрейд¹³⁰, Э. Эриксон¹³¹) рассматривали идентичность как личностную структуру, способную активизировать адаптационные способности индивида в развитии своего «Я» в социуме, при этом на первое место выходят ценности, воля, цели, убеждения, служащие основой для поиска смысла жизни.

В рамках когнитивистского подхода (Х. Тайфель, Дж.С. Тернер¹³²) идентичность понимается как соотношение личностного и социального в структуре Я-концепции личности, при этом в зависимости от степени близости к цели может актуализироваться либо личностная, либо социальная идентичность в форме:

- а) самоактуализации (восприятие себя как человека),
- б) социальной / групповой,
- в) индивидуально-личностной.

Сущность интеракционистского направления заключалась в Я-концепции об осознаваемой / неосознаваемой идентичности (Н.В. Антонова¹³³, С.Х. Кули¹³⁴,

¹²⁸ Waterman A.S. Identity development from adolescence to adulthood: An extension of theory and a review // *Developmental Psychol.* 1982. V. 18. № 3. P. 341-358.

¹²⁹ Marcia J.E. Identity in adolescence. In: Adelson J. (ed.) *Handbook of adolescent psychology*. N. Y.: John Wiley, 1980.

¹³⁰ Freud S. *The Interpretation of Dreams*. Moscow, Eksmo; Saint Petersburg, Mizhgard, 2005.

¹³¹ Erikson E. *Identity: Youth and Crisis*. Moscow, Progress, 1996. P. 344.

¹³² Tajfel H., Turner J.C. The social identity theory of intergroup behavior // S. Worchel, W.G. Austin (eds). *Psychology of intergroup relations*. 2nd ed. Chicago: Nelson-Hall, 1985. P. 7-24.

¹³³ Антонова Н.В. Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии // *Вопросы психологии*. 1996. № 1. С. 131-143

¹³⁴ Cooley C.H. *Human nature and the social order*. New York, Schocken, 1964.

Дж.Х. Мид¹³⁵), которая основана на осознаваемых / неосознаваемых индивидом нормах, привычках, стереотипах, ожиданиях, при этом осознанность поведения возникает тогда, когда индивид включается в процесс размышления (Н.В. Антонова¹³⁶, Л.М. Дробижева¹³⁷, Ю. Хабермас¹³⁸).

В научной литературе представлены четыре подхода к определению идентичности.

1. Первый подход основан на идее перехода идентичности к принадлежности: от статичных (кланы, пол, этносы) до подвижных структур (С. Холл, П. Ду Гэй¹³⁹).

2. Второй подход подчеркивает изменчивость, рефлексивность идентичности и ритуализированность (А. Гидденс¹⁴⁰).

3. Третий подход делает акцент на самоопределении индивида в условиях множественности идентичностей, а также на рефлексивности и детрадиционализации как механизмах формирования идентичности (Х. Лэш¹⁴¹).

4. Четвертый подход рассматривает идентичность с точки зрения призмы, через которую индивид смотрит на окружающий мир (М. Кастельс¹⁴², З. Бауман¹⁴³). При этом эпоха глобализации оказывает существенное влияние на формирование и осознание идентичности индивидом. В данном случае мы отмечаем близость к идеям Н. Бердяева¹⁴⁴ и теории социального конструктивизма (П. Бергер, Т. Лукман¹⁴⁵), согласно которой идентичность представляет собой идентификацию не с конкретными индивидами как

¹³⁵ Mead G.H. *Mind, Self, and Society from the Standpoint of a Social Behaviorist*. Chicago, University of Chicago Press, 1934.

¹³⁶ Антонова Н.В. Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии // *Вопросы психологии*. 1996. № 1. С. 140-143.

¹³⁷ Дробижева Л.М. Социальная и культурная дистанция. Опыт многонациональной России. М., 1998. С. 297

¹³⁸ Хабермас Ю. В поисках национальной идентичности. *Философские и политические статьи*. Донецк: Донбасс, 1999. С. 138.

¹³⁹ *Questions of Cultural Identity* (S. Hall, P. Du Gay, eds.). 1996. London: Sage. P. 342.

¹⁴⁰ Giddens A. *The Transformation of Intimacy*. Cambridge: Polity Press, 1992. P. 216.

¹⁴¹ Lasch Ch. *The Minimal Self*. London: Norton, 1985. P. 320.

¹⁴² Кастельс М. Могущество самобытности // *Новая постиндустриальная волна на Западе: антология* / под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Издво «Academia», 1999. С. 640.

¹⁴³ Бауман З. От паломника к туристу // *Социологический журнал*. 1995. № 4. С. 133-154.

¹⁴⁴ Бердяев Н.А. О человеке, его свободе и духовности: *Избранные труды* / Н.А. Бердяев. М.: Московский психолого-социальный институт; Флинта, 1999. С. 45-86.

¹⁴⁵ Бергер П., Лукман Т. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. М., 1995.

представителями социальной группы, а с определенными стереотипами поведения, характерными для его социокультурной среды (Г.И. Макарова¹⁴⁶).

Развитие указанных подходов к пониманию идентичности в современном обществе мы связываем с процессами децентрализации субъекта, когда субъективность и идентичность:

1) взаимосвязаны между собой и воспринимаются как норма, что позволяет нам говорить о статичности идентичности, поскольку она исторически возникла как результат господства властных отношений в обществе, символизирующих неизменный порядок, в частности исключения «Другого» из образования, политики, культуры и т. д.;

2) множественны, поскольку представляют собой различия между собой и «Другим», с одной стороны, и тождественность себя со «Своим» на основе разных категорий, в частности пола, класса, нации, религии и др. (Д. Батлер¹⁴⁷, Р. Брайдотти¹⁴⁸).

Таким образом, идентичность характеризуется субъективностью, ситуативностью, подвижностью и наличием эмоционально-чувственной составляющей. Эти свойства реализуются через систему категорий, посредством которых идентичность формируется, осознается и накапливается в ходе социального взаимодействия. При этом она выполняет две взаимосвязанные функции: во-первых, выступает как ответ на существующий социальный порядок; во-вторых, служит способом конструирования собственного «Я» через идентификацию со «Своими» и дистанцирование от «Других».

Идентичность следует рассматривать как комплексный конструкт, затрагивающий Я-составляющую, личностную и социальную, что позволяет индивиду отождествлять себя с той или иной социальной группой, проводить различия между собой и другой группой на основе жизненных ценностей и идеалов, что, в первую, очередь, может объяснить те или иные поведенческие

¹⁴⁶ Макарова Г.И. Этнокультурные идентичности: некоторые теоретические подходы к изучению проблемы // Вестн. Казан. гос. ун-та культуры и искусств. 2005. № 1. С. 55-61.

¹⁴⁷ Батлер Д. Гендерное беспокойство // Антология гендерной теории. Минск: ПроPILEI, 2000.

¹⁴⁸ Брайдотти Р. Различия полов как политический проект номадизма // Женщина не существует: современные исследования полового различия / под ред. Аристарховой. Сыктывкар, 1999.

модели в отношении представителей других культур и национальностей. Исходя из этого, идентичность наряду с индивидуальной уникальностью и личностным самоощущением предполагает также отождествление с определенной социальной группой, которое включает в себя различные аспекты (расовую, этническую, религиозную, гендерную идентичности и др.).

1.2 Понятие национальной идентичности

Многоаспектность национальной идентичности как социокультурного явления связана с такими понятиями, как нация, этничность в значении «народ» и гражданственность как единство нации и государственного аппарата.

Теория национальной принадлежности, созданная в XIX в., базируется на интеграции двух основных концепций.

1. рационалистической концепции Ж.-Ж. Руссо, в основе которой лежит право народа быть верховным сувереном в политической жизни (И.Ю. Киселев, А.Г. Смирнова¹⁴⁹);

2. культурологической, основанной на иррациональных представлениях о единстве нации (по языку, крови, традициям – Бадмаев В.Н.¹⁵⁰).

Тем не менее, противоречивость развития современных национальных культурно-неоднородных обществ, характеризующихся разными организационно-политическими формами существования и проживания, вкладывает в понятие национальной идентичности разные смыслы благодаря наличию в ее содержании субъективности, вариативности, рефлексивности и взаимосвязи с социумом, с одной стороны, и с вовлеченностью индивида как представителя нации в социокультурные и политические процессы, с другой (И.С. Семененко¹⁵¹, И.А. Аполлонов¹⁵²).

¹⁴⁹ Смирнова А.Г., Киселев И.Ю. Идентичность в меняющемся мире. Ярославль: ЯрГУ. 2002.

¹⁵⁰ Бадмаев В.Н. Феномен национальной идентичности (социально-философский анализ). Волгоград-Элиста. 2005.

¹⁵¹ Семененко И.С. Нация, национализм, национальная идентичность: новые ракурсы научного дискурса. Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 11. С. 91-102.

¹⁵² Аполлонов И.А. Проблема личностной идентичности в контексте этнокультурной традиции. В мире научных открытий. 2011. № 11. С. 705-714.

В первую очередь, стоит обратиться к термину «нация». Мы считаем, что он имеет первостепенное значение, поскольку конструирование национальной идентичности проходит не в отрыве от общества, а в рамках интеграции социума и идентичности как осознания себя в качестве представителя определенной общности.

Представим два подхода к определению данного понятия, основываясь на изучении этнографической, социологической и философской литературы:

1) объективный, в рамках которого нация идентифицируется по совокупности объективных признаков независимо от субъективных позиций ее представителей; к таким признакам относятся общность территории, языка, жизнедеятельности, религии;

2) субъективный, согласно которому на первое место выходят субъективные воззрения относительно общих интересов национального общества и согласия его представителей (О.Ю. Малинова¹⁵³, Э. Хобсбаум).

На наш взгляд, необходим интегрированный подход к определению данного понятия, объединяющий геокультурную, социально-экономическую и историческую основу с субъективно-психологическими механизмами восприятия собственной общности. Согласно Э. Хобсбауму, в разные исторические эпохи понятие нации варьировалось и применялось по отношению к гильдиям, сословиям, университетам, союзам, однако одним из постоянных критериев определения нации было наличие общих целей, интересов и идентифицирующих признаков как механизма определения «границ», интерпретации приверженности обозначенным целям и интересам¹⁵⁴. В свою очередь, мы придерживаемся точки зрения О.Ю. Малиновой, согласно которой формирование национальной идентичности осуществляется в условиях определенной государственной политики, нацеленной на господство и доминирование в разных сферах – международной политике, системе образования, социально-экономической сфере, в повседневном взаимодействии

¹⁵³ Малинова О.Ю. Россия и Запад в XX веке: Трансформация дискурса о коллективной идентичности. М., 2009. С. 7-10.

¹⁵⁴ Hobsbaum E. Nations and Nationalism since 1780: Programm, Myth, Reality. Cambridge. 1990. С. 25-73.

национальных групп¹⁵⁵. Исследования национальной идентичности проводятся на основе разных позиций, что показывает стремление авторов комплексно подойти к данному понятию.

Первая позиция базируется на взаимосвязи национальной идентичности и солидарности. В данном случае представителей той или иной нации объединяет общая идея, которой они привержены в конкретную историческую эпоху. Тем самым мы отмечаем, что в основе национальной идентичности лежит чувство принадлежности к нации, которая формируется в определенном дискурсе посредством реализации позиций и ценностей отдельной личности или группы.

Вторая позиция связана с культурно-исторической стороной идентичности. В данном случае мы обращаемся к двум подходам.

1. Структурно-реалистический, в основе которого лежит идея о том, что осознание индивидом своей национальной идентичности происходит путем понимания внутригруппового сходства на основе общности, где главным средством объединения себя с группой является язык (О.С. Чеснокова, И.А. Мартыненко¹⁵⁶, Л.В. Моисеенко¹⁵⁷ и др.).

2. Социально-конструктивный, согласно которому осознание индивидом своей национальной идентичности происходит через осмысление различий между «Нами» и «Другими», которые определяют границы в отношениях как внутри «Своей» группы, так и отношение к «Другим» (О.С. Чеснокова¹⁵⁸, М.В. Ларионова¹⁵⁹, О.Ю. Малинова¹⁶⁰).

Анализируя данные подходы с точки зрения культурно-исторической составляющей, мы отмечаем, что наличие по меньшей мере одного

¹⁵⁵ Малинова О.Ю. Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: от 1990-х к 2010-м годам // Полис. Политические исследования. 2016. № 6. С. 139-158.

¹⁵⁶ Чеснокова О.С., Мартыненко И.А. Языковые параметры национальной идентичности перуанцев через призму топонимии Перу // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 3. С. 914-934.

¹⁵⁷ Моисеенко Л.В. Прецедентные феномены современных русских и испанских массмедиа как когнитивные структуры языковой личности. Mundo Eslavo. 2020. № 19. С. 7-24.

¹⁵⁸ Чеснокова О.С. Гимн Перу в контексте национальной идентичности перуанцев / О.С. Чеснокова, Л.А. Говорова, Т.Ф. Усманов // Вопросы прикладной лингвистики. 2024. № 55. С. 72-98.

¹⁵⁹ Ларионова М.В. Иberoамериканский цивилизационный дискурс: культурные доминанты идентичности. Иberoамериканские тетради. 2023. Т. 11. № 2. С. 182-188.

¹⁶⁰ Малинова О.Ю. Россия и Запад в XX веке: Трансформация дискурса о коллективной идентичности. М., 2009. С. 8-12.

различительного признака является четким критерием отличия от других – это может быть религия, место / территория / страна проживания, язык, традиции. В этой связи следует обратиться к мнению С. Хантингтона, полагавшего, что идентичность при определении сходств и различий детерминирована не объективными данными, а их субъективным значением и отношением к ним¹⁶¹. Так, мы рассматриваем национальную идентичность в рамках социального конструктивизма (П. Бергер, Т. Лукманн¹⁶²), что позволяет нам дать ее определение, выявить ее характеристики и проявления.

Анализ исследований, посвященных определению национальной идентичности, позволил нам выделить следующие важные аспекты.

1. Разграничение этнической и гражданской идентичности: первая рассматривается как данность, которую нельзя изменить, вторую можно сменить путем изменения страны проживания (А.Г. Здравомыслов¹⁶³, Т.Г. Стефаненко¹⁶⁴).

Значимость этнической, гражданской и культурной идентичности в рамках межгрупповых отношений рассматривались в работах М. Бианчи¹⁶⁵, Л. Гонга¹⁶⁶, Т.С. Дэвиса¹⁶⁷, Т.Ю. Загрязкиной¹⁶⁸, Н.М. Лебедевой¹⁶⁹, П. Массела¹⁷⁰,

¹⁶¹ Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО Транзиткнига, 2004. С. 635.

¹⁶² Бергер П., Лукманн Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.

¹⁶³ Здравомыслов А.Г. Кто мы, «националы» или граждане? Соотношение гражданского и этнического самосознания россиян: итоги опроса Российского независимого института социальных и национальных проблем. Мониторинг общественного мнения. 1998. № 5. С. 118-127.

¹⁶⁴ Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: учебник для вузов. М.: Аспект Пресс, 2013.

¹⁶⁵ Bianchi M., Mummendey A., Steffens M.C. & Yzerbyt V.Y. What do you mean by «European»? Evidence of spontaneous ingroup projection. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2010. № 36 (7). P. 960-974.

¹⁶⁶ Gong L. Ethnic identity and identification with the majority group: Relations with national identity and self-esteem. *International Journal of Intercultural Relations*. 2007. № 31 (4). P. 503-523.

¹⁶⁷ Davis T.C. Revisiting group attachment: Ethnic and national identity. *Political Psychology*. 1999. № 20 (1). P. 25-47.

¹⁶⁸ Загрязкина Т.Ю. Конструкт идентичности в творчестве трубадуров, или «Другая Франция» сквозь призму языка // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2020. № 1. С. 22-37.

¹⁶⁹ Лебедева Н.М. Этническая и кросс-культурная психология. М.: МАКС Пресс, 2011.

¹⁷⁰ Masella P. Nation identity and ethnic diversity. *Journal of Population Economics*. 2013. № 26 (2). P. 437-454.

Т.Г. Стефаненко¹⁷¹, О.Р. Тучиной¹⁷², Дж.С. Финни¹⁷³, Т.Э. Фуллер-Роувела¹⁷⁴, В.Е. Чернявской¹⁷⁵.

Основываясь на таком подходе, мы отмечаем, что этническая идентичность базируется на языке, культуре, национальности, историческом прошлом, национальной территории, тогда как гражданская – на геополитическом пространстве страны, культурных достижениях, исторической общности. Соответственно, можно также сделать вывод о том, что гражданская идентичность тесно связана с политическими процессами, тогда как этническая – подвержена их влиянию и изменению (О.А. Бальделомар¹⁷⁶, М. Бианчи¹⁷⁷, Т.С. Дэвис¹⁷⁸, Дж.С. Финни). Ряд исследователей сравнивает гражданскую и государственную идентичности и приходит к выводу о том, что государственная идентичность формируется на уровне государства: культуры, политики, территории, принадлежащей данной стране (И.Ю. Киселев, А.Г. Смирнова¹⁷⁹), которая находит свое отражение в массовом сознании (Л.М. Дробижева¹⁸⁰). С другой стороны, ряд исследователей придерживается понимания национальной идентичности как совокупности этнической, гражданской, государственной и социокультурной составляющих (И.С. Семененко¹⁸¹). Кроме того, ввиду того что национальная идентичность взаимосвязана с историческим и социокультурным развитием общества и социальной группы, мы предполагаем, что исторический опыт,

¹⁷¹ Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: учебник для вузов. М.: Аспект Пресс, 2013.

¹⁷² Тучина О.Р. Самопонимание личностью своей этнокультурной идентичности: субъектно-бытийный подход. Краснодар: Изд-во КубГУ, 2013.

¹⁷³ Phinney J.S. Ethnic identity in adolescents and adults: Review of research. *Psychological Bulletin*. 1990. № 108 (3). P. 499-514.

¹⁷⁴ Fuller-Rowell T.E., Ong A.D. & Phinney J.S. National identity and perceived discrimination predict changes in ethnic identity commitment: Evidence from a longitudinal study of Latino college students. *Applied Psychology: An International Review*. 2013. № 62 (3). P. 406-426.

¹⁷⁵ Чернявская В.Е. Языковые модусы идентичности: слово от редактора // *Terra Linguistica*. 2022. Т. 13. № 2. С. 7-10.

¹⁷⁶ Phinney J.S. & Baldelomar O.A. Identity development in multiple cultural contexts. In L.A. Jensen (Ed.) *Bridging Cultural and Developmental Approaches to Psychology: New Syntheses in Theory, Research, and Policy*. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 161-185.

¹⁷⁷ Bianchi M., Mummendey A., Steffens M.C. & Yzerbyt V.Y. What do you mean by «European»? Evidence of spontaneous ingroup projection. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2010. № 36 (7). P. 960-974.

¹⁷⁸ Davis T.C. Revisiting group attachment: Ethnic and national identity. *Political Psychology*. 1999. № 20 (1). P. 25-47.

¹⁷⁹ Смирнова А.Г., Киселев, И.Ю. Идентичность в меняющемся мире. Ярославль: ЯрГУ, 2002.

¹⁸⁰ Дробижева Л.М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости. В *Россия реформирующаяся*. Ежегодник. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 214-228.

¹⁸¹ Семененко И.С. Нация, национализм, национальная идентичность: новые ракурсы научного дискурса. *Мировая экономика и международные отношения*. 2015. № 11. С. 91-102.

как и культура, занимают важное значение в структуре национальной идентичности по нескольким причинам:

– во-первых, исторический опыт характеризуется как непосредственное эмоциональное переживание индивидом исторического события и одновременно исторической дистанции между прошлым и современным реальным временем (Ф.Р. Анкерсмит¹⁸²);

– во-вторых, исторический опыт включает не только знания об исторических событиях, но и проживание субъекта в них в рамках собственного представления о данном историческом событии (Брушлинский, 1994);

– в-третьих, исторический опыт дает возможность индивиду осмыслить настоящее и будущее в соотношении с прошлым, что влечет за собой личностные и поведенческие изменения (О.Р. Тучина¹⁸³).

2. Выявление культурной идентичности при формировании национальной (В.Н. Бадмаев¹⁸⁴, Л.М. Дробижева¹⁸⁵, М.В. Дробовцева, М.В. Котова¹⁸⁶, Н.Л. Смакотина, Т.Г. Стефаненко¹⁸⁷, Н.А. Хвыля-Олинтер¹⁸⁸), которая рассматривается с точки зрения пересечения и взаимосвязей в разных реальностях. В этой связи мы рассмотрим три подхода, которые соотносятся как с понятием «нация», так и с понятиями этнической, культурной, гражданской

¹⁸² Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. М.: «Европа», 2007.

¹⁸³ Тучина О.Р. Исторический опыт личности: субъектный подход. В Ананьевские чтения – 2016: Психология: вчера, сегодня, завтра. 2016. № 2. С. 179-180.

¹⁸⁴ Бадмаев В.Н. Феномен национальной идентичности (социально-философский анализ). Волгоград-Элиста. 2005.

¹⁸⁵ Дробижева Л.М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости. В Россия реформирующаяся. Ежегодник. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 214-228.

¹⁸⁶ Дробовцева М.В., Котова, М.В. Взаимосвязь гражданской и этнической идентичности россиян: факторы социокультурного контекста. Психологические исследования, 2016. № 47. С. 28-32.

¹⁸⁷ Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: учебник для вузов. М.: Аспект Пресс, 2013.

¹⁸⁸ Смакотина Н.Л., Хвыля-Олинтер Н.А. Национально-культурная идентичность молодежи: социологический метод оценки // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2010. № 2. С. 59-79.

и государственной идентичности (Б. Андерсон¹⁸⁹, О.Н. Астафьева¹⁹⁰, В.А. Ачкасов¹⁹¹, Э. Геллнер¹⁹², А.И. Миллер¹⁹³, С.Б. Синецкий¹⁹⁴) (таблица 1).

Таблица 1 – Подходы к изучению национальной идентичности

Подход	Сущность	Содержание	Решающие факторы
Нация – этнос	Национальная идентичность ≠ этническая идентичность (гармоничные / конфликтные отношения)	Этнос есть объединение людей на основе определенных маркеров, который основан, прежде всего, на культурных, религиозных, психологических, лингвистических признаках, нация – на институциональных, политических, экономических и территориальных	Этнос – культурная и историческая общность. Нация – политическая (государственная)
Нация – народ, имеющий свое государство	Разный уровень цивилизационного культурного развития	Формальные юридические признаки / принадлежность индивида к государству / реальное участие в жизнедеятельности общества	Историко-культурные основы единения общества, национальное единство как сознательный выбор людей ни в культурном,

¹⁸⁹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001. С. 288.

¹⁹⁰ Astafyeva O. Instability of Cultural Identity in the Modern World and Its Projections in Creative Industries // The 4-th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts. SGEM 2017. Book 2. Ancience Science. Vol. 2. Sofia, Bulgaria, 2017. С. 25-31; Астафьева О.Н. Коллективная идентичность в условиях глобальных изменений: динамика устойчивого и укоренение становящегося // Вопросы социальной теории: научный альманах. Т. 5. Человек в изменяющемся мире: проблемы идентичности. М.: Изд-во независимого ин-та гражданского общества, 2011. С. 223-241.

¹⁹¹ Ачкасов В.А. Этническая и национальная идентичности в современном мире // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 6. 2012. № 1. С. 85-91.

¹⁹² Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. С. 322.

¹⁹³ Миллер А.И. Нация как рамка политической жизни // Pro et Contra. 2007. Т. 11, № 3 (37). С. 6-20.

¹⁹⁴ Синецкий С.Б. Культурные трансформации в XXI веке: осмысление перспектив // Культурологический журнал. 2012. № 3 (9). URL: <http://www.cr-journal.ru/rus/journals/146.html> (дата обращения: 15.07.2023).

			ни в гражданском плане
Гражданско-политическая и социально-культурная основа жизненного устройства	Роль культуры и культурной идентичности является основополагающей	Нация – определенное гражданско-политическое единство, основанное на принципах демократии, гражданского общества, справедливости, законности, равенства	Культурная и социальная политика в отношении разных социальных групп. Государственная политика

Исходя из вышеуказанных подходов, мы отмечаем, что формирование национальной идентичности индивида предполагает наличие двух взаимосвязанных процессов: с одной стороны, создание государством и национальной культурой соответствующих форм и механизмов, обеспечивающих «вовлечение» личности в общенациональную жизнь, а с другой – индивидуальные и групповые потребности индивидов, осознающих и отождествляющих себя с определенным национальным сообществом, национальной культурой и национальным государством. В этой связи мы рассматриваем национальную идентичность с точки зрения двух подходов:

1) конструктивизма, в рамках которого национальная идентичность есть конструкт, обладающий четкой структурой, набором признаков и характеристик, а также содержанием;

2) символического интеракционизма, согласно которому национальная идентичность представляет собой феномен, обладающий дуальным характером, который отличается стабильностью и динамичностью развития, основывается на общих культурных, идеологических, традиционных и ценностных установках.

Феномен существует в рамках единого национального пространства и характеризуется совокупностью общих признаков (например, язык, религия и др.). При этом государство является регулятором ориентирования и поведения индивида и национального сообщества внутри общества в целом.

На основе вышеизложенного, национальную идентичность мы понимаем как комплексный конструкт, проявляющийся на личностном, идеологическом, ценностном, социальном уровнях и характеризующийся наличием определенных образов и смыслов, взаимодействующих между собой в рамках территориального пространства, культурно-исторической и языковой среды.

1.3 Дискурс национальной идентичности

Множественность и вариативность идентичности приводят исследователей к необходимости изучения отдельных ее типов с точки зрения возможностей конструирования и изменения в зависимости от тех или иных условий, от ситуативных проявлений личностного и социального в рамках коммуникативного опыта (М. Бамберг¹⁹⁵, Ф. Магадам¹⁹⁶, Р. Харре), что позволяет говорить о появлении дискурсивного подхода (Б.А. Браун, В.З. Демьянков¹⁹⁷, Дж.М. Ревельс¹⁹⁸, А.А. Шевченко¹⁹⁹). Дискурс представляет собой связный текст, в котором отражены прагматические, психологические, социокультурные и др. факторы²⁰⁰. По мнению Т.А. ван Дейка, дискурс – это сложный комплекс языковой формы, значения и действия как коммуникативный акт²⁰¹. Исходя из определений, дискурс целесообразно считать связным текстом (устным или письменным), в котором в рамках коммуникации реализуется определенный смысл.

Согласно дискурсивному подходу, идентичность не просто постулируется, а конструируется в ходе социально-коммуникативного опыта. Дискурс в данном случае определяется как социально-обусловленное пространство, в котором

¹⁹⁵ Bamberg M., De Fina A., Schiffrin D. Discourse and identity construction // Handbook of identity theory and research / Ed. by S.J. Schwartz, K. Luyckx, V.L. Vignoles. N.Y.: Springer, 2011. P. 177-200.

¹⁹⁶ Moghaddam F., Harre R., Lee N. Global conflict resolution through positioning analysis. N.Y.: Springer, 2008.

¹⁹⁷ Демьянков В.З. Конструкционные параметры дискурса // Когнитивные исследования языка. Общероссийская общественная организация Российская ассоциация лингвистов-когнитологов (Тамбов). 2025. № 1-1(62). С. 57-64.

¹⁹⁸ Brown B.A., Reveles J.M. Scientific Literacy and Discursive Identity: A Theoretical Framework for Understanding Science Learning. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/pdf/10.1002/sce.20069> (дата обращения: 17.08.2023).

¹⁹⁹ Шевченко А.А. Дискурс идентичности: варианты и трансформации // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Сер. Философия. 2006. Т. 4. № 2. С. 28-32.

²⁰⁰ Арутюнова Н.Д. Дискурс. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

²⁰¹ Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. Сб. работ. М.: Прогресс, 1989. С. 46.

создаются ситуации, формируются знания, идентичности и отношения между отдельными индивидами и группами. При этом образы и смыслы меняются посредством языка (выбора слов, конструкций, стиля общения, религии, принадлежности к определенной группе по интересам)²⁰². Однако, помимо изменчивых характеристик (поведение, ценности и убеждения, интересы и предпочтения, социальные роли, привычки), у индивида присутствуют постоянные, такие как возраст, гендер, этничность, образование. Сочетание статичных и динамичных характеристик дискурса обеспечивает его стабильность и вариативность. Сам дискурс при этом понимается как демонстрация смысла, через которую собеседники сигнализируют о своей культурной принадлежности. Ввиду того, что идентичность сама по себе обладает изменчивостью, а дискурс вариативен, можно сделать вывод о том, что дискурс идентичности проявляет в некоторых ситуативных условиях стабильность, а в других – неустойчивость. Идентичность при этом складывается как результат социальных действий индивидов. Соответственно, одной из функций дискурса является текстовая репрезентация реальности. Мы рассматриваем идентичность индивида как гибкий дискурсивный конструкт, постоянно трансформирующийся в ходе социального взаимодействия (Н.П. Бусыгина²⁰³, М. Веттерель²⁰⁴, Т.Л. Копусь²⁰⁵, Дж. Поттер, А. Де Фина²⁰⁶, В. Хоулвэй²⁰⁷).

Таким образом, национальную идентичность мы рассматриваем с точки зрения дискурсивности и конструируемости, поскольку она опирается на взаимосвязи «государство — нация — индивид» и реализуется в процессе коммуникации. На основании проведенного анализа мы заключаем следующее:

²⁰² Мельникова О.Т., Кутковая Е.С. Дискурсивный подход к исследованию идентичности // Вестник МГУ. Серия 14: Психология. 2014. № 1. С. 59-72.

²⁰³ Бусыгина Н.П. «Дискурсивный поворот» в психологических исследованиях сознания // Консультативная психология и психотерапия. 2010. № 1. С. 5-82.

²⁰⁴ Potter J., Wetherell M. Discourse and social psychology: Beyond attitudes and behavior. L.: Sage, 1987.

²⁰⁵ Копусь Т.Л. О роли дискурса сомнения при построении идентичности // Вестник ИГЛУ. 2010. № 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-rol-i-diskursa-somneniya-pri-postroenii-identichnosti> (дата обращения: 20.08.2023).

²⁰⁶ De Fina A., Schiffrin D., Bamberg M. Discourse and identity. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

²⁰⁷ Hollway W. Gender differences and the production of subjectivity // Changing the subject: Psychology, social regulation and subjectivity / Ed. by J. Henriques et al. L.: Methuen, 1984. P. 227-263.

1. Пространство дискурса «национальная идентичность» является изменчивым и рассматривается как противопоставление «свой» – «чужой», в связи с этим у той или иной национальной группы возникают разные образы и смыслы в отношении своей идентичности, в частности, это касается национальных самосознания и характера, исторической памяти, национально-культурных ценностей и традиций, а также стереотипов поведения (К.С. Гаджиев²⁰⁸, О.С. Чеснокова²⁰⁹), представлений о роли страны в мировой политике, ее национальных интересах (А.В. Костина²¹⁰, Н.В. Уфимцева²¹¹). Тем самым мы заключаем, что национальная идентичность в своем содержании культурно, социально и исторически опосредована и изменчива. В данном случае мы говорим о том, что национальная идентичность имеет социально-предписанную форму, где государство через социальные структуры, образование, СМИ регулирует и конструирует ее содержание, взаимосвязи и механизмы, тем самым выстраивая определенный дискурс. Соответственно, в зависимости от целей и интересов государства данный дискурс, как и сама национальная идентичность, также может изменяться (Н.Ф. Алефиренко²¹²).

2. Основными механизмами конструирования, взаимодействия и репрезентации национальной идентичности являются языковые процессы. В этой связи мы выделяем четыре подхода к изучению дискурса национальной идентичности. Первый основан на теории П. Бергера и Т. Лукмана (социальный конструкционизм), согласно которому национальная идентичность есть процесс социального взаимодействия, в котором дискурс направлен на достижение отождествления между «Я» и внешним «Другим». Второй подход (категоризация членства) предполагает, что язык является главным и основным способом

²⁰⁸ Гаджиев К.С. О кризисе национальной идентичности / К.С. Гаджиев // Мир и политика. 2013. № 1.

²⁰⁹ Чеснокова О.С. Отражение языковой картины мира в развитии лексической системы мексиканского национального варианта испанского языка: специальность 10.02.05 «Романские языки»: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Чеснокова Ольга Станиславовна. – Москва, 2006. – 358 с.

²¹⁰ Костина А.В. Цивилизационная идентичность в современном мире. Философия – Культура – Политика: сборник статей / А.В. Костина. М.: Русайнс, 2021.

²¹¹ Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность / Н.В. Уфимцева. М.: Институт языкознания РАН. 2011. – 252 с.

²¹² Алефиренко Н.Ф. Языковые стереотипы русского этнокультурного пространства. / Н.Ф. Алефиренко, Ш.К. Жаркынбекова // Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. 2014. № 3. С. 11-20.

взаимодействия в разных ситуациях общения, благодаря которому индивид может распознать других людей как определенных членов общества (Х. Антаки, С. Виддикомбе²¹³, Дж. Джеферсон²¹⁴, Х. Сакс, Э. Шеглофф²¹⁵). Таким образом, подобная узнаваемость приводит в действие дискурс и интеракции, конструируя национальную идентичность, исходя из ситуации. Третий подход основан на динамичности видения себя в рамках социального контекста и политических процессов на глобальном уровне. Категоризация задает контекст взаимодействия большого количества возможных альтернативных вариантов категоризации других людей и самого себя (С. Виггинс²¹⁶, А. Хепберн, Э. Шеглофф²¹⁷). Четвертый подход базируется на контекстуальности речи: взаимосвязь языковых средств с экстралингвистическими факторами определяет социальные установки индивида, способствуя анализу и интерпретации социального контекста, а также трансформации полученных результатов в понятия, представления и поведенческие модели. В данном случае контекстуальность подчеркивает неразрывную взаимосвязь между содержанием высказывания, процессом высказывания и говорящим. Тем самым она связывает содержание разговора с внеязыковой реальностью посредством способности лингвистических средств отражать социальный контекст (А. Де Фина²¹⁸). При анализе контекста языковые средства, используемые в ходе разговора, способны передать социальную роль и национальную принадлежность говорящего к определенной группе, а также показать, как сориентированы собеседники в пространстве и времени. Прежде всего, к языковым средствам относятся местоимения, топонимы, выражения, относящиеся к хронологии событий, выражение отношений к другим, к своей

²¹³ Antaki Ch., Widdicombe S. Identity as an Achievement and as a Tool. In: Antaki Ch., Widdicombe S. (ed.) *Identities in Talk*. London: Sage, 1998. P. 1-15.

²¹⁴ Sacks, H., Schegloff, E. & Jefferson G.A. Simplest Systematics for the Organization of Turn Taking in Conversation. *Language*. 1974. № 50. P. 696-735.

²¹⁵ Schegloff E. On talk and its institutional occasions // *Talk at work: Language use in institutional and work-place settings* / Ed. by P. Drew, J. Heritage. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 101-134.

²¹⁶ Hepburn A., Wiggins S. *Discursive research in practice. New approaches to psychology and interaction*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

²¹⁷ Schegloff E. On talk and its institutional occasions // *Talk at work: Language use in institutional and work-place settings* / Ed. by P. Drew, J. Heritage. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 101-134.

²¹⁸ De Fina A., Schiffrin D., Bamberg M. *Discourse and identity*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

национальной принадлежности (О.С. Чеснокова²¹⁹, И.А. Мартыненко²²⁰). В результате индивид может изменить свою позицию, поведение в зависимости от социального контекста, соотносясь с определенным набором лингвистических маркеров, способных передавать систему значений, в частности, социально разделяемые представления о пространстве и времени, идеологии, о членстве в группах, о социальных ролях и их атрибутах и т. д.

Анализ исследований дискурсивного подхода к идентичности позволяет заключить, что национальная идентичность индивида формируется на основе контекстуальности и соотнесения данного контекста с лингвистическими маркерами в рамках единого дискурса. К числу таких маркеров относятся:

- 1) комплекс этнонимов и топонимов (название этноса, национальности, нации, страны);
- 2) идентификация с определенными географическими территориями и связанные с ними представления о принадлежности;
- 3) идеалы и стереотипы (представления об общих положительных / отрицательных чертах своей и другой групп);
- 4) исторические представления о прошлом нации, ее культуре и традициях;
- 5) язык и лингвистические аспекты, связанные с национальной идентичностью;
- 6) символы и символические выражения национальной принадлежности, такие как флаги, гербы, гимны и другие национальные эмблемы (О.С. Чеснокова²²¹);
- 7) мифы, легенды и нарративы, которые формируют историческую и культурную память нации;
- 8) модели поведения, характерные для тех или иных национальных групп;

²¹⁹ Чеснокова О.С., Талавера-Ибарра П.Л. Баскская топонимия в диалоге языков и культур // Ибероамериканские тетради. 2016. № 2. С. 72-76.

²²⁰ Мартыненко И.А., Злобина О.Г. Топонимы в правовом дискурсе (на материале английского языка) // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 11. С. 79-84.

²²¹ Чеснокова О.С. Лингвокультурологический анализ гимна Мексики / О.С. Чеснокова, И.Б. Котенякина // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. 2022. № 4(40). С. 164-183.

9) граница территории своей национальной, культурно-исторической, социальной и психологической свободы, понимание как внутреннее видение группой данных границ (Л.М. Дробижева²²²);

10) исторические традиции, национальные и культурные ценности (О.С. Чеснокова²²³);

11) элементы национальной картины мира, языковые особенности, ментальность (О.С. Новикова²²⁴).

Принимая во внимание вышеизложенное, мы делаем следующий вывод о том, что процесс национальной идентификации предполагает организованное социальное взаимодействие в рамках дискурсивной практики, в которой системообразующими лингвистическими маркерами будут являться:

1) номинации, фиксирующие социальный статус, категории и субкатегории (россиянин – кавказец, американец как гражданин страны – мексиканец как представитель национальной группы и другие), типологию национальной принадлежности (общее наследие, язык, религия, традиции, история, кровная связь на основе общности происхождения, эмоциональная привязанность к территории и т. д.) (О.С. Чеснокова²²⁵);

репрезентация:

2) категорий прошлого, настоящего и будущего в историческом нарративе через описание происхождения, хронологии событий, ключевых событий в истории нации;

3) соотношения и характеристики категорий «мы» – «они» («свой» – «чужой»), что проявляется в конструировании позитивных характеристик «нас» и национальных различий «других»; сюда относятся стереотипы, идеалы, ценности, модели поведения, личностные характеристики;

²²² Дробижева Л.М. Социальная и культурная дистанция. Опыт многонациональной России. М., 1998. С. 30-32.

²²³ Чеснокова О.С. Отражение языковой картины мира в развитии лексической системы мексиканского национального варианта испанского языка: специальность 10.02.05 «Романские языки»: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Чеснокова Ольга Станиславовна. – Москва, 2006. – 358 с.; Чеснокова О.С. Испанский язык Мексики: языковая картина мира: Монография. – М.: Изд-во РУДН, 2006. – 238 с.

²²⁴ Новикова О.С. О морфологических особенностях национального самосознания // Актуальные проблемы социогуманитарного знания. М., 1984. С. 32-33.

²²⁵ Чеснокова О.С., Радович М. Катоиконимы стран Тихоокеанского Альянса: морфологическое и семантическое варьирование // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2020. № 4. С. 1017-1048.

4) образы культуры и территории, с которыми ассоциируются или к которым относятся нации через репрезентацию языка, культуры, искусства, науки, технологий, повседневной жизни, природы, населенных пунктов, географических особенностей, масштаба территории и т. д.;

5) особенности политической системы, социального устройства государства, социально-политических проблем и перспектив, что способствует конструированию национальной идентичности.

Вследствие этого дискурс национальной идентичности представляет собой комплексное и многогранное понятие, отражающее процессы формирования и выражения в тексте принадлежности к нации и национального самосознания. Он включает в себя совокупность различных сообщений, символов, идей и образов, которые формируют понимание национальной идентичности и конструируют национальное самосознание.

Сущность дискурса национальной идентичности отдельного народа / группы заключается в том, что он является способом общения и конструирования смысла в отношении национальной принадлежности. Через дискурс представители народа обмениваются идеями, представлениями и мнениями, которые связаны с национальными ценностями.

Следует отметить, что дискурс национальной идентичности играет важную роль в формировании коллективного самосознания и конструкции национальной принадлежности не только отдельного народа, но и региона в целом. Ярким примером является Латинская Америка. В составе Латинской Америки принято выделять коренные индейские народы, потомков европейских переселенцев, выходцев из Африки и Азии. Подобное разнообразие позволяет говорить о процессах интеграции, ассимиляции, этнической и культурной идентичности как в рамках определенной этнической группы, так и страны в целом²²⁶.

Присутствие и влияние латиноамериканцев заметно во многих сферах общества, включая культуру, политику, экономику и социальное развитие.

²²⁶ Carlos Oliva Mendoza. Cinco notas sobre literatura y filosofía latinoamericana // Revista de Hispanismo Filosófico. 2014. № 19. P. 101-117; La búsqueda perpetua: lo propio y lo universal de la cultura latinoamericana / Mercedes de Vega Armijo, coord. V. 3. La literatura hispanoamericana. México, 2011. Introducción P. 17-21.

В США латиноамериканцы также играют значимую роль по ряду причин. Во-первых, следует отметить значительное демографическое влияние испаноязычного населения, составляющего существенную роль жителей Соединенных Штатов. Согласно данным переписи 2020 года, приблизительно 20% населения Америки идентифицируют себя как латиноамериканцы, что делает эту группу самым многочисленным этническим меньшинством в стране²²⁷. Более того, значительная часть латиноамериканцев в США – это либо иммигранты, либо их потомки. Они бережно хранят и передают из поколения в поколение свои национальные традиции, языки, ценности и обычаи, что обеспечивает преемственность их культурной идентичности и ее сохранение в новой стране²²⁸.

Разнообразие языков процветает в Латинской Америке, при этом испанский и португальский занимают лидирующие позиции в качестве доминирующих языков. Тем не менее, немало распространенных языков, включая английский, французский, гарифуна, кечуа, аймара и другие²²⁹. Следовательно, латиноамериканские страны отличаются значительным богатством этнических групп и культур, что приводит к тому, что латиноамериканская идентичность, как правило, объединяет множество этносов.

Многообразие языков играет ключевую роль в формировании национальной идентичности Латинской Америки. Данная языковая картина отражает значительные демографические сдвиги, которые, в свою очередь, способствуют консолидации латиноамериканской группы в качестве важного социокультурного компонента. С одной стороны, наблюдается усиление влияния латиноамериканцев на политическую сферу общества в США. Их активное участие в выборах, особенно в регионах с высокой концентрацией латиноамериканского населения, приводит к тому, что представители этого региона занимают ответственные посты на всех уровнях власти. Латиноамериканцы также отстаивают свои права и принимают участие в общественной жизни, что укрепляет их самосознание и способствует учету их интересов. С другой стороны, культурные связи между

²²⁷ United States Census 2020. U.S. Census Bureau. URL: <https://www.usa.gov/census-data> (дата обращения: 28.03.2026).

²²⁸ Decennial Census. Tab. P9. Hispanic or Latino. 2020. URL: <https://www.census.gov/> (дата обращения: 28.03.2026).

²²⁹ U.S. Census Bureau. URL: https://www.census.gov/american_community_survey (дата обращения: 28.03.2026).

латиноамериканской культурой и американским обществом укрепляются через популяризацию музыки, танцев и национальной кухни. Это выражает повышенный интерес к латиноамериканской идентичности и подчеркивает ее вклад в культурное богатство страны. В результате латиноамериканцы все активнее признаются неотъемлемой частью американского общества. Кроме того, современные СМИ и Интернет позволяют латиноамериканцам активно обмениваться идеями, информацией и культурным опытом. Культурное самовыражение латиноамериканцев, воплощенное в испаноязычном кино, музыке, телевидении и литературе, проникает в мировую культуру, способствуя узнаваемости и восприятию латиноамериканской идентичности.

Исследователи латиноамериканской цивилизации (К.Е. Авдеев²³⁰, Т.А. Воротникова, З.В. Ивановский²³¹, Я.Г. Шемякин²³²) отмечают пограничность латиноамериканского общества как специфичной черты. Это обусловлено тем, что данная цивилизация была образована при взаимодействии различных культур. Авторы относят к основным характеристикам Латинской Америки достаточно высокий уровень архаических элементов культуры и гетерогенность. Латинская Америка все чаще выступает на международной арене как идеологически целостное образование. Предпосылками этого является ряд факторов: лингвистическая общность, общая религия, художественное творчество, идея латиноамериканской солидарности и латиноамериканской идентичности²³³. Основываясь на вышесказанном, можно сделать вывод о том, что формирование латиноамериканской идентичности становится все более значимым в связи с территориальными, лингвистическими, этническими основами самосознания. Совокупность территориальных, лингвистических, этнических и культурных

²³⁰ Авдеев, К. Е. Становление латиноамериканской цивилизации: социально-философский анализ : автореферат дис. ... кандидата философских наук : 09.00.11 / Авдеев Кирилл Евгеньевич; [Место защиты: Рос. гос. торгово-эконом. ун-т.] – Москва, 2010. – 25 с.

²³¹ Ивановский З.В. Латинская Америка в новом тысячелетии: социальная панорама и динамика политических процессов (часть 1) // Латинская Америка. 2019. № 7 С. 30-39.

²³² Шемякин Я.Г. Отличительные особенности «пограничных» цивилизаций // Общественные науки и современность. М. 2000. С. 96-114; Шемякин Я.Г. Латиноамериканская цивилизация и латиноамериканская литература // Латинская Америка. 2006. № 5. С. 104-114.

²³³ Воротникова Т.А. Актуальные проблемы этнокультурной идентичности в странах Латинской Америки // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. Сборник статей, посвященный памяти С.И. Семенова. Воронеж. 2006. С. 34-38.

факторов создает прочную основу для формирования латиноамериканской идентичности. Латиноамериканские медиа (в частности, мексиканские) активно конструируют идентичность посредством ключевых практик:

1. Топонимия как маркер идентичности. Мексиканские СМИ (TV Azteca, Televisa) постоянно освещают этимологию географических названий – от Мехико до небольших поселений, что позволяет закреплять связь между территорией (границы региона), языком (индейские корни)²³⁴ и этнической принадлежностью (ацтеки).

2. В качестве иллюстрации языковой политики в мексиканских медиа можно обратиться к газете El Universal, которая подчеркивает признание 68 национальных языков и развитие двуязычного образования в штатах Чьяпас и Юкатан. Данный пример наглядно демонстрирует взаимосвязь трех компонентов: языка (многоязычие признается нормой); этнической принадлежности (коренные народы выступают носителями языков)²³⁵; территории (формирование региональных языковых зон).

3. Кино и литература как инструмент формирования идентичности. Медиа через призму произведений и фильмов закрепляют связь языка (литературный и разговорный испанский с индейскими элементами), этнической принадлежности (метисы, индейцы) и территории (исторические регионы в кино).

Данные факторы не существуют изолированно, а взаимодействуют, усиливая друг друга и формируя целостную картину национальной идентичности.

Национальная идентичность Латинской Америки представляет собой важнейшую часть общественного сознания десятков народов, населяющих американский континент. История Латинской Америки начинается с испанского языка, который появился вместе с испанскими колонистами на американском

²³⁴ Шемякин Я.Г. «Пограничность» как способ сохранения и утверждения идентичности. Исторический опыт индейских культур Латинской Америки в универсальном контексте. Латинская Америка. 2021. № 9. С. 83-96.

²³⁵ Шахназарян В.М. Особенности функционирования диминутивных конструкций в юкатанском территориальном диалекте мексиканского национального варианта испанского языка штата Кинтана-Роо / В.М. Шахназарян // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 3(82). С. 394-395.

континенте. Принципы, лежащие в основе поиска истоков самосознания, обычно сводятся к территориальному и этническому компонентам, а также истории страны в целом, включая историю создания национального государства. Особое внимание следует уделить рефлексии исторического пути культуры и ретроспективы данных процессов в Латинской Америке²³⁶. История Латинской Америки имеет свои особенности, такие как период колониального господства, борьба за независимость, процессы деколонизации и постколониальные изменения²³⁷. Эти исторические события и процессы оказали глубокое влияние на формирование латиноамериканской национальной идентичности, способствуя развитию особого сознания и самоопределения.

На наш взгляд, национальная идентичность латиноамериканцев выражается через призму культурных явлений в социокультурном контексте, а именно открытие и освоение континента; колониальный период с характерным для него господством католической традиции, влиянием европейского фольклорного наследия и индейской мифологии; национально-освободительная борьба и обретение независимости; репрезентация самобытности и этнического самосознания в литературе, искусстве и кино; а также постепенная концептуализация понятия «латиноамериканская национальная идентичность» на основе:

- соединения мифологического, религиозно-католического и рационалистического мировоззрения;
- конструирования специфического пространственно-временного континуума;
- отражения процессов самоидентификации;
- использования знаков, символов и архетипов собственной культуры;

²³⁶ Протокилова Е.А. Культурная идентичность в современной латиноамериканской литературе: дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2013. С. 139.

²³⁷ Шемякин Я.Г. «Пограничность» как способ сохранения и утверждения идентичности. Исторический опыт индейских культур Латинской Америки в универсальном контексте. Латинская Америка. 2021. № 9. С. 83-96.

– формирования отношения к «Другому», утверждение латиноамериканской самобытности как определенного смыслового пространства в рамках социума и коммуникации.

Таким образом, национальная идентичность латиноамериканцев характеризуется следующими чертами:

1. Ориентация на независимость и исторический контекст. Латинская Америка имеет сложную историю колониализма и борьбы за независимость, поскольку длительное время существовала как колониальные владения европейских стран. Именно в процессе этой борьбы формировалась национальная идентичность региона, а сам исторический контекст до сих пор играет важную роль в становлении латиноамериканского самосознания.

2. Самобытность. На территории Латинской Америки объединены множество самобытных народов и этносов, являющихся носителями уникальных культурных паттернов и элементов, обладающих различными антропологическими признаками, психологическими установками, обычаями, традициями, жизненными ориентирами.

3. Культурное и национальное разнообразие. Государственный язык большинства стран Латинской Америки имеет общую латинскую основу. Более 60% населения говорят преимущественно по-испански, свыше 30% – по-португальски. Лишь в некоторых небольших государствах, главным образом островных, официальными являются французский, английский и голландский языки. Наибольшее воздействие на процесс формирования латиноамериканских наций оказали выходцы из Испании и Португалии, при этом нельзя забывать об этническом и культурном влиянии индейцев и африканцев, ведь в Америке соединились населения трех континентов. Латинская Америка населена многочисленными этническими группами, которые привнесли свою культуру и традиции. Испанская и португальская колонизации, а также влияние местных индейских и африканских культур сформировали уникальное культурное разнообразие в Латинской Америке, которое отражается в языках, религии, кулинарии, музыке, танцах и других аспектах латиноамериканской культуры.

4. Стремление к сохранению своих корней, участию в общественной жизни как национального меньшинства на территории США.

1.4 Выводы по первой главе

Идентичность мы рассматриваем как комплексный конструкт, затрагивающий Я-составляющую, личностную и социальную, что позволяет индивиду отождествлять себя с той или иной социальной группой, проводить различия между собой и другой группой на основе жизненных ценностей и идеалов, что, в первую, очередь, может объяснить те или иные поведенческие модели в отношении представителей других культур и национальностей. Исходя из этого, идентичность, помимо индивидуальной уникальности и личностной тождественности с самим собой, подразумевает тождественность с определенной социальной группой, включающую в себя различные аспекты (расовая, этническая, религиозная, гендерная идентичности и т. д.). Идентичность отличается субъективностью, ситуативностью и подвижностью. Она включает эмоционально-чувственную составляющую и формируется на основе определенных категорий, осознается индивидом и накапливается в результате социального взаимодействия. При этом идентичность выступает одновременно и как ответ на существующий социальный порядок, и как способ конструирования собственного «Я» в рамках определенной категории – через приверженность к «Своим» и отличие от «Других».

Формирование национальной идентичности индивида предполагает наличие двух взаимосвязанных процессов: с одной стороны, создание государством и национальной культурой соответствующих форм и механизмов, обеспечивающих «вовлечение» личности в общенациональную жизнь, а с другой – индивидуальные и групповые потребности индивидов, осознающих и отождествляемых себя с определенным национальным сообществом, национальной культурой и национальным государством. В этой связи мы рассматриваем национальную идентичность с точки зрения двух подходов:

а) конструктивизма, в рамках которого национальная идентичность есть конструкт, обладающий четкой структурой, набором признаков и характеристик, а также содержанием; б) символического интеракционизма, согласно которому национальная идентичность представляет собой феномен, обладающий дуальным характером – стабильным и динамичным, функционирующим на основании общей культуры, идеологии, традиций, ценностей и убеждений, при этом социум действует в едином национальном пространстве и обладает совокупностью единых признаков (язык, религия и т. д.). Вместе с тем государство является регулятором ориентирования и поведения индивида и национального сообщества внутри общества в целом.

Национальную идентичность мы понимаем как комплексный конструкт, проявляющийся на личностном, идеологическом, ценностном, социальном уровнях и характеризующийся наличием определенных образов и смыслов, взаимодействующих между собой в рамках территориального пространства, культурно-исторической и языковой среды.

Национальная идентичность индивида формируется на основе соотнесения конкретного социокультурного контекста с лингвистическими маркерами в рамках дискурса национальной идентичности. К системообразующим лингвистическим маркерам мы относим: 1) номинации, фиксирующие социальный статус, категории и субкатегории (россиянин – кавказец, американец как гражданин страны – мексиканец как представитель национальной группы и др.), типологию национальной принадлежности (общее наследие, язык, религия, традиции, история, кровная связь на основе общности происхождения, эмоциональная привязанность к территории и т. д.); 2) репрезентацию категорий прошлого, настоящего и будущего в историческом нарративе через описание происхождения, хронологии событий, ключевых событий в истории нации; 3) соотношения и характеристики категорий «мы» – «они» («свой» – «чужой»), что проявляется в конструировании позитивных характеристик «нас» и национальных различий «других», сюда относятся стереотипы, идеалы, ценности, модели поведения, личностные характеристики; 4) образы культуры

и территории, с которыми ассоциируются или к которым относятся нации через репрезентацию языка, культуры, искусства, науки, технологий, повседневной жизни, природы, населенных пунктов, географических особенностей, масштаба территории и т. д.; 5) особенности политической системы, социального устройства государства, социально-политических проблем и перспектив, что способствует конструированию национальной идентичности.

Национальная идентичность латиноамериканцев характеризуется следующими чертами: ориентация на независимость и исторический контекст ввиду процессов колонизации и деколонизации, когда национальная идентичность формировалась в процессе борьбы за свободу и независимость; наличие множества самобытных народов и этносов, являющихся носителями уникальных культурных паттернов и элементов и обладающих различными антропологическими признаками, психологическими установками, обычаями, традициями, жизненными ориентирами; культурное и национальное разнообразие, стремление к сохранению своих корней и к участию в общественной жизни как национального меньшинства на территории США.

ГЛАВА 2. ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В МЕКСИКАНСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ВАРИАНТЕ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

2.1 История становления прецедентной филологии

Возникновение теории прецедентности связано с именем Ю.Н. Караулова²³⁸ в 80-х гг. XX в., который считал, что в структуре и функционировании языковой личности значимую роль играют прецедентные тексты. Однако первоначально прецедентность охватывала только тексты в широком понимании, что постепенно привело к необходимости выделения других форм. В этой связи Д.В. Багаева, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко В.В. Красных²³⁹ ввели понятие «прецедентный феномен», в рамках которого рассматривались единичные, уникальные, воспроизводимые в сознании языковой личности единицы с точки зрения национально-культурной принадлежности к тому или иному лингвокультурному сообществу. Расширение понятия привело к тому, что было выделено родовое понятие «прецедентный феномен», а «прецедентный текст» стал рассматриваться как один из его типов. Например, В.В. Красных затронула вопрос о протяженности прецедентных текстов и предложила более широкое понимание понятия «текст», ссылаясь на работы Ю.М. Лотмана. Лотман, в частности, подчеркивал возможность рассматривать всю культуру как один большой текст. Соответственно, прецедентные феномены можно классифицировать на вербальные и невербальные²⁴⁰.

Широкое понимание прецедентных текстов Ю.Н. Карауловым меняет перспективу рассмотрения данной проблемы с точки зрения лингвокультурного подхода.

²³⁸ Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 264 с.

²³⁹ Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Багаева Д.В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник МГУ. Сер. 9 «Филология». 1997. № 3. С. 62-75.

²⁴⁰ Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство. 1970. С. 23.

По утверждению Ю.Е. Прохорова, использование прецедентных текстов связано с «системой знаний о мире и образах мира, которые реализуются в данной этнокультуре», что связывает изучение прецедентных текстов с точки зрения: а) отражения артефактов человеческой культуры и б) расширенного понимания понятия «текст» (по теории семиотики культуры Ю.Н. Лотмана)²⁴¹. Автор отмечает, что каждый прецедентный текст включает в себе инвариант восприятия, который приобретает разнообразные характеристики как в индивидуальном, так и в общекультурном контекстах, вследствие чего прецедентные тексты невозможно полностью интегрировать в речь. В свою очередь, В.В. Красных вводит понятие символа прецедентного текста, который действует как средство для активизации прецедентных феноменов в речи.

В дальнейшем проблема исследования прецедентных текстов приобрела большой интерес у исследователей, которые представляют различные точки зрения на сущность прецедентности. Одни авторы выделяют прецедентность как одну из характерных черт разговорной речи, оказывающую влияние на развитие языка (Д.В. Багаева²⁴², Д.Б. Гудков²⁴³, И.В. Захарченко²⁴⁴, Г.Г. Слышкин²⁴⁵ и Ю.А. Сорокин²⁴⁶). Другие ученые рассматривают прецедентность как обозначение общеизвестных событий, имен и выражений, являющихся символами определенных ситуаций (Е.А. Баженова, Е.В. Гострой, О.Б. Каневская, Т.В. Лобан, Е.Н. Малюга²⁴⁷, Л.А. Баландина, Н.М. Малюгина, Р.З. Назарова, С.В. Фащанова). Ряд исследователей определяет прецедентность в автономном смысловом блоке речевых произведений, который актуализирует важную для автора фоновую

²⁴¹ Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 2008. С. 155.

²⁴² Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Багаева Д.В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник МГУ. Сер. 9 «Филология». 1997. № 3. С. 62-75.

²⁴³ Там же.

²⁴⁴ Там же.

²⁴⁵ Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных феноменов в сознании и дискурсе. М., 2000.

²⁴⁶ Феномен прецедентности и прецедентные феномены / Ю.А. Сорокин, Д.Б. Гудков, В.В. Красных, Н.П. Вольская // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / под ред. В.В. Красных, А.И. Изотова. М.: Филология, 1998. № 4. С. 5-34.

²⁴⁷ Малюга Е.Н., Хаперсткова А.А. Лингвокогнитивный аспект изучения женской эмоционально-оценочной лексики в рекламном дискурсе / Е.Н. Малюга, А.А. Хаперсткова // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023. № 1. С. 71-79.

информацию (В.В. Воробьев²⁴⁸, В.А. Маслова²⁴⁹, Н.Л. Чулкина²⁵⁰, В.М. Шаклеин²⁵¹), тем самым прецедентность может быть рассмотрена в качестве характеристики когнитивной структуры, сформированной в познавательной базе носителей языка (Е.В. Гострой, О.Б. Каневская). Прецедентность как особое явление в языке является точкой соприкосновения взглядов авторов, при этом их подходы отличаются приоритетами в анализе и уровнем проработки отдельных аспектов.

Большинство исследователей придерживается позиции, что прецедентные феномены следует распределять на следующие тематические группы:

- прецедентное имя как имена собственные для обозначения человека, места, ситуации, организации, и представляющие собой некий культурный знак / символ для определения событий, качеств, характеристик, например, Иван Сусанин, Дон Кихот (И.С. Вацковская²⁵², Д.Б. Гудков²⁵³, В.В. Красных²⁵⁴, Г.Г. Сергеева²⁵⁵);
- прецедентная ситуация как набор дифференциальных признаков, характерных для определенной культурно-значимой ситуации, входящей в когнитивную базу (Д.Б. Гудков²⁵⁶, В.В. Красных, Ю.Е. Прохоров²⁵⁷);
- прецедентное высказывание, которое определяется как продукт речемыслительной деятельности в форме утверждения, многократно воспроизводимого в речи говорящими (цитаты, пословицы и др.) (В.В. Красных)²⁵⁸;

²⁴⁸ Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы). М.: Изд-во РУДН, 1997. 331с.

²⁴⁹ Маслова В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.

²⁵⁰ Чулкина Н.Л. Мир повседневности в языковом сознании русских: Лингвокультурологическое описание. Изд. стереотип. URSS. 2016. 256 с.

²⁵¹ Шаклеин В.М. Историческая лингвокультурология текста: монография. М.: РУДН, 2012. – 632 с.; Шаклеин В.М. Лингвокультурология. Прошлое. Настоящее. Будущее. – Монография. – Сан-Франциско (Калифорния): V&M Publishing, 2013. – 198 с.

²⁵² Вацковская И.С. Прецедентное имя в политическом дискурсе // *Studia Linguistica XVII. Язык и текст в проблемном поле гуманитарных наук*. СПб.: Политехникасервис, 2008. С. 338-342.

²⁵³ Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.

²⁵⁴ Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002.

²⁵⁵ Сергеева Г.Г. Аспекты функционирования прецедентных имен в молодежной среде // *Филологические науки*. 2003. № 2. С. 102-110.

²⁵⁶ Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Багаева Д.В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // *Вестник МГУ. Сер. 9 «Филология»*. 1997. № 3. С. 62-75.

²⁵⁷ Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 2008. С. 155.

²⁵⁸ Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Багаева Д.В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // *Вестник МГУ. Сер. 9 «Филология»*. 1997. № 3. С. 62-75.

– прецедентные тексты – законченный продукт речемыслительной деятельности, многократно воспроизводимый носителями языка в процессе коммуникации, чтения и знакомый каждому представителю национально-культурного сообщества, и включающий прецедентные имена, ситуации, высказывания, например, художественные произведения «Евгений Онегин», «Золушка», рекламные тексты, политические лозунги и т. д. (Ю.Н. Караулов)²⁵⁹.

Тем самым прецедентное имя связано с прецедентным текстом, поскольку может быть включено в него, и прецедентной ситуацией, когда служит не только для номинации события, но и описывает характеристики, условия окружающей обстановки.

В последние годы в отечественной лингвистике наблюдается развитие нескольких основных подходов к анализу прецедентных феноменов. Один из них объединяет концепции теории языковой личности и когнитивной лингвистики (Д.В. Багаева, Н.Д. Бурвикова, Н.А. Голубева, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, Н.В. Зененко, Ю.Н. Караулов, В.Г. Костомаров, В.В. Красных, В.Л. Латышева, В.И. Макаров, Е.А. Нахимова, Л.В. Моисеенко²⁶⁰, Н.В. Петрова, Ю.Е. Прохоров, В.Е. Чернявская, О.С. Чеснокова и др.). Другой подход строится на базе принципов лингвокультурологии, новой отрасли лингвистики (В.В. Воробьев, Л.И. Гришаева, В.З. Демьянков²⁶¹, М.Л. Ковшова²⁶², С.Л. Кушнерук, Т.В. Ларина, Е.Н. Малюга, Г.Г. Слышкин, В.М. Шаклеин и др.). Кроме того, существует третий подход, который рассматривает прецедентные феномены через призму теории интертекстуальности (А.Д. Васильев, А.А. Евтюгина, Н.В. Иноземцева, Н.А. Кузьмина, Н.М. Орлова, Г.Д. Распаева, А.Е. Супрун, И.И. Яценко, С.С. Чистова и др.). Хотя множество авторов посвящают свои исследования анализу прецедентных феноменов, важно отметить, что это явление еще не исследовано в полной мере.

²⁵⁹ Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. С. 216-217.

²⁶⁰ Моисеенко Л.В. Прецедентность в лингвокогнитивном ракурсе (на примере медиатекста) : монография. Воронеж : Научная книга, 2021. 319 с.

²⁶¹ Демьянков В.З. Конструкционные параметры дискурса // Когнитивные исследования языка. Общероссийская общественная организация Российская ассоциация лингвистов-когнитологов (Тамбов). 2025. № 1-1(62). С. 57-64.

²⁶² Ковшова М.Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок. Антропонимический код культуры / М.Л. Ковшова. Издание 2-е, исправленное. Москва: ЛЕНАНД. 2024. 400 с.

Наиболее актуальными стали два подхода:

1) когнитивный подход, направленный на изучение особенностей употребления прецедентных феноменов в речи и способов хранения концептов прецедентов в языковом сознании, структуры и механизмов функционирования прецедентных феноменов (Д.Б. Гудков и В.В. Красных);

2) дискурсивный подход, сфокусированный на анализе политического (О.А. Ворожцова, А.Б. Зайцева), молодежного (Л.Ю. Федорова²⁶³), художественного (С.В. Банникова, Е.Ю. Попова), публицистического (Е.И. Карташевой, Л.Э. Рогозина), мультипликационного (М.И. Косарев), фольклорного (К.А. Богданов), юмористического (А.А. Проскурина, Ю.В. Шурина), кинематографического (Е.В. Скворцова) и других видов дискурса.

Определение Ю.Н. Караулова неоднократно дополнялось в рамках дискурсивно-когнитивного подхода. На наш взгляд, следует привести позицию Н.В. Смыкуновой, которая отражает основные положения лингвистической и культурологической теории: прецедентные феномены представляют собой единицы дискурса, которые регулярно употребляются и воспроизводятся в речи представителей того или иного национально-лингвокультурного сообщества, широко известны и узнаваемы, имеют особую эмоциональную или культурную окраску, которая передается через сжатую форму выражения, понятны членам сообщества без необходимости дополнительного объяснения или расшифровки²⁶⁴. По Н.В. Смыкуновой, прецедентные тексты обладают следующими признаками: широкая известность, клишированность, воспроизводимость, закреплённость в коллективном языковом сознании конкретного лингвокультурного сообщества²⁶⁵. Данная позиция отчетливо отражает основные признаки прецедентных феноменов, которые были выделены и дополнены разными авторами в разное время.

²⁶³ Федорова Л.Ю. Прецедентные феномены культуры в сознании современной студенческой молодежи: опыт социокультурного анализа. Ростов-на-Дону, 2008.

²⁶⁴ Смыкунова Н.В. Прецедентные феномены в речевом общении русской языковой личности и процессе обучения русскому языку как иностранному. М., 2003. С. 52.

²⁶⁵ Там же.

Мы отмечаем, что большинство из вышеперечисленных авторов выделяют следующие основные признаки прецедентных феноменов:

1. Инвариантность (относится к текстам или явлениям, которые строго определяют, как их воспринимать, и обеспечивают однозначное понимание всеми членами лингвокультурного сообщества).

2. Воспроизводимость в речи представителями лингвокультурного сообщества.

3. Клишированность.

И.В. Захаренко акцентирует внимание на эталонности, когда прецедентный феномен выступает в качестве своеобразного шаблона для оценки ситуации, явления, схожих по содержанию и описанию с явлением настоящей действительности²⁶⁶. Тем самым можно говорить о стереотипности языкового поведения, когда носители языка используют готовые клише, обороты, высказывания для описания ситуаций действительности.

Ряд авторов указывает на ценностную составляющую (Е.Н. Горбунова, Л.И. Гришаева²⁶⁷, Н.В. Зененко²⁶⁸, Н.В. Карповская²⁶⁹, Л.В. Моисеенко²⁷⁰, Е.А. Нахимова²⁷¹, М.М. Раевская²⁷², Г.Г. Слышкин²⁷³, Л.Ю. Федорова²⁷⁴ и др.). Основной посыл заключается в том, что наличие ценностной составляющей играет роль в укреплении прецедентов в речи носителей языка, стимулирует их активное использование. Однако этот аспект относительный, так как с течением времени состав прецедентных феноменов изменяется. С нашей точки

²⁶⁶ Захаренко И.В. К вопросу о каноне и эталоне в сфере прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникации: сб. ст. М., 1997.

²⁶⁷ Гришаева Л.И. Прецедентные феномены как культурные скрепы (к типологии прецедентных феноменов) // Феномен прецедентности и преемственности культур. 2004. С. 15-46.

²⁶⁸ Зененко Н.В. Испанские паремии: проявление национального характера и сохранение национальной идентичности // Казанская наука. 2022. № 1. С. 122-125.

²⁶⁹ Карповская Н.В. К вопросу об обучении испанскому языку через перевод (из опыта работы) // Национальная идентичность сквозь призму диалога культур. Исследования в области гуманитарных наук в ибероамериканском и российском научном пространстве: материалы III Международного конгресса, Ростов-на-Дону – Кадис, 28-30 сентября 2017 г. Ростов-на-Дону – Таганрог: Южный федеральный университет. 2020. С. 64-70.

²⁷⁰ Моисеенко Л. В. Прецедентные феномены современных русских и испанских массмедиа как когнитивные структуры языковой личности // Mundo Eslavo. 2020. № 19. С. 7-24.

²⁷¹ Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург, 2007. С. 207.

²⁷² Раевская М.М. Испанский язык в современном историческом контексте: ответы и вызовы XXI в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 4. С. 109-121.

²⁷³ Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты прецедентных феноменов в сознании и дискурсе. М., 2000.

²⁷⁴ Федорова Л.Ю. Прецедентные феномены культуры в сознании современной студенческой молодежи: опыт социокультурного анализа. Ростов-на-Дону, 2008.

зрения, ценностный аспект прецедентных феноменов обладает двойственной природой. С одной стороны, они могут выполнять функцию «культурных связующих звеньев», объединять отдельные культурные слои и исторические эпохи в единую систему (согласно Л.И. Гришаевой²⁷⁵ и Е.В. Скворцовой²⁷⁶). С другой стороны, являются отражением ценностных представлений об окружающем мире, взаимоотношениях в обществе и на личностном уровне, нравственных приоритетах, характерных для конкретного социально-исторического периода и значимых для определенного лингвокультурного сообщества. Мы отмечаем, что способность прецедентных феноменов отражать разнообразные ценности, присущие определенному лингвокультурному сообществу на определенном этапе его исторического развития, позволяет сделать вывод о том, что они прежде всего являются элементами дискурса языковой личности, а не статичными единицами языковой системы (как, например, лексемы, фразеологические обороты). Прецедентные феномены функционируют как динамические культурные коды, опосредующие восприятие действительности и межпоколенческую передачу ценностей. Однако у прецедентных феноменов семантика довольно неустойчива: они лишены устойчивого переносного значения, что дает возможность актуализировать их в разных ситуациях. При этом в зависимости от контекста прецедентные феномены могут обозначать как внутренние качества личности, так и ее внешние атрибуты, факты, связанные с прецедентным текстом или ситуацией, в которой участвовала «прецедентная личность». Следовательно, прецедентные феномены проявляются лишь в контексте употребления, что позволяет говорить о признаках метафоричности, воспроизводимости. На признак метафоричности указывали Е.С. Бриченкова²⁷⁷, О.В. Гаучи²⁷⁸, В.В. Красных, считая, что в коммуникативном акте прецедентные

²⁷⁵ Гришаева Л.И. Прецедентные феномены как культурные скрепы (к типологии прецедентных феноменов) // Феномен прецедентности и преемственности культур. 2004. С. 15-46.

²⁷⁶ Скворцова Е.В. Прецедентный характер имен собственных в малоформатных текстах (на материале названий американских фильмов начала XXI века) // Материалы докладов Международной онлайн конференции «Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации». 2009. С. 148-153.

²⁷⁷ Бриченкова Е.С. Прецедентное высказывание как объект лингво-культурологического комментария на уроках РКИ // Русский язык за рубежом. 2007, № 3. С. 72-75.

²⁷⁸ Гаучи О.В. Роль метафоры в дискурсе обучаемого: диссертация ... кандидата педагогических наук: 13.00.02. Москва, 2007. С. 203.

феномены нередко в рамках речевого взаимодействия выступают в виде свернутой метафоры.

Д.В. Багаева, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных²⁷⁹ к основным признакам отнесения данных единиц к прецедентным авторы относят:

- 1) взаимосвязь с культурой;
- 2) известность широкому кругу носителей данной культуры;
- 3) представление в сжатой форме некоторого знания;
- 4) частота использования представителями лингвокультурного сообщества.

Ю.Н. Караулов относил к характеристикам прецедентных текстов:

- 1) хрестоматийность, т. е. они должны быть известны всем независимо от того, изучались ли данные тексты в общеобразовательной школе или нет;
- 2) общеизвестность среди носителей языка определенной культуры;
- 3) воспроизводимость в разных интерпретируемых формах, видах искусств, жанрах²⁸⁰.

Ряд исследователей выделяет следующие признаки прецедентных феноменов:

- 1) апеллированность на первоисточник в каждом конкретном контексте;
- 2) наличие ценностной составляющей (положительной / отрицательной), что выражается в наличии коннотации и эмоциональной окраски описываемой языковой единицы;
- 3) эталонность как некий идеальный образ для явления / факта действительности;
- 4) целостность обозначаемой языковой единицы (В.Л. Латышева²⁸¹, Е.А. Нахимова²⁸²).

Следует отметить, что прецедентный феномен при наличии характеристик уникальности, образцовости и воспроизводимости в создании в виде исходной

²⁷⁹ Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Багаева Д.В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник МГУ. Сер. 9 «Филология». 1997. № 3. С. 62-75.

²⁸⁰ Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. С. 216-217.

²⁸¹ Латышева В.Л. Признаки и функции прецедентных феноменов // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2011. С. 296-300.

²⁸² Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург, 2007. С. 207.

единицы обладает свойством эталонности. Ряд исследователей отмечает, что корпус прецедентных феноменов включает в себя систему эталонов, которая отражает механизмы регуляции социального поведения представителей определенной национально-культурной общности (И.В. Захаренко²⁸³, В.В. Красных²⁸⁴). Тем не менее, некоторые авторы придерживаются другой позиции. Например, В.В. Красных²⁸⁵, Р.В. Попадинец²⁸⁶ считают, что прецедентный феномен реализуется только в контексте дискурса. Д.Б. Гудков отмечает, что прецедентные тексты связаны с языковым уровнем, который также функционирует в дискурсе²⁸⁷.

Таким образом, мы считаем, что прецедентные феномены представляют собой языковые единицы, реализуемые в рамках того или иного дискурса на уровне коллективного сознания национально-культурной общности.

Мы полагаем, что теория прецедентности тесно взаимосвязана с понятиями:

– когнитивная база как пространство, в котором хранится, воспроизводится и передается следующим поколениям знание в форме когнитивных структур лингвистического или феноменологического характера, значимое для конкретного национально-культурного сообщества (В.В. Красных²⁸⁸);

– национальная детерминированность культурного пространства как форма существования культуры в человеческом сознании в рамках национальной картины мира, изначально заданной языком и учитывающей индивидуальные представления носителей данного языка (Е.В. Падучева²⁸⁹);

– концептуализация действительности представителями той или иной культуры, в которой заключены особенности культурного и исторического

²⁸³ Захаренко И.В. К вопросу о каноне и эталоне в сфере прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 1. М., 1997.

²⁸⁴ Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.

²⁸⁵ Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. С. 42

²⁸⁶ Попадинец Р.В. Прецедентные имена в сознании носителя русского языка (экспериментальное исследование). Курск, 2006. С. 24-36

²⁸⁷ Гудков Д.Б. Прецедентные феномены в языковом сознании и межкультурной коммуникации. М., 1999. С. 50-150.

²⁸⁸ Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002.

²⁸⁹ Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М., 1996.

развития национального лингвокультурного сообщества, детерминированной конкретной языковой системы, имеющей национальную специфику (С.М. Пак²⁹⁰).

Исходя из данных положений, мы отмечаем, что прецедентные феномены не только отражают национально-культурные ценности, но и регулируют модели поведения конкретного лингвокультурного сообщества (как вербальные, так и невербальные).

С.Н. Долевец высказал весьма обоснованное предположение о том, что концепты прецедентных феноменов включают в себя две существенные составляющие: инвариативную и вариативную²⁹¹. Под инвариативной составляющей подразумевается наличие определенных характеристик прецедентного феномена, которые известны широкому кругу лиц и обязательно присутствуют в структуре индивидуальных концептов у каждой языковой личности. Вариативная составляющая, напротив, обусловлена индивидуальными особенностями восприятия каждой языковой личности, которые, в свою очередь, формируются под влиянием предыдущего опыта индивида. Таким образом, структура концепта прецедентного феномена включает определенное «ядро» (инвариант) и «периферию» (вариативную, индивидуальную составляющую), что подчеркивает разнообразие и уникальность восприятия прецедентных феноменов каждой языковой личностью. Иерархия прецедентных феноменов в данном случае может выглядеть следующим образом (рисунок 2).

Исходя из данной иерархии, мы предполагаем, что прецедентные феномены реализуются в дискурсе и отражают особенности не только индивидуальной, но и коллективной картин мира.

²⁹⁰ Пак С.М. Личное имя в лингвокогнитивном освещении // Вестник МГУ. Сер. 9 «Филология». 2004. № 1. С. 161-171.

²⁹¹ Долевец С.Н. Об иерархии прецедентных феноменов в сознании языковой личности // Политическая лингвистика. 2005. № 16. С. 148.

Рисунок 2 – Иерархия прецедентных феноменов по С.Н. Долеву²⁹²

Мы выявили, что большая часть исследователей относит прецедентные феномены к полифункциональным ввиду наличия множества функций, а функционирование осуществляется в рамках культурного пространства, в котором, в свою очередь, находятся разнотипные и разноуровневые культурно значимые образования. Тем не менее, вопрос функционирования прецедентных феноменов долгое время изучался в рамках теории интертекстуальности, в связи с этим исследователи выделяли следующие функции:

– контактоустанавливающую (функция подготовки читателя к восприятию цитатных включений) и функцию диалогизации (взаимодействие интертекстуальных включений с текстом и его предметно-логическим, оценочным, образным, эмоционально-экспрессивным содержанием) (Ж.Е. Фомичева²⁹³);

– смыслообразующую функцию (форма представления мысли и создания нового смысла) (Н.А. Фатеева²⁹⁴) и смыслопорождающую функцию (Э.М. Аникина²⁹⁵);

²⁹² Там же. С. 148.

²⁹³ Фомичева Ж.Е. Интертекстуальность как средство воплощения иронии в современном английском романе. Дис.: канд. филол. наук. СПб., 1992.

²⁹⁴ Фатеева Н.А. Что происходит в языке и за языком: активные процессы в поэзии конца XX – начала XXI века // Семиотика и авангард: антология / под общ. ред. Ю. С. Степанова. М.: Академический Проект, 2006. С. 860-879.

²⁹⁵ Аникина Э.М. Функционирование прецедентных феноменов. Новосибирск, 2006. С. 175-179.

– номинативную (называние объектов / предметов / явлений действительности и формирование понятия), персуазивную (воздействие на адресата и убеждение его в авторитетности), людическую (апелляция к концептам в начале коммуникации) и парольную (закодированная принадлежность говорящего и адресата в системе «свой» – «чужой») функции (Г.Г. Слышкин²⁹⁶);

– эстетическую, кумулятивную или историческую, персуазивную функции (А.Е. Супрун²⁹⁷);

– мифологическую функцию, когда текущему историческому событию / ситуации / явлению в созданном тексте найден аналог / прототип из мифа как иллюстрации с национальной спецификой, тем самым задаются модели социального поведения в рамках лингвокультурного сообщества (Д.Б. Гудков²⁹⁸, А.Ф. Лосев, Е.М. Мелетинский, С. Московичи, Т.В. Цивьян)²⁹⁹;

– эмотивно-убеждающую, когда прецедентный феномен, с одной стороны, служит средством реализации интенции говорящего, с другой – способом воздействия на адресата (Д.Б. Гудков, Н.П. Вольская, В.В. Красных, Ю.А. Сорокин³⁰⁰) (рисунок 3).

²⁹⁶ Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов. М.: Академия, 2000.

²⁹⁷ Супрун А.Е. Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. 1995. № 6. С. 17-29.

²⁹⁸ Гудков Д.Б. Прецедентные феномены в языковом сознании и межкультурной коммуникации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. М., 1999.

²⁹⁹ Феномен прецедентности и преемственность культур / под общ. ред. Л.И. Гришаевой, М.К. Поповой, В.Т. Титова. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2004.

³⁰⁰ Феномен прецедентности и прецедентные феномены / Ю.А. Сорокин, Д.Б. Гудков, В.В. Красных, Н.П. Вольская // Язык, сознание, коммуникация. Филология. 1998. № 4. С. 5-34.

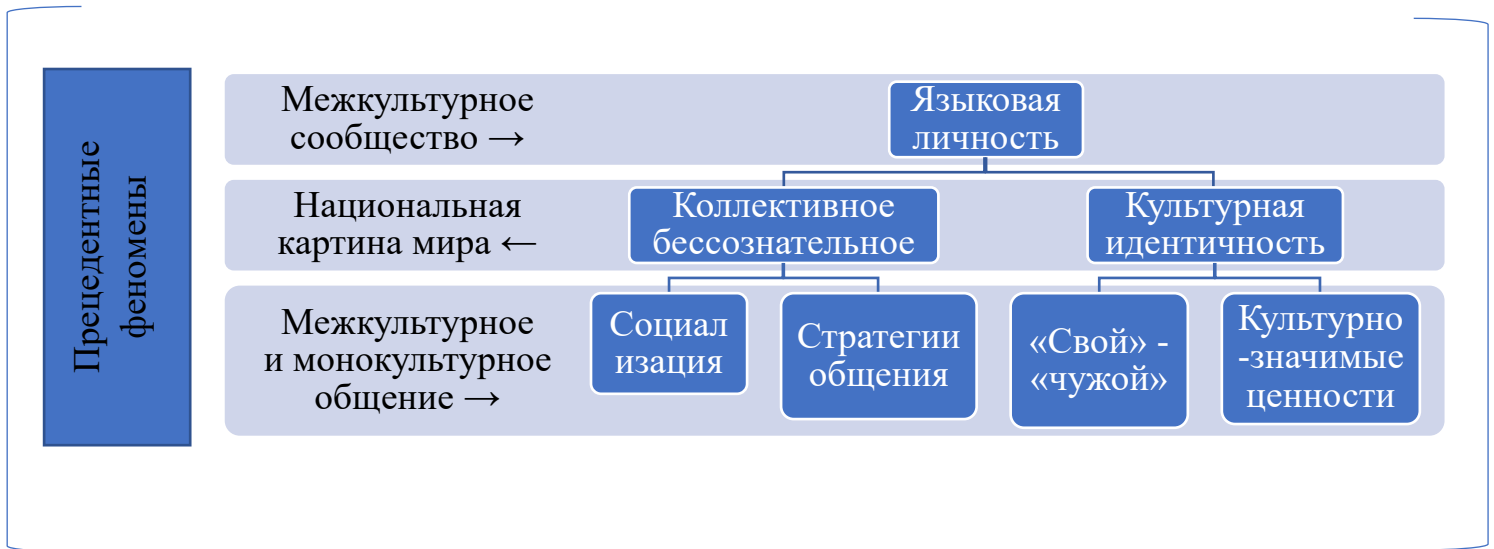

Рисунок 3 – Функционирование прецедентных феноменов в рамках культурного пространства языковой личности

Исходя из предложенной схемы функционирования прецедентных феноменов в рамках культурного пространства языковой личности, мы отмечаем, что прецедентные феномены: а) в рамках межкультурного общества создаются, передаются последующим поколениям и воспроизводятся языковой личностью; б) апеллируют к коллективному бессознательному и активизируют его, формируют национальную картину мира; в) на уровне межкультурного и монокультурного общения определяют оптимальные и значимые для данного общества социальные нормы и стратегии коммуникации, основываясь на коллективном бессознательном; г) формируют культурную идентичность, где они являются средством распознавания в системе культур «свой» – «чужой» и апелляции к культурно-значимым ценностям.

Мы приходим к выводу, что прецедентный феномен, имеющий национально-культурный характер, в коммуникации эксплицирует результаты переработки внеязыковой действительности в имплицитной форме. Он базируется на фундаментальных ценностных ориентациях лингвокультуры, а также на различных сведениях о мире, познанных предшествующими поколениями и значимых для них. Таким образом, он представляет собой специфическую когнитивную модель концептуализации действительности.

Таким образом, исторические предпосылки возникновения прецедентных феноменов связаны со следующими факторами:

1. Прецедентные феномены являются элементами когнитивной базы носителя языка, отражающими конкретное историческое время, выступающими в качестве разных форм хранения и передачи значимой национально-культурной информации.

2. Историческое развитие лингвокультурного сообщества, знания о котором накапливаются, хранятся и передаются последующим поколениям на языковом уровне.

3. Специфика концептосферы конкретного общества, в котором определены социальные нормы, ценности и идеалы, значимые для него.

2.2 Роль прецедентных феноменов в мексиканской культуре

Роль прецедентных феноменов в мексиканской культуре определяется следующими факторами:

1. Необходимостью разграничения вариантов испанского языка (Н.В. Зененко³⁰¹).

По мнению П. Энрикеса Уренья и Дж. Баркера, в Мексике можно выделить пять различных диалектных зон, характеризующихся различиями в фонологии и лексике. Согласно их исследованиям, национальный «стандартный» вариант испанского языка базируется на речи жителей Мехико и прилегающих центральных горных районов. Дополнительные диалектные зоны включают северную, южную (Морелос, Герреро, Оаксака), прибрежную (Тамаулипас, Веракрус, Табаско, Кампече) и, наконец, изолированную территорию полуострова Юкатан³⁰². В свою очередь, это вызывает интерес к анализу топонимики в рамках национального варианта испанского языка.

³⁰¹ Зененко Н.В. Испанские паремии: проявление национального характера и сохранение национальной идентичности // Казанская наука. 2022. № 1. С. 122-125.

³⁰² Barker G.C. Social Functions in Language in a Mexican-American Community / G.C. Barker. -Tucson: University of Arizona Press, 1972. P. 147.; Henríquez Ureña P. El español en Méjico, los Estados Unidos y la América Central / Ureña P. Henríquez. Buenos Aires: Universidad de Buenos Aires, 1938. 105 p.

Согласно Н.М. Фирсовой³⁰³, национальный вариант испанского языка может включать в себя следующие характеристики: 1) национальный характер языка (формально официальный) на уровне государства; 2) испанский язык, как и многие языки в мире, имеет свои национальные литературные нормы (стандарты); 3) универсальность испанского языка по своей структуре и назначению.

Испанский язык идет в дополнение к местным языкам, особенно диалектам, т. е. наблюдается свободное распространение народного статуса испанского языка как отдельного вида (национального или регионального) внутри стран (а не за их пределами)³⁰⁴. Сфера применения диалекта ограничена устными формами языковых средств и языками, связанными с религиями.

Наблюдения С.А. Никифоровой³⁰⁵, О.С. Чесноковой³⁰⁶ указывают на существенные изменения на уровне языковой структуры испанского языка в Мексике. Это, в свою очередь, позволяет выявить особенности национальной картины мира на уровне литературного языка, широко известные подавляющему большинству мексиканского общества. В разных вариантах культурно значимыми представляются названия специфических предметов и явлений, характерные только для определенной зоны распространения вариантов языка. Мы предполагаем, что в том или ином варианте языка присутствуют языковые единицы, представляющие собой значения общеупотребительных слов, но в контексте того или иного дискурса приобретают признаки прецедентности.

2. Описание социума, в котором живут и общаются мексиканцы³⁰⁷.

3. Описание особенностей поведения, что позволяет выявить, в рамках какой концептосферы мыслит и действует носитель языка. Описание устройства общества, уклада, традиций, обычаев и привычек его представителей является

³⁰³ Фирсова Н.М. Современный испанский язык в Испании и странах Латинской Америки: учебное пособие. М.: АСТ, 2007.

³⁰⁴ Там же. С. 41-43.

³⁰⁵ Никифорова С.А. О культурах испаноязычных народов в аспекте высокого и низкого контекста / С.А. Никифорова // Когнитивные исследования языка. 2024. № 1-1(57). С. 177-180.

³⁰⁶ Никифорова С.А., Чеснокова О.С. Семиотика религиозных аллюзий в костариканском национальном варианте испанского языка // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. № 2.

³⁰⁷ Фирсова Н.М. Избранные труды: в 2 т. / Н.М. Фирсова. М.: Изд-во РУДН, 2009. Т. 2. Современный испанский язык в Испании и странах Латинской Америки. С. 528.

одним из ключевых средств моделирования национальной картины мира мексиканцев (Дж. Баркер³⁰⁸, Х.М. Лопе Бланч³⁰⁹, М.М. Раевская³¹⁰, Г.В. Степанов³¹¹, О.С. Чеснокова³¹², П. Энрикес Уренья³¹³ и др.).

4. Лингвистические особенности мексиканского национального варианта испанского языка.

О влиянии языка древних майя на испанский язык штата Юкатан отмечали Альфредо Баррера Васкес³¹⁴, Виктор Суарес Молина³¹⁵, Хесус Амаро Гамбоа³¹⁶.

Морено де Альба отмечал, что определенная часть языковых особенностей латиноамериканских национальных вариантов испанского языка связана, в первую очередь, со старокастильским, когда открытие Америки Христофором Колумбом в 1492 году привело к обогащению испанской лексики³¹⁷. Поэтому мы предполагаем, что подобная интеграция языков привела не только к взаимообогащению, но и к языковой адаптации и ассимиляции языка.

П. Энрикес Уренья, Дж. Баркер³¹⁸ считают, что элементы испанской и индейских культур взаимно проникали друг в друга, в результате чего и сложилась синкретичная мексиканская культура, в которой «присутствие богатой и самобытной индейской традиции обуславливает ее неповторимость»³¹⁹. Следует отметить, что для мексиканского национального варианта испанского языка

³⁰⁸ Barker G.C. Social Functions in Language in a Mexican-American Community / G.C. Barker. -Tucson: University of Arizona Press, 1972. P. 147.

³⁰⁹ Lope Blanch J.M. Algunos casos de polimorfismo fonetico en Mexico / J.M. Lope Blanch // Investigaciones. Mexico: UNAM, 1979. P. 97-111.

³¹⁰ Раевская М.М. Язык и коммуникативная культура как инструмент воздействия на языковую личность: опыт испаноязычного социума / М.М. Раевская // Язык и личность: социокультурные и психологические трансформации. Москва: ООО «Агентство социально-гуманитарных технологий». 2023. С. 96-98.

³¹¹ Степанов Г.В. К проблеме языкового варьирования: испанский язык Испании и Америки [Текст] / Г.В. Степанов. М.: Наука, 1979. С. 327.

³¹² Чеснокова О.С. Топонимические перифразы в латиноамериканских национальных вариантах испанского языка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 3. С. 783-802.

³¹³ Henríquez Ureña, P. Historia de la cultura en la América Hispánica / P. Henríquez Ureña. México: Fondo de Cultura Económica, Colección Tierra Firme, 1947. 244 p.

³¹⁴ Vásquez A.B. Cuadernos Mayas. México. 1939.

³¹⁵ Molina V.S. El español que se habla en Yucatán: apuntamientos filológicos. 1979.

³¹⁶ Gamboa J.A. Vocabulario de el uayeísmo en la cultura de Yucatán. 1999.

³¹⁷ Moreno de Alba J.G. Valores de las formas verbales en el español de México/ de Alba J.G. Moreno. México: UNAM, 1978. P. 255.

³¹⁸ Barker G.C. Social Functions in Language in a Mexican-American Community / G.C. Barker. Tucson: University of Arizona Press, 1972. P. 147.

³¹⁹ Barker G.C. Social Functions in Language in a Mexican-American Community / G.C. Barker. Tucson: University of Arizona Press, 1972. P. 147.; Henríquez Ureña P. El español en Méjico, los Estados Unidos y la América Central / Ureña P. Henríquez. Buenos Aires: Universidad de Buenos Aires, 1938. 105 p.

отличительным является то, что в нем присутствуют языковые единицы, реализующиеся в значениях, которые характерны для них в Латинской Америке в целом или только в Мексике, и в которых они не используются в Испании.

Как отмечает О.С. Чеснокова, мексиканский национальный вариант испанского языка представляет собой интегративное отражение пространственной и временной дифференциации испанского языка в культурно-антропологическом и национально-специфическом контексте³²⁰. В этой связи мы придерживаемся мнения о том, что, несмотря на внутринациональное территориальное варьирование, большая часть языковых единиц принадлежит общеиспанскому словарному фонду, однако при выделении культурно-значимых единиц имеет место отбор актуальных именно для Мексики. Испанский язык полинационален и мультивариативен, поэтому коммуникативное пространство не является однородным. Национальные кодовые системы испаноговорящих далеко не всегда совпадают из-за особенностей национальной языковой картины мира, национального коммуникативного стиля, языковых предпочтений. Соответственно, на языковом уровне мексиканская культура подвержена влиянию культурно-исторических факторов, что проявляется в сочетании архаичных и современных особенностей национального мировидения и языковой картины мира. Современные мексиканцы являются носителями синтетической культуры, вобравшей в себя как сокровища культурного наследия индейских народов, так и традиционные формы испанской культуры³²¹. Именно эта синкретичность придает национальную специфику мексиканскому национальному варианту испанского языка.

На основе изложенных положений можно выделить следующие функции прецедентных феноменов в мексиканской культуре:

- 1) отражение национальной картины мира на языковом уровне;

³²⁰ Чеснокова О.С. Испанский язык Мексики: Языковая картина мира / О.С. Чеснокова – Общество с ограниченной ответственностью «Ленанд», 2021. – 240 с.

³²¹ Чеснокова О.С. Испанский язык Мексики: лингвокультурологическое исследование. Саарбрюккен: Palmarium Academic Publishing, 2012. 264 с.

2) влияние на сознание представителей мексиканского лингвокультурного общества;

3) возможность вычленивать как интегративные черты в контексте родной и другой культур, так и соотносить понятие / явление / объект действительности с собственной культурой, бытом, социумом, ценностями, идеалами и нормами, что позволяет осознать собственную идентичность и единство со своим народом;

4) хранение в культурной памяти значимых явлений / объектов / фактов и их актуализация у последующих поколений;

5) определение и поддержание национальных ценностей, идеалов, которые характерны для данного общества.

Исследователи рассматривают разные аспекты прецедентных феноменов для анализа:

– источники (Земская Е.А., 1996; Супрун А.Е., 1995), в частности, разные виды текста и дискурса;

– контекст (Гудков Д.Б., 2003; Кушнерук С.Л., 2004): использование прецедентных феноменов для называния объекта, личности или ситуации, характеристики предмета, человека или события, выражение оценки и личностного отношения;

– полевою структуру (Красных В.В., 2002; Нахимова Е.А., 2004): в центре дискурса прецедентные феномены выражают наиболее актуальные ценности определенного лингвокультурного сообщества на конкретном этапе исторического развития, на периферии находятся прецедентные феномены, которые потенциально существуют в когнитивной базе народа, но обращение к ним не является частотным.

На основании проведенного анализа представляется возможным сформулировать следующую методику исследования:

– отбор прецедентных феноменов художественного, политического, разговорного дискурса, имеющих отношение к национальной идентичности мексиканцев;

- определение национально-культурного источника происхождения прецедентных феноменов;
- определение контекста прецедентных феноменов и специфики их применения.

2.3 Сравнение прецедентных феноменов мексиканского национального варианта испанского языка с прецедентными феноменами в русской и английской лингвокультурах

Выборку прецедентных феноменов мексиканского национального варианта испанского языка в настоящем исследовании мы проводили на основе когнитивно-дискурсивного и лингвокультурологического подходов. Материалом исследования послужили тексты, цитаты, имена, широко известные мексиканцам и встречающиеся в их художественной литературе, публицистике, в разговорной речи. Всего было проанализировано более 500 текстовых единиц, отобранных из художественной литературы, мексиканских медиаресурсов (La Jornada, Animal Político, El Universal, REFORMA), материалов, посвященных национальным праздникам, а также статей этимологических словарей.

На первом этапе методом сплошной выборки мы отобрали прецедентные феномены. На втором этапе мы распределили их по тематическим группам, наиболее часто встречающимся в рассматриваемой лингвокультуре:

А) прецедентные имена: 1) исторические личности и политические деятели, 2) авторы художественных произведений, персонажи художественных произведений, 3) места, территории, местности (реально существующие и вымышленные), 4) названия ключевых событий;

Б) прецедентные высказывания: 1) персонажей художественных произведений, 2) исторических личностей, политических деятелей, лозунги;

В) прецедентные тексты — произведения, известные носителям языка целиком, причем название текста воспринимается как единая смысловая единица, а не как набор отдельных фраз.

Основными критериями выделения прецедентных феноменов в тематические группы были влияние на национально-культурную идентичность лингвокультурного сообщества, воспроизводимость, символичность, возможность выделения «свой» – «чужой», влияние на историю народа, апелляция к коллективному сознанию.

Фразеологизмы и поговорки рассматриваются в работе как **прецедентные феномены** только при соответствии критериям надличностного характера, ценностно-оценочной нагрузки и связи с культурной памятью. В корпус исследования включаются исключительно те единицы, которые функционируют как маркеры национальной идентичности.

Как показано в разделе А.1 рассмотрим прецедентные имена **исторических личностей и политических деятелей** в мексиканском национальном варианте испанского языка. В качестве основы взяты монография О.С. Чесноковой³²² и краткий словарь мексиканских персоналий, в котором представлены 60 персоналий³²³. В данном исследовании мы выбрали следующие имена и систематизировали их с точки зрения идентичности:

Эрнан Кортес (Hernán Cortés) – испанский завоеватель и конкистадор, известный своим вторжением и завоеванием Мексики. В 1521 году с необычайной жестокостью он разрушил государство ацтеков и их столицу Теночтитлан.

Куаутемок (Cauhtémoc) – одиннадцатый (последний) император ацтеков. Куаутемок отказался раскрыть конкистадорам место хранения сокровищ и был подвергнут ужасным пыткам, а затем казнен.

Мигель Идальго-и-Костилья (Miguel Hidalgo y Costilla) – мексиканский священник и революционер, считается инициатором мексиканской войны за независимость от испанской короны в начале XIX века, чье имя ассоциируется с борьбой за свободу и независимость Мексики.

³²² Чеснокова О.С. Испанский язык Мексики: Языковая картина мира / О.С. Чеснокова – Общество с ограниченной ответственностью «Ленанд», 2021. – 240 с.

³²³ Чеснокова О.С., Радович М., Талавера Ибарра П.Л. Словарь персоналий Тихоокеанского Альянса = Diccionario de personalidades de la Alianza del Pacífico / под ред. О.С. Чесноковой. Россия, Москва, РУДН, 2020. – 349 с.

Бенито Хуарес (Benito Juárez) – выдающийся мексиканский политический и государственный деятель, по праву считается национальным героем Мексики. Его часто сравнивают с Джорджем Вашингтоном за его роль в становлении современной Мексики. Бенито Хуарес был ключевой фигурой в защите суверенитета страны и активно продвигал важные прогрессивные реформы, в том числе добивался отделения церкви от государства.

Эмилиано Сапата (Emiliano Zapata) – лидер революции, олицетворявший борьбу за права на землю и равенство.

Панчо Вилья (Pancho Villa) – знаменитый революционер и предводитель крестьянских отрядов, принимавший активное участие в Мексиканской революции. Его имя стало ассоциироваться с мощью и неповиновением.

Ласаро Карденас (Lázaro Cárdenas) – президент Мексики, осуществивший в 1930-е годы аграрные и общественные преобразования, воплощающий идеалы социальной справедливости и развития.

Ла Малинче (La Malinche) – переводчица и помощница конкистадоров в период испанского покорения Мексики. Ее образ отражает сложные запутанные взаимоотношения между мексиканской и испанской цивилизациями, а также роль женщин в исторических событиях.

Cantinflas – имя персонажа популярного комического артиста мексиканского кино Марио Морено (1911–1993). Личность Марио Морено и созданный им образ Кантифласа стали неразделимыми в сознании мексиканцев. Кантифлас воплощает и символизирует персонажей, речь которых представляет собой обилие пустых слов и выражений, лишенных реального смысла и логики, но, тем не менее, находящих отклик у собеседника. Примером использования в речи носителей языка является фразеологизм: *No estés cantifleando* («Не болтай пустую болтовню»).

Сор Хуана Инес де ла Крус (Sor Juana Inés de la Cruz) – поэтесса XVI века, стала символом интеллектуальной борьбы и самореализации женщин, показала, как важны для женщины познание и творчество.

Фрида Кало (Frida Kahlo) – известная художница, которая через свои произведения выражала мексиканскую культуру и женскую силу. Ее творчество символизирует самовыражение и идентичность.

Как мы видим, данная тематическая группа связана с концептами «свобода», «независимость», «женщина», «права», отражает борьбу за свободу, независимость, сопротивление, борьбу за права и социальную справедливость, при этом исторический путь достижения независимости мексиканского народа сопровождается жестокостью, разрушениями, войнами.

Для верификации национальной специфики мексиканских прецедентных явлений проведен обзор сходных феноменов в русской и английской лингвокультурах, на основании которого можно определить специфические черты мексиканского национального варианта испанского языка.

На основе анализа лингвистических исследований в русской лингвокультуре наиболее известными прецедентными именами являются **исторические личности**:

Юрий Долгорукий считается основателем Москвы и одним из ключевых деятелей в формировании русского государства.

Иван Грозный (Иван IV) – первый русский царь, объединивший большую часть Руси в единую государственную формацию и совершивший ряд важных реформ, известен также убийством своего сына и жестокостью.

Петр I (Петр Великий) – русский император, который провел обширные реформы, модернизировавшие страну и превратившие ее в великую державу.

Александр Суворов – русский полководец и генералиссимус, одержавший победы во многих военных кампаниях и признанный одним из самых выдающихся русских военачальников.

Екатерина II (Екатерина Великая) – российская императрица, одна из наиболее выдающихся женщин-правителей в истории, продвигавшая культуру и образование.

Владимир Ильич Ленин (Владимир Ильич Ульянов) – революционер, лидер Октябрьской революции 1917 года и основатель Советской России.

Юрий Гагарин – первый космонавт в мире, осуществивший полет в космос на космическом корабле «Восток-1» в 1961 году.

Данная тематическая группа отражает ключевые исторические этапы становления и развития России, в рамках которых государственные деятели инициировали масштабные преобразования, затрагивающие различные сферы общественной жизни (судостроение, образование, культура, политическое объединение и т. д.).

На основе лингвистических исследований (анализ англоязычных текстов разных жанров) была сделана выборка прецедентных имен – **исторических личностей** – в английской лингвокультуре.

Король Артур (King Arthur) – легендарный правитель, чье имя неразрывно связано с рыцарями Круглого стола, является воплощением доблести, чести и благородства. Легенды о нем прочно вошли в британский фольклор и историческую летопись, формируя мифологический образ идеального лидера и защитника.

Королева Елизавета I (Queen Elizabeth I) – правительница Англии и Ирландии, ознаменовала свой период правления периодом расцвета экономики и культуры. Она стала олицетворением сильного и самостоятельного женского лидерства, а ее эпоха – золотым веком английского Возрождения.

Уинстон Черчилль (Winston Churchill) – выдающийся государственный деятель, возглавлял Великобританию в самые тяжелые дни Второй мировой войны. Он стал символом несгибаемой воли, стойкости духа и национального единства, а его пламенные речи навсегда запечатлелись в британской истории.

Выбор этих знаковых фигур не случаен. Во-первых, образы Короля Артура и его рыцарей, символизирующие воинскую доблесть, благородство и верность, глубоко укоренились в британской мифологии и культуре. Легенды о нем помогли создать образ идеального рыцаря и патриота, воплощающего высокие моральные ценности, которые были и остаются важными для английского лингвокультурного сообщества. Во-вторых, вышеперечисленные прецедентные имена способствовали формированию национального самосознания. Королева Елизавета I, как уверенная

в себе правительница эпохи Ренессанса, подчеркнула значимость женской роли в развитие страны. Речи Уинстона Черчилля, полные решимости и патриотизма, воплотили в себе силу британского духа и способность преодолевать любые невзгоды. Черчилль стал символом британской национальной стойкости перед лицом жизненных трудностей.

Согласно блоку А.2 наиболее известными авторами **художественных произведений** являются следующие:

Александр Сергеевич Пушкин – великий русский поэт, автор множества литературных произведений, чьи работы стали неотъемлемой частью русской литературной культуры.

Федор Михайлович Достоевский – знаменитый русский писатель и философ, автор таких произведений, как «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы», отражающих глубокие психологические и философские аспекты жизни героев.

Лев Николаевич Толстой – русский писатель, автор таких шедевров, как «Война и мир» и «Анна Каренина».

Михаил Юрьевич Лермонтов – русский поэт и писатель, автор стихотворения «Бородино» и романа «Герой нашего времени».

Произведения данных авторов не только вдохновляли и обогащали русскую литературу, но и проникали в глубину национальной психологии, отражая уникальные черты и духовные аспекты русской культуры. Например, в стихах и романах А.С. Пушкина находят отражение национальный характер и фольклорные традиции.

Творчество Ф.М. Достоевского с его глубокой аналитикой человеческой психологии, философскими рассуждениями и нравственными дилеммами, позволило русскому обществу глубже понять человеческий характер, этические вопросы и нормы поведения, которые оказались свойственными русской культуре.

Л.Н. Толстой, в свою очередь, обращал внимание на социальные и моральные аспекты, присущие русской действительности. Его романы

предоставили русскому народу глубокие размышления о смысле жизни, справедливости и духовных ценностях.

М.Ю. Лермонтов с его страстной лирикой и глубокой романтической мыслью представил новый уровень интеллектуальной и эмоциональной глубины понимания сложности человеческой природы.

Рассмотрим прецедентные имена в **художественной литературе** в английской лингвокультуре. Выборка обусловлена двумя причинами: во-первых, английские прецедентные имена содержат большой корпус разнообразных имен собственных. Во-вторых, это в основном имена, за которыми стоит свой текст, также прецедентный, который, будучи включенным в новый контекст, приобретает новый смысл, требующий и нового прочтения. В-третьих, это имена, которые знает каждый англичанин.

Агата Кристи (Agatha Christie) – выдающаяся британская писательница, автор множества детективных романов. Ее истории о прославленных сыщиках Эркюле Пуаро и Мисс Марпл превратились в эталоны жанра и воплощают традиции английской литературы.

Джейн Остин (Jane Austen) – романистка, прославившаяся своими произведениями о социальных отношениях и нравах в Англии XIX века. Ее романы, включая «Гордость и предубеждение» и «Эмма», по-прежнему составляют ключевую часть английского литературного и культурного наследия.

Шерлок Холмс (Sherlock Holmes) – герой рассказов Артура Конан Дойля, олицетворяющий гениальный интеллект, дедукцию и мастерство в разгадывании тайн и загадок.

Доктор Ватсон (Dr. John Watson) – верный компаньон и соратник знаменитого сыщика Шерлока Холмса, является ключевым персонажем в литературных произведениях сэра Артура Конан Дойля. Их партнерство олицетворяет идеальное сотрудничество, позволяющее раскрывать самые сложные загадки.

Гамлет (Hamlet) – центральная фигура драмы Уильяма Шекспира «Гамлет», персонаж, чья судьба наполнена трагическими перипетиями.

Элизабет Беннет (Elizabeth Bennet) – героиня романа Джейн Остин «Гордость и предубеждение», известна своим острым умом, сообразительностью и негибаемой волей.

Доктор Джекил и его темное альтер-эго, мистер Хайд (Dr. Jekyll and Mr. Hyde) – воплощение внутренней борьбы человека из повести Р.Л. Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда». Эти образы служат ярким символом двойственной природы человека, противостояния светлой и темной сторон его личности.

Джейн Эйр (Jane Eyre) – главная героиня романа Шарлотты Бронте, воплощает собой силу духа и стремление к независимости, отражает путь женщины к обретению себя.

Робин Гуд (Robin Hood) – знаменитый благородный разбойник, стал олицетворением борьбы за справедливость и противостояние угнетению, защищая обездоленных. Истории о его доблестных подвигах и захватывающих приключениях прочно вошли в сокровищницу английского народного творчества.

Анализ объединенных данных прецедентных имен привел к выводу о доминировании в английской системе представлений о мире следующих ключевых национальных ценностей и установок.

Образы, созданные А. Кристи, олицетворяют поиск скрытых истин и глубокое исследование. Они стали воплощением интеллектуальной проницательности и вдумчивого анализа, что свидетельствует о национальном уважении к логике и умению решать непростые задачи. Шерлок Холмс и Доктор Ватсон, творения Артура Конан Дойля, представляют собой воплощение дедукции, анализа и партнерства, отражая такие значимые составляющие английского менталитета, как рациональное преодоление трудностей и ценность коллективной работы.

Герои, такие как Гамлет, Джейн Эйр и Доктор Джекил с мистером Хайдом, чьи истории изобилуют внутренними перипетиями и многогранностью характеров, демонстрируют английское отношение к двойственности человеческой природы, моральным дилеммам и пути самосовершенствования.

Легендарный Робин Гуд и повествования о его подвигах прочно укоренились в английском фольклоре, подчеркивая национальные стремления к установлению справедливости и поддержке тех, кто в ней нуждается.

Литературные произведения Джейн Остин знакомят читателей с английским обществом XIX века, формируя понимание взаимоотношений и устоев того времени. Персонажи ее романов и их взаимодействие стали эталонами английской культуры, а сами произведения – ценным источником для осмысления прошлого и выявления национальных ценностей.

В соответствии с разделом А.3. проведем анализ прецедентных имен, отражающих памятные места и события в мексиканской лингвокультуре. Критериями для отбора послужили масштабность географического объекта, историческая значимость и уникальный генезис наименований.

Теночтитлан (Tenochtitlan) – древний город ацтеков, впоследствии трансформировавшийся в современный Мехико.

Западное побережье (Costa del Pacífico) – береговая линия Тихого океана, включающая такие места, как Акапулько и Пуэрто-Вальярта, являющиеся значимыми географическими зонами.

Западные горы (Sierra Madre Occidental) – обширная горная система в северной части Мексики, часто выступающая в качестве живописного фона в литературных произведениях, символизируя неразрывную связь с силами природы.

Плато (El Bajío) – сельскохозяйственный регион в сердце Мексики, играющий ключевую роль в формировании национального самосознания и исторической памяти.

Паленке (Palenque) – древнее поселение и выдающийся археологический памятник цивилизации майя, оставивший заметный след в отечественной литературе и изобразительном искусстве.

Коацакоалькос (Coatzacoalcos) – портовый город на восточном побережье Мексики, часто встречающийся в контексте обсуждения морской торговли и культурных обменов.

Оахака (Оахаса) – штат, знаменитый своим самобытным наследием коренных народов.

Чиapas (Chiapas) – штат на юге Мексики, известный своим этническим разнообразием и культурой майя.

Пирамиды Теотиуакана (Pirámides de Teotihuacán) – древний археологический комплекс, включая пирамиды Солнца и Луны, являющийся символом национальной истории и культуры.

Включение указанных прецедентных имен в тематическую группу обусловлено следующими причинами:

1. Наличие основных характеристик прецедентности: мифологичность (олицетворение древней мексиканской цивилизации и ацтекского наследия), инвариантность (многообразие этнических культур и традиций Мексики, взаимосвязь с индейской культурой, культурная интеграция), ценностная составляющая (ценность быть во взаимосвязи с природой), символичность, значимость для страны (например, важность морской торговли).

2. Реально существующие места / местности / территории, что позволяет быть воспроизводимыми в разных типах дискурса.

3. Наличие национально-культурной значимости для мексиканского народа.

В русской лингвокультуре мы выделили ряд прецедентных имен, обозначающих **места, местности, территории** и имеющие национально-культурную значимость. К таким именам мы отнесли:

Петергоф – знаменитый комплекс дворцов и парков в Санкт-Петербурге, который символизирует величие и роскошь российской императорской архитектуры.

Город на Неве – Санкт-Петербург – известен как северная столица России.

Красная площадь – символ Москвы и России в целом, символ власти и государственности.

Эрмитаж – один из крупнейших музеев мира, находится в Санкт-Петербурге, представляет богатство российской и мировой культуры.

Байкал – глубочайшее и древнее озеро мира, по своей природе уникально.

Северное сияние является одним из самых впечатляющих природных явлений, которые можно наблюдать в северных широтах, которые характеризуются суровыми климатическими условиями. Северное сияние в определенном смысле становится символом той непримиримой красоты, которая может существовать в таких трудных условиях.

Золотое кольцо – группа древних городов с богатым культурным и историческим наследием, которые олицетворяют традиционный русский культурный уклад и историческую память.

Мамаев Курган в Волгограде – памятник Героям Сталинградской битвы, символ победы во Второй мировой войне.

Выделенная тематическая группа характеризуется следующими особенностями:

– символической составляющей: величие императорской власти, воплощенное в архитектуре; красота климатических условий, выражающаяся в природных явлениях; значимость победы, запечатленная в памятниках;

– апелляция к коллективному сознанию, которая отражает: а) исторические этапы развития лингвокультурного общества, б) культурные ценности народа на определенном этапе исторического развития.

Проведем анализ прецедентных имен, отражающих **памятные места, территории** в английской лингвокультуре. Выборка обусловлена оценкой и восприятием исторических событий и лиц, мифологии, памятников искусства, литературы и произведений фольклора.

Лондон (London) – столица Великобритании, один из самых известных и значимых городов мира.

Шервудский лес (Sherwood Forest) – легендарный лес, где действовал разбойник Робин Гуд, встречается в балладах и рассказах о Робине Гуде, а также в современных адаптациях его истории.

Кантербери (Canterbury) – город в Кенте, имеющий историческое и религиозное значение, известен Кантерберийский собор, который стал паломническим местом исторических событий.

Оксфорд (Oxford) – город, известный своим университетом, одним из старейших и престижных в мире.

Лейк-дистрикт (Lake District) – регион с живописными озерами и горами, источник вдохновения для многих писателей и художников, известен своей природной красотой и тихой обстановкой.

Корнуолл (Cornwall) – регион с побережьем, пляжами и традиционной культурой. Часто упоминается в литературе и стал символом английского побережья.

Грозовой перевал (Wuthering Heights) – название поместья из одноименного романа Эмили Бронте, стало символом страсти, насилия и мистики, присущих произведению.

Белые скалы Дувра (The White Cliffs of Dover) – прибрежные белые скалы на юго-востоке Англии, ставшие символом национальной обороны и надежды во время Второй мировой войны.

Стоунхендж (Stonehenge) – древний мегалитический комплекс на юге Англии, который таит много загадок и таинственности.

Вестминстерское аббатство (Westminster Abbey) – знаменитый храм в Лондоне, который играет важную роль в истории и культуре Великобритании. Он упоминается во многих художественных произведениях, отражая его историческую и религиозную значимость.

Бейкер-стрит (Baker Street) – известная улица в Лондоне, где жил знаменитый литературный персонаж Шерлок Холмс.

Платформа 9¾ (Platform 9¾) – место на железнодорожной станции Кингс Кросс в романах о Гарри Поттере Дж.К. Роулинг, магическая платформа, с которой ученики магической школы Хогвартс отправляются на поезде.

Шир (The Shire) – мир, в котором живут хоббиты в серии романов Дж.Р.Р. Толкина «Властелин Колец», идиллическое место, символизирующее уют и мир в сравнении с опасными приключениями героев.

Указанные прецедентные имена характеризуются следующими особенностями:

- направленность на поддержание определенных норм, принятых в английском обществе: качество образования, значимость интеллекта и передачи знаний;

- наличие ценностной составляющей с точки зрения исторического наследия: имена отражают многовековую историю, связанную с религиозными и культурными событиями, религиозными ценностями;

- значимость для национальной идентичности англичан, выраженной в символах (патриотизм, национальная защита и надежда во времена войны, история и религия);

- отчетливая мифологическая система, в которой заключены интерес к своей древней истории и мистике, фантазии, магии и приключений.

В качестве группы А.4 мы выделили прецедентные имена, обозначающие **события** и оказавшие влияние на формирование национально-культурной идентичности мексиканцев.

Завоевание Мексики испанцами (1521) – ключевое историческое событие, когда испанский конкистадор Эрнан Кортес захватил столицу ацтеков Теночтитлан, что привело к колонизации и формированию испанской колонии на территории Мексики.

День Куаутемок (23 февраля) – является символом сопротивления и национальной гордости.

День свободы выражения (7 июня) – день связан с защитой свободы слова и свободы выражения мнения, что является важной частью культурной идентичности Мексики.

День независимости (16 сентября) – национальный праздник, который означает начало Мексиканской войны за независимость от Испании. Католический священник Мигель Идальго-и-Костилья 16 сентября 1810 года начал восстание против колониального господства, что в итоге привело к независимости Мексики³²⁴.

³²⁴ Чеснокова О.С. Испанский язык Мексики: Языковая картина мира. Общество с ограниченной ответственностью «Ленанд», 2021. С. 46-49.

Мексиканская революция (1910–1920) – революция привела к свержению диктаторского режима Порфирио Диаса и сформировала основу для создания современной мексиканской нации.

День революции (20 ноября) – день посвящен празднованию мексиканской революции, включает в себя парады, мероприятия и памятные церемонии в честь тех, кто боролся за права и свободу мексиканского народа.

День мертвых (1–2 ноября) – мексиканский праздник, когда поминают умерших. Люди создают алтари и устраивают праздничные шествия, несут еду и напитки умершим, чтобы почтить их память.

Фестиваль Сантисима Муэрте, посвященный Святой Смерти, проходит в конце октября и начале ноября. Он связан с мексиканской культурой и верованиями в Святую Смерть, заключается в поклонении одноименному божеству, персонифицирующему смерть.

Фестиваль Гваделупе проходит в начале декабря, посвящен Деве Гваделупе, покровительнице Мексики.

Фестиваль Гуэлагетсанго: этот фестиваль искусств в Гуанахуато включает в себя музыку, театр, искусство и литературу. Он служит площадкой для выражения мексиканской культурной идентичности и ее связи с мировой культурой.

Закон реформ (1859) был направлен на отделение от церкви и уменьшение влияния церкви на государство. Он стал важным шагом в установлении государственности в Мексике.

Пиньята – обряд, связанный с Рождеством и Новым годом, когда дети бьют пиньяту (бумажную фигуру, наполненную сладостями) и достают угощения.

Данная тематическая группа характеризуется следующими ключевыми особенностями:

– апелляция к коллективному бессознательному, в частности, испанское завоевание привело к гибели многих ацтекских жителей, разрушению их города Теночтитлан и запустило процесс колонизации и ассимиляции народов Мексики, последующие события связаны с борьбой за независимость;

– мифологичность и символичность: День мертвых символизирует связь между прошлым и настоящим, подчеркивая значимость культурных и исторических корней;

– воспроизводимость: каждый год мексиканцы отмечают праздники, связанные с независимостью, обретением свободы, в результате прецедентные имена актуализируются в разных типах дискурса.

В русской лингвокультуре мы отметили следующие **события**, обладающие свойствами прецедентности и знакомые широкому кругу русского лингвокультурного сообщества.

Крещение Руси (988) – принятие христианства в Древней Руси под влиянием князя Владимира Святославича.

Ледовое побоище (1242) – битва на Чудском озере, в которой войска Александра Невского разгромили рыцарей Ливонского ордена.

Куликовская битва (1380) – сражение между войсками Дмитрия Донского и армией Мамай. Ключевой этап в освобождении Руси от монголо-татарского ига.

Основание Санкт-Петербурга (1703) – инициатива Петра I по созданию «окна в Европу». Событие символизирует модернизацию России, ее поворот к европейским стандартам в культуре, армии, науке.

Полтавская битва (1709) – решающее сражение Северной войны, разгром шведских войск Карла XII русской армией под командованием Петра I.

Война 1812 года (Отечественная война) – противостояние России и Наполеоновской Франции, ключевыми событиями которого стали Бородинское сражение и последующее контрнаступление русской армии.

Освобождение от крепостного права (1861) – освобождение крестьян, начало процесса реформ в Российской империи.

Революция 1905 года – волнения и столкновения с властью вынудили Николая II принять Манифест 17 октября 1905 г.

Февральская и Октябрьская революции (1917) – смена власти и падение монархии, последующее установление власти большевиков.

Гражданская война (1917–1922) – внутренний конфликт между Красной и Белой армиями, оказавший огромное влияние на страну.

Великая Отечественная война (1941–1945) – Советский Союз против нацистской Германии, победа с большими жертвами и страданиями.

9 мая – праздник в честь победы в Великой Отечественной войне.

Запуск первого искусственного спутника Земли (1957) – событие, ознаменовавшее начало космической эры для СССР.

Полет Ю. Гагарина в космос (12 апреля) – День космонавтики.

Перестройка (1985–1991) – период масштабных социально-экономических и политических реформ в СССР под руководством М.С. Горбачева.

Распад Советского Союза (1991) – конец советской эпохи, начало современной России.

Присоединение Крыма (2014) – символ единения народа.

День России (12 июня) – официальный государственный праздник, означает день принятия Декларации о государственном суверенитете Российской Федерации.

Данная тематическая группа характеризуется следующими особенностями:

- апелляция к коллективному бессознательному: военные конфликты и победы способствуют формированию единства, национального самосознания и национальной идентичности;

- всеобщность празднования событий, их актуализация в рамках произведений искусства, кинематографа;

- символизм, например, Крым – это символ единения и территориальной целостности России, отсюда лозунг «Крым – наш», Крымский мост стал знаковым символом воссоединения российских территорий;

- устойчивость восприятия, когда событие однозначно интерпретируется сообществом как выражающее ключевые национальные интересы и ценности.

Рассмотрим прецедентные имена, обозначающие **события**, имеющие национально-культурную значимость в английской лингвокультуре.

Мы выделили следующие прецедентные события:

The Norman Conquest – Нормандская завоевательная кампания (1066), в результате которой Вильгельм Завоеватель из Нормандии стал королем Англии.

The Battle of Hastings – битва при Гастингсе (1066), когда Вильгельм Завоеватель победил англосаксонского короля Гарольда II.

The Signing of the Magna Carta – подписание Великой хартии (1215), которая ограничила королевскую власть и стала основой для развития правовых принципов.

The Battle of Agincourt – битва при Азенкуре (1415), где английская армия одержала победу над французской.

The British Empire – Британская империя, которая охватывала множество территорий в разных частях света (1600–1997).

The Gunpowder Plot – пороховой заговор (1605), во время которого группа католиков попыталась подорвать английский парламент, чтобы свергнуть протестантского короля. Это событие нашло отражение в литературе, в частности, в пьесе Уильяма Шекспира «Генрих IV».

The Great Fire of London – Великий лондонский пожар (1666), который уничтожил большую часть города.

The Glorious Revolution – Славная революция 1688 года, когда протестантские монархи Вильгельм III Оранский и Мария II Стюарт свергли католического короля Якова II. Это событие оказало влияние на политическую и культурную жизнь страны.

The Industrial Revolution – Промышленная революция, эпоха индустриализации, повлиявшая на развитие общества и литературы, в том числе на творчество Чарльза Диккенса.

The Battle of Trafalgar – битва при Трафальгаре (1805), когда британская флотилия одержала победу над французско-испанским флотом.

The Battle of Waterloo – сражение при Ватерлоо (1815), которое привело к падению Наполеона Бонапарта. Упоминается во многих произведениях, например, в романе Льва Толстого «Война и мир».

The Peterloo Massacre – массовые беспорядки и подавление протеста в Манчестере (1819), что привело к смерти множества людей.

The Victorian Era – Викторианская эпоха, период правления королевы Виктории (1837–1901), который оказал влияние на многие аспекты общества, политики и культуры.

The Boer War – война против бурсов в Южной Африке (1899–1902), которая оказала влияние на английское общество.

The Titanic – катастрофа 1912 года, когда пассажирский лайнер затонул после столкновения с айсбергом. Это событие нашло отражение в литературе и кинематографе, в том числе в фильме Джеймса Кэмерона.

The Suffragette Movement – движение за избирательные права женщин, которое привело к расширению политических прав женщин в Великобритании в 1918 году.

The Blitz – немецкие бомбардировки Лондона и других британских городов в 1940–1941 годах. Это событие оставило глубокий след в истории и нашло отражение в литературе, например, в романе Грэма Грина «Конец одного романа» (The End of the Affair), действие которого разворачивается на фоне лондонских бомбардировок.

The Falklands War – вооруженный конфликт между Великобританией и Аргентиной за контроль над Фолклендскими (Мальвинскими) островами.

Данная группа характеризуется следующими особенностями:

- апелляция к коллективному бессознательному, когда события сформировали осознание себя как нации, оказав влияние на формирование национальной идентичности, патриотизма;
- актуализация в современном обществе, например, борьба за права, свободу;
- ценностная составляющая: идеалы, ценности, выражающие идеи, принципы развития страны, культурной памяти;
- клишированность – название точно воспроизводится в любом источнике;
- направленность на формирование национальной картины мира, которая оказывает влияние на разные аспекты общественной жизни.

Выбор вышеперечисленных прецедентных событий для диссертационного исследования обусловлен комплексом критериев, которые отражают их значимость для лингвокультурного сообщества, способность формировать коллективную память. Данные критерии опираются на теоретические положения о природе прецедентности, сформулированные в лингвистике и культурологии:

- широкая известность в лингвокультурном сообществе;
- культурная и историческая значимость;
- повторяемость в дискурсе;
- формирование концептов и ценностей;
- связь с ключевыми фигурами;
- долгосрочное влияние на общественное сознание.

В соответствии с группой Б.1 проанализируем **прецедентные высказывания персонажей художественных произведений** в мексиканской лингвокультуре.

«No hay mal que por bien no venga» («Нет худа без добра») – популярное выражение подчеркивает оптимистический взгляд на жизнь и веру в то, что даже из плохой ситуации может выйти что-то положительное. Корни выражения уходят в народную мудрость, а широкую известность оно получило благодаря литературе, включая «Дон Кихота» Мигеля де Сервантеса Сааведра.

«México lindo y querido» («Красивая и любимая Мексика») взята из одноименной песни и выражает нежные чувства к родной стране, стала своеобразным гимном Мексики и символом любви к родным краям.

«¡Ay, Jalisco, no te rajes!» («Эй, Халиско, не сдавайся!») из фильма «Ay, Jalisco, no te rajes!» (1941) – цитата из песни стала популярным выражением национальной гордости и патриотизма, призывает Мексику не сдаваться перед трудностями и бороться за свои идеалы.

«Muera el mal gobierno» («Смерть плохому правительству») из романа «Pedro Páramo» Хуана Рульфо – фраза символизирует сопротивление населения, выступающего против коррупции и нарушения прав граждан, выражает общественное стремление к справедливости и переменам.

«La patria es primero» («Родина важнее всего») из романа «Los de abajo» Мариано Асуэла – выражение подчеркивает верность своей стране и готовность защищать ее интересы, даже в условиях политической и социальной нестабильности.

«La vida no vale nada» («Жизнь ничего не стоит») из песни «La vida no vale nada» (1954) авторства Фелипе Берриоса – песня отражает социальные и политические протесты против неравенства и несправедливости в обществе, стала гимном борьбы за справедливость и свободу.

«La Catrina» («Катрина») из иллюстраций Хосе Гуадалупе Посада – картина представляет собой символ Дня мертвых (Día de los Muertos) и изображает скелетированную женщину в богатой одежде как визуальное представление мексиканской традиции почитания умерших и связывает культуру с историей и религиозными практиками.

«El pasado no es una carga, es una herencia que debemos cuidar» («Прошлое – не бремя, а наследие, которое мы должны беречь») из романа «Pedro Páramo» («Педро Парамо») (1955) Хуана Рульфо – высказывание затрагивает тему исторической памяти и связи поколений. В романе оно подчеркивает неотвратимость прошлого, которое преследует живых.

«La realidad no es lo que vemos, sino lo que decidimos ver» («Реальность – не то, что мы видим, а то, что решаем видеть») из романа «La muerte de Artemio Cruz» («Смерть Артемио Круса») (1962) Карлоса Фуэнтеса – фраза отражает постмодернистское восприятие реальности. Используется для раскрытия темы манипуляции сознанием и власти у мексиканцев в XX веке.

«Somos un pueblo que canta a su dolor y baila con sus heridas» («Мы – народ, который поет о своей боли и танцует со своими ранами») из романа «Terra Nostra» (1975) Карлоса Фуэнтеса – высказывание подчеркивает способность народа сохранять радость и творчество даже в условиях испытаний.

«Somos hijos de la Revolución, pero también de sus fantasmas» («Мы – дети Революции, но также и ее призраков») из романа «Noticias del imperio» («Новости из империи») (1987) Фернандо дель Пасо – фраза подчеркивает двойственность

наследия: с одной стороны, идеалы свободы, с другой – неразрешенные конфликты.

«El corazón tiene su propia geografía, y a veces nos lleva lejos de donde pertenecemos» («У сердца своя география, и иногда оно уводит нас далеко от того места, где мы должны быть») из романа «Como agua para chocolate» («Шоколад на крутом кипятке») (1989) Лауры Эскивель – выражение отражает темы эмиграции и культурную идентичности.

«Por la libre» («Бесплатно») из фильма «Y tu mamá también» (2001) Альфонсо Куарона – фраза используется для описания свободолюбивого и независимого духа, отражая стремление современной мексиканской молодежи к самовыражению и независимости.

«La suave patria» («Мягкая родина») – выражение принадлежит Мануэлю Гутьерресу Нахера и олицетворяет его горячую любовь и гордость к Мексике. Он описывает родину как материнскую фигуру, покрывающую своих детей своим мягким покровом. Подобная поэтическая метафора стала символом патриотизма и национальной привязанности.

«La Adelita» («Аделита») – песня, созданная в период Мексиканской революции, посвящена женщинам-революционерам, которые сражались на фронтах революции. Имя стало символом женской смелости, борьбы и преданности идеям свободы.

«Tu miedo me sorprende. Veo que ignoras que morir no es terminar, es continuar, es evolucionar» («Твой страх меня удивляет. Ты не знаешь, что смерть – это не конец, а продолжение, эволюция») из романа «Malinche» (Малинче) Лауры Эскивель (2010) – фраза принадлежит персонажу Малинче, исторической фигуре, первой переводчице с местных языков на испанский. Высказывание отражает мексиканское ироничное отношение к смерти. Смерть не воспринимается как нечто страшное, а как часть жизненного цикла, что характерно для мировоззрения многих коренных народов Мексики.

«¿Qué favor le debo al sol por haberme calentado?» («Какие услуги я теперь буду вынужден оказать солнцу за то, что оно меня согрело?») – мексиканская

народная мудрость. Фраза иллюстрирует ироничное отношение мексиканцев к жизненным трудностям. Отражает стойкость, независимость и философский взгляд на жизненные испытания, характерные для лингвокультуры мексиканцев.

«El trabajo y el esfuerzo convierten las rocas en dinero» («Труд и усердие обращают скалы в деньги») – высказывание подчеркивает ценность трудолюбия и настойчивости. Отражает традиционные ценности мексиканцев: уважение к труду, веру в вознаграждение за усилия.

«La vida es una caja de sorpresas» («Жизнь – это коробка с сюрпризами») – фраза, встречающаяся в диалогах персонажей многих романов и рассказов. Отражает философию принятия непредсказуемости жизни.

«No hay mal que dure cien años» («Нет беды, которая длится сто лет») – мексиканская народная поговорка. Выражает оптимизм и веру в то, что трудные времена всегда проходят.

Характерными особенностями прецедентных высказываний являются:

– визуализация ценностей любви к Мексике, родному городу в поэмах, стихах, произведениях искусства, кино;

– метафоричность: прецедентные фразеологизмы, которые употребляются в том числе и носителями не мексиканского национального варианта испанского языка;

– символичность, находящая выражение в таких языковых единицах, как мир снов, мечта и др.

Проанализируем **прецедентные высказывания** в английской лингвокультуре.

«To be or not to be, that is the question» из пьесы Уильяма Шекспира «Гамлет» – обычно используется для выражения сомнений и размышлений.

«All that glitters is not gold» из пьесы Уильяма Шекспира «Венецианский купец». Эта фраза указывает на то, что не все, что кажется блестящим и привлекательным, действительно ценно.

«To err is human, to forgive divine» из стихотворения Александра Поупа «Essay on Criticism» – цитата подчеркивает человеческую природу ошибаться и возвышенность прощения.

«It was the best of times, it was the worst of times» – начало романа Чарльза Диккенса «Повесть о двух городах» описывает контрасты и противоречия жизни.

«Romeo, Romeo, wherefore art thou Romeo?» – из пьесы Уильяма Шекспира «Ромео и Джульетта». Джульетта выкрикивает это имя, выражая свои чувства к Ромео.

«Beware the Ides of March» – фраза из пьесы Уильяма Шекспира «Юлий Цезарь» предвещает несчастье и напоминает о грядущей опасности.

«Elementary, my dear Watson» – несмотря на то, что эта фраза, приписываемая Шерлоку Холмсу, отсутствует в оригинальных произведениях Артура Конан Дойля, она стала символом персонажа.

«Houston, we have a problem» – цитата из миссии «Аполлон 13». Она стала известной как сигнал о возникновении проблемы во время космического полета.

«I think, therefore I am» (лат. «Cogito, ergo sum») – цитата Рене Декарта из его работы «Рассуждение о методе» поднимает вопрос о существовании и осознании.

«The world is your oyster» – фраза из пьесы Уильяма Шекспира «Макбет» подразумевает, что мир полон возможностей.

«Once upon a time in a land far, far away...» является традиционным зачином английских сказок и служит для обозначения вымышленного пространства, в котором разворачивается повествование.

«In the heart of the city» – выражение обычно используется для описания центральной части города, где происходит большая часть действия.

«Lost in the wilderness» – описывает удаленные и диковинные места, часто использованные в приключенческих произведениях.

«On the edge of the world» – фраза описывает очень удаленные и отдаленные места, часто используемые в приключенческих романах.

«Across the seven seas» – выражение связано с путешествиями и путешествиями на далекие расстояния, в разные части мира.

«Beneath the city lights» – выражение обычно используется для описания ночной жизни города и развлечений.

«In the shadow of the mountain» описывает места, расположенные поблизости от высоких гор, и часто используется для создания атмосферы тайны и загадочности.

«Amidst the hustle and bustle» связано с оживленной и шумной городской обстановкой.

«In a quaint little village» описывает уютные и милые места, часто используемые для создания образа традиционной обстановки.

«The green light at the end of Daisy's dock» – место из романа Френсиса Скотта Фицджеральда «Великий Гэтсби». Зеленый огонь символизирует недостижимые мечты и амбиции главного героя.

Отличительными особенностями прецедентных высказываний в английской лингвокультуре можно считать следующие:

– акцент на самопознание, осознание своей сущности, возможности развития и духовного совершенствования;

– ценностная составляющая, отражающая, с одной стороны, стремление к взаимосвязи с природой, с другой – городской жизнью, приключениями и развлечениями, то есть беззаботностью.

В диссертационном исследовании мы рассматриваем фразеологизмы и пословицы как прецедентные феномены – лингвоментальные единицы, многократно воспроизводимые в речевой практике и считающиеся ключевыми для культуры, которые обладают:

– высокой степенью узнаваемости;

– культурной семантикой;

– прагматической функцией.

Таким образом, фразеологизмы и пословицы – важнейший пласт прецедентных высказываний, которые не только обогащают язык, но и служат

«культурным кодом», формирующим идентичность этноса. Их анализ в диссертационном исследовании дает глубокое понимание связи языка, культуры и самосознания народа.

Как указано в разделе Б.2 проанализируем **прецедентные высказывания исторических личностей, политических деятелей, лозунги** в мексиканской лингвокультуре.

«День независимости» (El Grito de Dolores) – речь, произнесенная Мигелем Идальго 16 сентября 1810 г., которая стала началом войны за мексиканскую независимость. Каждый год 16 сентября мексиканцы празднуют День независимости, а публичное повторение фразы «¡Viva México!» («Да здравствует Мексика!») стало символом патриотизма и гордости за свою страну.

«Sí se puede» («Да, мы можем!») – мотивирующее выражение акцентирует на возможностях и решимости преодолевать трудности, широко используется в разных контекстах, включая социальные и политические движения.

«Lo cortés no quita lo valiente («Учтивость не исключает храбрости») связан с прецедентными именами Сиауhtëмос и Cortés (испанский конкистадор, завоеватель Мексики) как с символом храбрости.

«Somos un pueblo que no sabe cómo vencer, pero no sabe cómo rendirse» («Мы – народ, который не знает, как побеждать, и не знает, как сдаваться») – слова Эмилиано Сапаты, лидера мексиканской революции, служат символом национального духа и непреклонности³²⁵.

Характерными особенностями прецедентных высказываний являются:

- отсылка на знаменитые цитаты, лозунги, что воспринимается как идеи патриотизма, свободы, стремления к саморазвитию и самопознанию;
- метафоричность: фразеологизмы, общеизвестные лозунги, которые употребляются в том числе и носителями не мексиканского национального варианта испанского языка;

³²⁵ Платошкин Н.Н. История Мексиканской революции. Выбор пути. 1917-1928 гг. Том II. 2011 г. 456 с.

– направленность на формирование национального духа, патриотизма и привязанности к своему дому, стремления не склоняться перед трудностями.

Проанализируем **прецедентные высказывания** в англоязычной лингвокультуре.

«I have a dream» – фраза из речи Мартина Лютера Кинга-младшего о расовой гармонии и равенстве стала символом движения за гражданские права.

«The only thing we have to fear is fear itself» – фраза из инаугурационной речи Франклина Д. Рузвельта подчеркивает важность преодоления страхов и препятствий.

«It's not the years in your life that count, it's the life in your years» – фраза, приписываемая Аврааму Линкольну, подчеркивает значимость качественного и насыщенного жизненного опыта.

Отличительными особенностями прецедентных высказываний в англоязычной лингвокультуре можно считать следующие:

– акцент на самопознание, осознание своей сущности, возможности развития и духовного совершенствования;

– апелляция к коллективному бессознательному в рамках стремления к расовой гармонии и равенству, гражданским правам.

Сравнение прецедентных феноменов мексиканского национального варианта испанского языка с аналогичными единицами русской и английской лингвокультур требует предварительного разведения двух исследовательских плоскостей: прецедентности и реальности. Без такого разведения один и тот же культурный знак легко получает двойное описание. В настоящем параграфе прецедентный феномен рассматривается как воспроизводимый знак коллективной памяти, распознаваемый значительной частью национально-языкового сообщества и связанный с устойчивой оценкой. Реалия, напротив, фиксирует предмет, практику, территорию, ритуал, институцию или бытовой объект, специфичный для культурного пространства Мексики. Следовательно, имя «Cuauhtémoc» в политической речи работает как прецедентное имя, поскольку оно вызывает сценарий сопротивления и достоинства. Слово «ofrenda» в описании Дня мертвых

относится к реалиям, поскольку называет ритуальный предмет и способ организации поминального пространства.

Различие не исключает пересечения. Культурная единица способна переходить из одной зоны в другую при смене аналитического фокуса. Día de los Muertos рассматривается как макрореалия, поскольку обозначает календарно-ритуальный комплекс, охватывающий altar de muertos, ofrenda, pan de muerto, papel picado, посещение кладбищ и семейную практику поминовения. При этом в дипломатической речи тот же праздник приобретает свойства прецедентного феномена: он начинает обозначать не только ритуал, но и способность мексиканцев связывать память, семейность, цветовую символику, отношение к смерти и публичное представление страны.

Материал (имена, высказывания, события) отобран по принципу использования культурно-языковых единиц в современном дискурсе. Анализ включает в себя только те прецедентные имена, события и формулы, для которых обнаружены современные публичные употребления в 2024–2025 гг. либо официальные культурные материалы, подтверждающие их актуальность. Предлагается анализ механизмов их работы в современном дискурсе мексиканцев. Принцип использования культурно-языковых единиц особенно значим для формул вроде «*Si se puede*»: она давно вышла за пределы одного политического источника и в современной речи функционирует как мобильный лозунг коллективной веры в преодоление, что подтверждается употреблениями в сообщениях о EZLN (Ejército Zapatista de Liberación Nacional), в спортивной журналистике и в политических акциях мексиканской диаспоры³²⁶³²⁷³²⁸.

К прецедентным феноменам лингвокультуры мексиканцев относятся не только имена исторических деятелей. В корпус входят прецедентные имена

³²⁶ La Jornada. *Si se puede* la lucha política pacífica con resistencia y rebeldía: EZLN. 01.01.2025. URL: <https://www.jornada.com.mx/noticia/2025/01/01/estados/si-se-puede-la-lucha-politica-pacifica-con-resistencia-y-rebeldia-ezln-8045> (дата обращения: 02.05.2026).

³²⁷ El Universal. México consigue épica remontada ante Cuba en la Serie Mundial de Pequeñas Ligas. 20.08.2024. URL: <https://www.eluniversal.com.mx/deportes/mexico-consigue-epica-remontada-ante-cuba-en-la-serie-mundial-de-pequenas-ligas/> (дата обращения: 01.05.2026).

³²⁸ El Universal. Madrid, Barcelona, Londres y otras ciudades en el mundo se suman a la “Marea Rosa”. 19.05.2024. URL: <https://www.eluniversal.com.mx/mundo/madrid-barcelona-londres-y-otras-ciudades-en-el-mundo-se-suman-a-la-marea-rosa/> (дата обращения: 01.05.2026).

Cuauhtémoc, Hernán Cortés, La Malinche, Benito Juárez, Emiliano Zapata, Lázaro Cárdenas, Miguel Hidalgo, Vicente Guerrero, Frida Kahlo; прецедентные высказывания «El respeto al derecho ajeno es la paz», «La tierra es de quien la trabaja, Tierra y libertad», «La patria es primero», «Sufragio efectivo», «Sí se puede»; прецедентные события Conquista, Grito de Independencia, Expropiación Petrolera, Revolución Mexicana; прецедентные топонимические комплексы México-Tenochtitlan, Zócalo, Palacio Nacional. Каждая из этих единиц получает статус прецедентной благодаря актуальному употреблению в публичной речи.

Первую группу образуют исторические имена: Cuauhtémoc, Hernán Cortés, La Malinche, México-Tenochtitlan. Их современное употребление строится вокруг спора о происхождении нации мексиканцев, колониальной травме, антирасистской повестке и праве на собственную историческую интерпретацию. В марте 2025 г. La Jornada сообщила о государственном траурном акте, посвященном Cuauhtémoc через 500 лет после его казни. В публикации имя последнего tlatoani связано с формулами «no nos rendimos» и «dignidad de un pueblo libre y resistente», то есть с ценностями стойкости и суверенитета³²⁹. В этой ситуации Cuauhtémoc не обозначает только историческое лицо. Его имя работает как сжатая модель национального поведения: сопротивление внешнему давлению, защита достоинства, связь современных мексиканцев с доколониальным прошлым.

Пара Cuauhtémoc – Hernán Cortés в культурной коммуникации 2024–2025 гг. служит не музейной иллюстрацией, а дискурсивной рамкой разговора о mexicanidad. INBA (Instituto Nacional de Bellas Artes) в 2024 г. представил выставку «Sobre los huesos de Cuauhtémoc y de Hernán Cortés. Diego Rivera y el gran debate sobre la mexicanidad», где две фигуры поставлены в центр спора о прошлом, настоящем и будущем идентичности мексиканцев³³⁰. В сообщении INBA от января 2025 г. говорится, что выставка демонстрирует спор

³²⁹ La Jornada. Sheinbaum encabeza funeral de Estado a Cuauhtémoc a 500 años de su asesinato. 01.03.2025. URL: <https://www.jornada.com.mx/noticia/2025/03/01/cultura/sheinbaum-encabeza-funeral-de-estado-a-cuauhtemoc-a-500-anos-de-su-asesinato> (дата обращения: 02.05.2026).

³³⁰ INBA. El Museo Mural Diego Rivera presenta la exposición “Sobre los huesos de Cuauhtémoc y de Hernán Cortés”. 23.10.2024. URL: <https://inba.gob.mx/prensa/21219/el-museo-mural-diego-rivera-presenta-la-exposicion-sobre-los-huesos-de-cuauhtemoc-y-de-hernan-cortes> (дата обращения: 29.04.2026).

о национальной идентичности через искусство и через события, определившие судьбу страны³³¹. Тем самым имена Cuauhtémoc и Cortés выступают антонимической парой коллективной памяти: первый связан с сопротивлением и достоинством, второй – с завоеванием, насилием и началом колониального порядка. Прецедентность здесь выражена в том, что даже без подробного изложения истории пара имен вызывает в сознании адресата известный конфликтный сценарий.

Имя «La Malinche» имеет иной тип прецедентности. Оно связано с переоценкой женской фигуры, переводческой посреднической функции и представлений о предательстве. В статье La Jornada о поэме Luisa Govea «Monólogo de Malinali» приведена формула, отражающая прежнюю школьную модель восприятия: слово Malinche веками соотносилось с предательством³³². Современная публикация подчеркивает, что исследования после 500-летия завоевания изменили отношение к этой фигуре. Следовательно, «La Malinche» функционирует как прецедентное имя с конфликтной семантикой: оно активизирует не один устойчивый образ, а спор между старой обвинительной схемой и новой интерпретацией, где внимание переносится на язык, принуждение, посредничество и женскую субъектность.

Вторую группу составляют имена политико-правового канона: Benito Juárez, Miguel Hidalgo, Vicente Guerrero, Emiliano Zapata, Lázaro Cárdenas. Они не образуют простой список национальных героев. В современной речи каждое имя закреплено за определенным набором ценностей. Juárez связывается с правом, миром, светской государственностью и уважением к иному субъекту. В июле 2024 г. правительство Синалоа использовало апотегму «Entre los individuos, como entre las naciones, el respeto al derecho ajeno es la paz» в сообщении о 152-й годовщине смерти Juárez³³³. Устойчивость данной формулы показывает,

³³¹ INBA. Exploran el gran debate sobre la mexicanidad a través del arte. 10.01.2025. URL: <https://inba.gob.mx/prensa/21615/exploran-el-gran-debate-sobre-la-mexicanidad-a-traves-del-arte> (дата обращения: 28.04.2026).

³³² La Jornada. La Malinche “siempre será un enigma por desentrañar”: Luisa Govea. 25.07.2024. URL: <https://www.jornada.com.mx/2024/07/25/cultura/a03n1cul> (дата обращения: 03.05.2026).

³³³ Gobierno del Estado de Sinaloa. Conmemoran el 152º Aniversario Luctuoso de Benito Juárez. 18.07.2024. URL: <https://sinaloa.gob.mx/conmemoran-el-152o-aniversario-luctuoso-de-benito-juarez/> (дата обращения: 02.05.2026).

что в политическом дискурсе мексиканцев прецедентное имя и прецедентное высказывание работают вместе: Juárez усиливает авторитет фразы, а фраза актуализирует морально-правовую модель, связанную с ним.

Emiliano Zapata в современном дискурсе сохраняет связь с аграрной справедливостью. Официальный материал Secretaría de Agricultura y Desarrollo Rural называет Zapata символом «agrarismo social» и приводит формулы «Tierra y libertad» и «La tierra es de quien la trabaja»³³⁴. Данные выражения функционируют как прецедентные высказывания, поскольку они не требуют развернутого объяснения для адресата, знакомого с революционной памятью мексиканцев. В них свернуты сюжеты земельного вопроса, общинной собственности, крестьянского достоинства и критики латифундизма. Для мексиканцев эти формулы отличаются от нейтрального аграрного термина: они несут оценку, историческую память и политическую позицию.

Lázaro Cárdenas и Expropiación Petrolera образуют прецедентный комплекс, в котором имя политика, событие 1938 г. и реалья PEMEX (Petróleos Mexicanos) совместно выражают идею ресурсного суверенитета. В речи 18 марта 2025 г., посвященной 87-й годовщине национализации нефти, Claudia Sheinbaum благодарит Cuauhtémoc Cárdenas как сына Lázaro Cárdenas и связывает его с защитой суверенитета, PEMEX, нефти и электроэнергии для мексиканцев³³⁵. Здесь прецедентный феномен выходит за пределы мемориального календаря, он становится аргументом в современной энергетической политике и в объяснении права государства распоряжаться стратегическими ресурсами.

El Grito de la Independencia представляет собой прецедентное событие и одновременно устойчивый ритуальный текст. В сообщении о последнем el Grito de la Independencia 15 сентября 2024 г. официальный сайт президента Мексики передает повторяющуюся формулу с именами Miguel Hidalgo, Josefa Ortiz de Domínguez, Ignacio Allende, Leona Vicario, José María Morelos, Vicente Guerrero

³³⁴ Secretaría de Agricultura y Desarrollo Rural. Zapata, símbolo del agrarismo social. 20.11.2023. URL: <https://www.gob.mx/agricultura/articulos/zapata-simbolo-del-agrarismo-social> (дата обращения: 01.05.2026).

³³⁵ Presidencia de la República. Versión estenográfica. 87 Aniversario de la Expropiación Petrolera. 18.03.2025. URL: <https://www.gob.mx/presidencia/articulos/version-estenografica-87-aniversario-de-la-expropiacion-petrolera> (дата обращения: 03.05.2026).

и финальными троекратными возгласами ¡Viva México!³³⁶. Графика и структура ритуала показывают, что прецедентность здесь основана не только на содержании, но и на форме: повтор, восклицание, перечисление героев, обращение к народу и телесное соучастие собравшихся создают узнаваемый сценарий ежегодного воспроизводства идентичности.

Сопоставление с русской лингвокультурой показывает, что механизмы прецедентности во многом универсальны: общество закрепляет за именами и формулами свернутые сценарии, а затем использует их для оценки настоящего. В русской лингвокультуре функции сходные с мексиканским национальным вариантом испанского языка, выполняют имена Петр I, А.С. Пушкин, Ю.А. Гагарин, В.И. Ленин, А.В. Суворов, формулы «Москва – Третий Рим», «Поехали!», «Все для фронта, все для победы». Они различаются по семантическим зонам: государственная модернизация, литературный канон, космический триумф, революция, военная доблесть. Сходство с единицами мексиканского национального варианта испанского языка состоит в способности имени или короткой формулы заменять развернутый рассказ. Различие состоит в том, что выборка мексиканского национального варианта испанского языка чаще обращается к напряжению между доколониальным прошлым, колониальным насилием, республиканской законностью и революционно-аграрной справедливостью.

Англоязычная лингвокультура показывает другой тип распределения прецедентных феноменов. В ней сильны библейско-шекспировский пласт, конституционно-правовая память, политические формулы американской революции и гражданских прав. Имена W.Sh. Shakespeare, A.L. Lincoln, W.L.S.C. Churchill, Martin Luther King Jr., G.W. Washington, фразы «I have a dream», «We shall overcome», «To be or not to be» функционируют как знаки литературного, правового и гражданского канона. Мексиканский национальный вариант испанского языка отличается более тесным сплетением доколониального

³³⁶ Presidente de México. “¡Viva la Cuarta Transformación!”, expresa presidente al pueblo en último Grito de Independencia. 15.09.2024. URL: <https://amlo.presidente.gob.mx/viva-la-cuarta-transformacion-expresa-presidente-al-pueblo-en-ultimo-grito-de-independencia176171-2/> (дата обращения: 03.05.2026).

и революционного начала. В ней рядом стоят Cuauhtémoc и Zapata, Tenochtitlan и Zócalo, Día de los Muertos и Expropiación Petrolera; прецедентность часто соединяет древность, народное сопротивление и современную государственную риторику.

Сравнение показывает, что национальная специфика прецедентных феноменов мексиканского национального варианта испанского языка связана с набором повторяющихся ценностных осей:

– сопротивление внешнему господству, выраженное через Cuauhtémoc, Tenochtitlan, Cortés, colonialidad;

– правовая мораль и республиканская государственность, выраженные через Juárez и его апотегму о праве и мире;

– социальная справедливость и земля, выраженные через Zapata;

– ресурсный суверенитет, выраженный через Cárdenas, PEMEX и Expropiación Petrolera;

– празднично-ритуальная мобилизация общности, выраженная через El Grito de la Independencia и Viva México;

– универсальный мобилизационный импульс, выраженный через Sí se puede (таблица 2).

Таблица 2 – Современное функционирование мексиканских прецедентных феноменов в материалах 2024–2025 гг.

Единица	Современное употребление	Тип дискурса	Функция в национальной идентичности
Cuauhtémoc	Государственный траурный акт к 500-летию казни; формулы «no nos	Политико-мемориальный	Модель сопротивления, достоинства и суверенитета

Единица	Современное употребление	Тип дискурса	Функция в национальной идентичности
	rendimos», «pueblo libre y resistente» ³³⁷		
Hernán Cortés / Cuauhtémoc	Выставка INBA о споре вокруг mexicanidad ³³⁸³³⁹³⁴⁰	Музейно-культурный	Осмысление завоевания и границ национальной памяти
La Malinche	Переоценка фигуры Malinali в литературной публикации La Jornada ³⁴¹	Литературно-публицистический	Спор о предательстве, переводе, женской субъектности
Benito Juárez	Апотегма о праве и мире в современной гражданской церемонии ³⁴²	Официально-мемориальный	Правовая мораль и республиканская модель
Emiliano Zapata	Формулы Tierra y libertad и La tierra es de quien la trabaja в официальном материале ³⁴³	Историко-аграрный	Земля, крестьянское достоинство, социальная справедливость

³³⁷ La Jornada. Sheinbaum encabeza funeral de Estado a Cuauhtémoc a 500 años de su asesinato. 01.03.2025. URL: <https://www.jornada.com.mx/noticia/2025/03/01/cultura/sheinbaum-encabeza-funeral-de-estado-a-cuauhtemoc-a-500-anos-de-su-asesinato> (дата обращения: 03.05.2026).

³³⁸ INBA. El Museo Mural Diego Rivera presenta la exposición “Sobre los huesos de Cuauhtémoc y de Hernán Cortés”. 23.10.2024. URL: <https://inba.gob.mx/prensa/21219/el-museo-mural-diego-rivera-presenta-la-exposici-oacuten-ldquosobre-los-huesos-de-cuauht-eacutemoc-y-de-hern-aacuten-cort-eacutes-rdquo> (дата обращения: 03.05.2026).

³³⁹ INBA. Exploran el gran debate sobre la mexicanidad a través del arte. 10.01.2025. URL: <https://inba.gob.mx/prensa/21615/exploran-el-gran-debate-sobre-la-mexicanidad-a-traves-del-arte> (дата обращения: 03.05.2026).

³⁴⁰ INBA. Escultura, dibujo, pintura, gráfica, fotografía y documentos reflejan la conquista y la mexicanidad. 21.11.2024. URL: <https://inba.gob.mx/prensa/21420/escultura-dibujo-pintura-gr-aacutefica-fotograf-iacutea-y-documentos-reflejan-la-conquista-y-la-mexicanidad-en-el-museo-mural-diego-rivera> (дата обращения: 03.05.2026).

³⁴¹ La Jornada. La Malinche “siempre será un enigma por desentrañar”: Luisa Govela. 25.07.2024. URL: <https://www.jornada.com.mx/2024/07/25/cultura/a03n1cul> (дата обращения: 03.05.2026).

³⁴² Gobierno del Estado de Sinaloa. Conmemoran el 152º Aniversario Luctuoso de Benito Juárez. 18.07.2024. URL: <https://sinaloa.gob.mx/conmemoran-el-152o-aniversario-luctuoso-de-benito-juarez/> (дата обращения: 03.05.2026).

³⁴³ Secretaría de Agricultura y Desarrollo Rural. Zapata, símbolo del agrarismo social. 20.11.2023. URL: <https://www.gob.mx/agricultura/articulos/zapata-simbolo-del-agrarismo-social> (дата обращения: 03.05.2026).

Единица	Современное употребление	Тип дискурса	Функция в национальной идентичности
Lázaro Cárdenas / Expropiación Petrolera	Память о национализации нефти в речи 2025 г. ³⁴⁴	Политико-экономический	Ресурсный суверенитет и защита собственности на недра
Grito de Independencia / ¡Viva México!	Ежегодная арenga с повтором имен героев и финальным ¡Viva México! ³⁴⁵	Ритуально-государственный	Единство народа через повторяемый публичный текст
Sí se puede	EZLN, спорт, диаспоральные акции: один лозунг в разных речевых средах ³⁴⁶³⁴⁷³⁴⁸	Массово-коммуникативный	Мобилизация, вера в преодоление, коллективная энергия

В современной публичной речи мексиканцев прецедентное имя редко употребляется как нейтральная историческая справка. Оно, как правило, вводится в аргументацию. Cuauhtémoc становится доказательством стойкости народа; Juárez – доказательством правовой культуры; Zarata – доказательством социальной справедливости; Cárdenas – доказательством права государства защищать энергетический сектор; Hidalgo и Guerrero – доказательством непрерывности независимости. Такая аргументативная нагрузка отличает прецедентный феномен

³⁴⁴ Presidencia de la República. Versión estenográfica. 87 Aniversario de la Expropiación Petrolera. 18.03.2025. URL: <https://www.gob.mx/presidencia/articulos/version-estenografica-87-aniversario-de-la-expropiacion-petrolera> (дата обращения: 03.05.2026).

³⁴⁵ Presidente de México. “¡Viva la Cuarta Transformación!”, expresa presidente al pueblo en último Grito de Independencia. 15.09.2024. URL: <https://amlo.presidente.gob.mx/viva-la-cuarta-transformacion-expresa-presidente-al-pueblo-en-ultimo-grito-de-independencia176171-2/> (дата обращения: 03.05.2026).

³⁴⁶ La Jornada. Sí se puede la lucha política pacífica con resistencia y rebeldía: EZLN. 01.01.2025. URL: <https://www.jornada.com.mx/noticia/2025/01/01/estados/si-se-puede-la-lucha-politica-pacifica-con-resistencia-y-rebeldia-ezln-8045> (дата обращения: 03.05.2026).

³⁴⁷ El Universal. México consigue épica remontada ante Cuba en la Serie Mundial de Pequeñas Ligas. 20.08.2024. URL: <https://www.eluniversal.com.mx/deportes/mexico-consigue-epica-remontada-ante-cuba-en-la-serie-mundial-de-pequenas-ligas/> (дата обращения: 03.05.2026).

³⁴⁸ El Universal. Madrid, Barcelona, Londres y otras ciudades en el mundo se suman a la “Marea Rosa”. 19.05.2024. URL: <https://www.eluniversal.com.mx/mundo/madrid-barcelona-londres-y-otras-ciudades-en-el-mundo-se-suman-a-la-marea-rosa/> (дата обращения: 03.05.2026).

от реалии. Название *pan de muerto* сообщает о предмете; имя Juárez в политической речи предлагает модель поведения и систему оценки.

Дискурсивное функционирование прецедентных феноменов проявляется в трех формах:

- официально-мемориальная: государственные церемонии, годовщины, президентские речи, сообщения ведомств;
- культурно-музейная: выставки, постановки, художественные проекты, литературные переосмысления;
- массово-коммуникативная: лозунги, спортивные заголовки, социальные сети, речь диаспоры, политические акции.

Проверка материала 2024–2025 гг. показывает, что наиболее активны именно те прецедентные феномены, которые способны переходить между этими формами. *Suauhtémoc* встречается в государственной церемонии и музейной коммуникации; *La Malinche* – в литературной и гендерно-исторической переоценке; *Sí se puede* – в политическом, спортивном и активистском сообщении.

На основе проведенного анализа мы приходим к следующим выводам.

1. В мексиканском национальном варианте испанского языка прецедентные имена (исторические личности, авторы художественных произведений, персонажи, места и события) связаны с концептами *свобода, независимость, женщина, права, социальная справедливость*. Исторический путь достижения независимости мексиканского народа сопровождается жестокостью, разрушениями, войнами, колонизацией и ассимиляцией, борьбой за независимость. Сохранение культурного наследия осуществляется за счет связи настоящего с прошлым (олицетворение древней мексиканской цивилизации и ацтекского наследия), инвариативности (многообразие этнических культур и традиций Мексики, взаимосвязь с индейской культурой, культурная интеграция), ценностной составляющей (ценность быть во взаимосвязи с природой, независимости, свободы), символичности, значимости для страны (важность морской торговли).

В русской лингвокультуре данная тематическая группа отражает исторические этапы России, где наряду с жестокостью и самоуправством

исторические личности и политические деятели стремились реализовать реформы, направленные как на общее развитие страны, так и на отдельные ее направления (судостроение, образование, архитектура, культура, политическое объединение страны и т. д.). Кроме того, величие императорской власти, воплощенное в архитектуре, особенности климатических условий, выражающиеся в природных явлениях, и значимость победы, запечатленная в памятниках, – все это находит отражение в различных символах и отражает культурные ценности народа, его единение и территориальную целостность на определенном этапе исторического развития.

В английской лингвокультуре прецедентные имена выражают направленность на формирование национального самосознания, патриотизм, воплощение высоких моральных качеств и этических ценностей, поддержание определенных норм, принятых в английском обществе: качество образования, значимость интеллекта и передачи знаний, олицетворение мифологической системы, в которой заключены интерес к своей древней истории и мистике, фантазии, магии и приключений.

2. Характерными особенностями прецедентных феноменов в мексиканской лингвокультуре являются отсылки к известным цитатам, лозунгам, что воспринимается как идеи патриотизма, свободы, стремления к саморазвитию и самопознанию, направленность на формирование национального духа. В английской лингвокультуре также акцентируется внимание на самопознании, осознании своей сущности, возможности развития и духовного совершенствования, апелляция к коллективному бессознательному осуществляется в рамках стремления к расовой гармонии и равенству, гражданским правам. Однако одной из приоритетных ценностей в английской лингвокультуре считаются преимущества, которые предоставляет городская среда, а также возможности для досуга, тогда как в культуре мексиканцев акцент смещается в сторону коллективных праздников, семейных ценностей и связи с историческим наследием. Исходя из данной специфики, мы предполагаем,

что взаимосвязи с национальной идентичностью можно проследить в разных типах дискурса: художественном, политическом и разговорном.

2.4 Методика исследования прецедентных феноменов в мексиканском национальном варианте испанского языка

Данный параграф посвящен изучению прецедентных феноменов. На основе проведенного анализа **нами предложена авторская методика** исследования прецедентных феноменов в мексиканском национальном варианте испанского языка, адаптированная к задачам данного исследования. Целью методики являются:

1. Интерпретация лексикографических источников, позволяющих выявить культурно-значимые языковые единицы, отражающие национальную идентичность мексиканского общества.

2. Исследование фразеологизмов, пословиц и поговорок как составляющей паремиологической картины мира, имеющей национальный характер. Тем самым можно понять менталитет мексиканцев, его культуру и определить, каким образом происходит влияние на национальную картину мира и межкультурное общение.

3. Социолингвистические исследования. Анализ вариативности и разнообразия мексиканского национального варианта испанского языка в разных социальных группах и регионах позволит раскрыть социолингвистические аспекты языка и его роли в обществе.

4. Влияние индейских языков. Мексика богата культурным наследием индейских народов. Исследование влияния индейской культуры на мексиканский национальный вариант испанского языка позволит понять, какие элементы культуры и менталитета сохраняются на языковом уровне.

5. Сравнительный лингвистический анализ мексиканского национального варианта испанского языка с другими вариантами испанского языка.

6. Лингвокультурологический анализ мексиканского национального варианта испанского языка, направленный на выявление репрезентации

культурных ценностей и норм, позволит определить механизмы выражения национальной идентичности и мировоззренческих установок через языковые средства.

7. Анализ репрезентации прецедентных феноменов мексиканского национального варианта испанского языка в современном испаноязычном медиaprостранстве и художественном дискурсе (литература, кино, музыка), позволяющий выявить механизмы актуализации национальных культурных кодов и их роли в формировании дискурсивной идентичности.

8. Регионоведческий анализ варианта испанского языка, который употребляется на определенных территориях. Посредством изучения специфических для конкретной территории / местности / места проживания носителей мексиканского национального варианта испанского языка можно выявить отличительные языковые особенности (грамматические, синтаксические, лексические) и экстралингвистические факторы, влияющие на употребление тех или иных языковых единиц и их место в национальной картине мира, а также влияние на формирование культурной идентичности.

9. Особенности употребления прецедентных феноменов мексиканского национального варианта испанского языка в различных видах дискурса. Дискурсивный анализ проявляется посредством классификации прецедентных феноменов по видам дискурса (художественный, разговорный, политический и т. д.), анализа функций в дискурсе, а именно в создании образа, апелляции к ценностям, а также изучения трансформации значения в разных контекстах.

В основу предлагаемой методики систематизации прецедентных феноменов положен принцип их функциональной связи с маркерами национальной идентичности. В отличие от традиционных лингвистических подходов, классификация в данном исследовании осуществляется по тематическим доминантам, отражающим ключевые аспекты картины мира мексиканцев. Прецедентные имена, цитаты и тексты в мексиканском национальном варианте испанского языка наиболее часто содержат отсылку к индейскому наследию (цивилизации ацтеков, ольмеков, майя), историческим личностям (национальным

героям) и событиям, а также популярной культуре (литература, кино, фольклор). Примерами, выявленными в ходе анализа собранного корпуса, являются: имя древнего города Теотиуакан (Teotihuacán), которое ассоциируется с мистикой и наследием древних цивилизаций, и имя революционера Панчо Вильи, которое ассоциируется с борьбой за справедливость. Такие примеры отражают историю и специфику языковой картины мира мексиканцев.

Отличительной особенностью нашей методики является классификация дискурсов по обозначенным нами тематическим группам. На основании примеров прецедентных имен и высказываний (см. параграф 2.3) мы сделали вывод о том, что прецедентные феномены встречаются в художественном, публицистическом, политическом и разговорном типах дискурса. В политическом дискурсе данные имена и высказывания несут оценочную коннотацию и используются для формирования определенного отношения к событиям или личностям, тогда как в художественном дискурсе они помогают создать национально-культурную атмосферу, охарактеризовать персонажей или выразить авторскую позицию.

Важной составляющей методики являются культурно-специфичные коннотации. Прецедентные имена и высказывания мексиканского национального варианта испанского языка несут культурно обусловленные смыслы, которые могут быть непонятны носителям других лингвокультур. В данной работе к числу таких прецедентных феноменов отнесены Теотиуакан (Teotihuacán) (индейское наследие), Крич Долорес (Grito de Dolores) (национально-освободительное движение) и Ла Катрина (La Catrina) (специфическая мексиканская реалья). Все они требуют знания исторического и культурного контекста для адекватной интерпретации.

На основании вышеизложенного мы видим потенциал для дальнейших исследований, проводимых с применением данной методики в русле лингвокультурологического подхода, так как Мексика отличается:

– многообразием культур и этнических групп;

– богатством истории на протяжении всего своего развития, наличием таких исторически обусловленных процессов, как колонизация, ассимиляция, независимость;

– тесной постоянно поддерживаемой взаимосвязью со своими корнями, восходящими к периоду ацтеков.

Кроме того, прецедентные феномены на современном этапе развития отражают культурное наследие в форме произведений искусства, кино, праздников, новых исторических событий, имеющих отсылку к прошлому.

2.5 Выводы по второй главе

На основе проведенного исследования мы делаем следующие выводы.

Прецедентные феномены представляют собой языковые единицы, реализуемые в рамках того или иного дискурса на уровне коллективного осознания национально-культурной общности, определяют и отражают не только национально-культурные ценности, но и все формы функционирования конкретного лингвокультурного сообщества. Исторические предпосылки возникновения прецедентных феноменов связаны с:

1) элементами когнитивной базы носителя языка, отражающими конкретное историческое время, выступающими в качестве разных форм хранения и передачи значимой национально-культурной информации;

2) историческим развитием лингвокультурного сообщества, знания о котором накапливаются, хранятся и передаются последующим поколениям на языковом уровне;

3) спецификой концептосферы конкретного общества, в котором определены социальные нормы, ценности и идеалы, значимые для него.

На основе подобных положений мы выделяем следующую роль прецедентных феноменов в мексиканской лингвокультуре: отражение национальной картины мира на языковом уровне; влияние на сознание представителей мексиканского лингвокультурного общества; возможность как

вычленив интегративные черты в контексте родной и другой культур, так и соотносить понятие / явление / объект действительности с национальной культурой, бытом, социумом, ценностями, идеалами и нормами, что позволяет осознать свою идентичность и единство со своим народом; хранение в культурной памяти значимых явлений / объектов / фактов и их актуализация у последующих поколений; определение и поддержание национальных ценностей, идеалов, которые характерны для данного общества.

Методика исследования включала: отбор прецедентных феноменов различных типов дискурса (художественного, политического, разговорного), имеющих отношение к национальной идентичности мексиканцев; определение сфер-источников культурного знания, к которым принадлежат прецедентные феномены на основе частотности их актуализации; определение национально-культурного источника происхождения прецедентных феноменов; определение контекста прецедентных феноменов и специфики их применения.

Обзор прецедентных феноменов мексиканского национального варианта испанского языка и прецедентных феноменов в русской и английской лингвокультурах в настоящем исследовании оправдан методологически, поскольку анализ разных лингвокультур позволяет выявить специфику именно мексиканской лингвокультуры, понять специфичность прецедентных феноменов, их национальную обусловленность.

Анализ проведен на основе когнитивно-дискурсивного и лингвокультурологического подходов. Материалом исследования послужили тексты, цитаты, имена, широко известные представителям лингвокультур и встречающиеся в художественной литературе, в естественной речи носителей языка. Согласно приведенным в научной литературе позициям относительно методов исследования прецедентных феноменов, мы предполагаем, что наиболее оптимальным будет выделение прецедентных феноменов в тематические группы. Основными критериями выделения нами прецедентных феноменов в тематические группы были влияние на национально-культурную идентичность лингвокультурного сообщества,

воспроизводимость, символичность, возможность определения «свой» – «чужой», влияние на историю народа, апелляция к коллективному сознанию.

ГЛАВА 3. НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МЕКСИКАНЦЕВ В ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ

3.1 Реалии как маркеры мексиканского культурного пространства и доминанты языковых параметров национальной идентичности

В настоящее время одним из актуальных вопросов национальной идентичности конкретного народа является изучение пространства культуры, которое создает определенные условия для выражения, сохранения и передачи другим поколениям ценностей, традиций.

Природа восприятия человеком пространства обусловлена не только самой действительностью, которая окружает человека, но и восприятием отдельным индивидом и коллективом данной действительности.

В концепции И. Канта пространство – это когнитивная карта адаптации индивида к окружающей среде, включая представления о ней, местоположение себя в ней, расположения возможностей, желаемых объектов и угроз, которые нужно избегать или преодолевать³⁴⁹. Продолжая данную мысль, мы предполагаем, что пространство обладает способностью к моделированию на уровне абстрактного мышления, воображения, при этом в разных сферах пространство объединяет, дополняет, расширяет представления об окружающей действительности. Тем самым в сознании человека складывается определенное поле, связанное с восприятием, классификацией материальных и духовных явлений согласно определенным критериям (В. Беньямин³⁵⁰, Н. Н. Суворов³⁵¹). Соответственно, применительно к культуре, среда возникает тогда, когда

³⁴⁹ Kant I. Works in 8 volumes. Vol. 5. Moscow, Choro, 1994.

³⁵⁰ Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе / Под ред. Ю.А. Здорова. М.: Медиум, 1996. 240 с.

³⁵¹ Суворов Н.Н. Пространство культуры как динамическая система // Мир культуры и культурология: альманах Научно-образовательного культурологического общества России. Вып. V. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 231-235.

взаимосвязанные явления объединяются посредством единого культурного смысла, который, в свою очередь, формирует физические границы функционирования представлений определенного этноса (В.К. Малькова³⁵²). В данном случае мы говорим о культурной среде, способной опираться на сферу ценностей, верований, языка, быта, истории, общественной жизни. Однако мы считаем, что формированию единой культуры поля предшествуют несколько исторических этапов, что свидетельствует о его динамичности.

Изучение культурного континуума позволяет проследить его трансформацию, постепенное усложнение во времени и дифференциацию культурно-исторической реальности (Д.Н. Замятин³⁵³). По нашему мнению, возможно выделить несколько этапов его развития:

1. Ранний этап развития культуры (устная форма коммуникации, символическое и образно-смысловое выражение), когда культурные смыслы осознавались, воспринимались и сохранялись на наследственном, географическом, общественном (коллективном) уровнях.

2. Литературный этап (письменная коммуникация, знаково-символическое и образное выражение). На данном этапе культурные смыслы фиксировались в письменных источниках (книгах), что позволяет говорить об их структурности и упорядоченности, подкрепленных на историческом, географическом и языковом уровнях³⁵⁴. При этом пространство культуры выстроено посредством и литературы, и устной традиции (фольклора).

3. Медийная стадия (устно / письменная форма коммуникации, визуальное выражение) отличается непредсказуемостью, неточностью, клиповостью, хаотичностью. Основным источником моделирования культурного пространства становится информация, наполненная разным содержанием и ориентированная на определенную целевую аудиторию, что позволяет говорить о фрагментарности как основной характеристике пространств культуры.

³⁵² Малькова В.К. Культура и пространство: историко-культурные бренды и образы территорий, регионов и мест / под ред. В.К. Мальковой, акад. В.А. Тишкова. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2012. С. 312.

³⁵³ Замятин Д.Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. С. 488.

³⁵⁴ Мамардашвили М., Пятигорский А. Символ и сознание. Метафизические размышления о сознании, символике и языке. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 224.

Исходя из выделенных этапов развития культурного пространства, мы можем утверждать, что процесс его формирования и функционирования маркируется через определенные знаки / символы (маркеры), которые выражают определенные предметы / явления данной культуры и репрезентируют в языке символы, заложенные в коллективной памяти, во взаимосвязях с прошлым, с традициями, накопленным опытом многих поколений. В этой связи стоит говорить о реалиях как маркерах культурного пространства.

С. Влахов и С. Флорин предложили одно из самых исчерпывающих определений, согласно которому «Реалии – это слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому, будучи носителями национального и / или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, и, следовательно, не поддаются переводу на общем основании, требуя особого подхода»³⁵⁵.

Мы ориентируемся на исследования А.А. Кретова, Н.А. Фененко³⁵⁶, С.И. Маниной³⁵⁷ и др., согласно которым реалии обладают прагматическим потенциалом и несут практическую направленность, интеллектуальное, эмоциональное и волевое воздействие на представителей конкретного народа.

В нашем исследовании мы опираемся на труды Э.А. Левиной, согласно которым реалии – это слова / словосочетания, обозначающие предметы / явления материальной и духовной культуры определенного народа и не имеющие аналогов в культуре другого народа³⁵⁸.

Соотнесенность между реалиями и прецедентными феноменами заключается в том, что реалии отражают культуру, традиции определенного лингвокультурного сообщества, прецедентные феномены представляют собой ценность определенной

³⁵⁵ Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1986. С. 55.

³⁵⁶ Фененко Н.А., Кретов А.А. Перевод как канал взаимодействия культур и языков (к проблеме языкового освоения «чужой» действительности) // Социокультурные проблемы перевода. Воронеж: ВГУ, 1999. № 3.

³⁵⁷ Манина С.И. Прагматические функции иноязычных вкраплений // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение, 2010.

³⁵⁸ Левина Э.А. Языковые реалии в прагма- и социолингвистическом аспекте: на материале русских и немецких романов первой половины XX века и их переводов. дисс...канд. фил. наук. Ростовский государственный педагогический университет. 2006. 159 с.

нации. При этом имена, события, места относятся к реалиям, если они несут яркий национальный, исторический или культурный колорит, указывают на уникальные объекты (людей, места, события), свойственные определенной культуре. В этой связи мы исходим из того, что реалии отражают содержание объекта действительности и его взаимосвязь с определенным народом, историческим периодом страны, тем самым реалии носят национальный характер и обладают способностью создавать определенное культурное пространство.

С целью систематизации и наглядного сопоставления категорий прецедентных феноменов и реалий представим их сущностные характеристики в форме таблицы. В рамках таблицы проанализируем следующие ключевые параметры: фокус значения (содержимое семантического поля, которое актуализируется при обращении к прецедентному феномену или реалии), основная функция в дискурсе (роль, которую прецедентный феномен или реалия выполняет в процессе коммуникации и текстообразования), критерии отнесения к соответствующей категории (набор отличительных признаков, позволяющих классифицировать языковые и культурные единицы либо как прецедентный феномен, либо как реалию), а также контекст употребления (типичные коммуникативные ситуации и дискурсивные практики, в рамках которых используется прецедентный феномен или реалия). Данная визуализация не только позволяет четко разграничить языковые и культурные единицы, но и демонстрирует, каким образом выполняются различные функции в зависимости от стоящей перед коммуникантом задачи (таблица 3).

Таблица 3 – Критерии отнесения языковых и культурных единиц к одной из категорий или к зоне их пересечения

Критерий	Прецедентный феномен	Реалия	Зона пересечения
Фокус значения	Символический (набор ассоциаций, качеств, коннотаций)	Денотативный (конкретная историческая личность и ее роль)	Оба аспекта присутствуют
Основная функция	Символизация, метафоризация, апелляция к ценностям	Идентификация, передача культурно- исторической информации	Выполняет обе функции
Критерии отнесения	Широкая известность, инвариант восприятия, воспроизводимость в речи	Культурная и историческая специфичность, отсутствие прямых аналогов в других культурах	Соответствует критериям обеих категорий
Контекст употребления	Публицистика, художественная речь, повседневная коммуникация	Научные тексты, исторические документы, образовательные материалы	Массовая культура, межкультурная коммуникация

Сопоставительная таблица, представленная нами в диссертационном исследовании, демонстрирует двойственную природу языковых и культурных единиц: они могут выступать и как прецедентные феномены, и как реалии – в зависимости от контекста употребления и коммуникативной задачи.

Мы делаем вывод о том, что реалии маркируют мексиканцев как этнос на уровне традиций, мифологии, фольклора, создавая культурное пространство в рамках конкретного прагматического поля. В качестве критериев отбора реалий методом сплошной выборки послужили:

А) степень известности в мексиканской культуре;

Б) наличие взаимосвязей с национальной идентичностью мексиканцев.

В этой связи мы сосредоточили внимание на исторических деятелях, сыгравших значительную роль в осознании национальной идентичности мексиканцев, событиях, топонимах и общенациональных праздниках.

Нами выделены следующие прагматические поля:

1. Темпоральное: описание достоверных событий определенного периода, исторические знания, персоналии, что указывает на достижение эффекта исторической достоверности. В мексиканском культурном пространстве темпоральное поле отражает реалии (включая антропонимические), обозначающие:

– исторических деятелей, занимавшихся политическими вопросами:

Benito Juárez (Бенито Хуарес) – мексиканский политический и государственный деятель, 26-й президент Мексики, правивший в середине XIX века, считается одним из национальных героев страны ввиду борьбы против французской оккупации и проведения реформ.

Emiliano Zapata (Эмилиано Сапата) был одним из важных лидеров мексиканской революции, боролся за земельные реформы и права крестьян. Его образ воплощает идеалы социальной справедливости и равенства.

Lázaro Cárdenas (Лазаро Карденас) – президент Мексики в 1930-е годы, провел значительные реформы, включая национализацию нефтяной промышленности.

Francisco Madero (Франсиско Мадеро) – один из лидеров Мексиканской революции в начале XX века, играл ключевую роль в свержении диктатора Порфирио Диаса и стал президентом Мексики, проводил политические реформы.

Vicente Guerrero (Висенте Герреро) – один из лидеров мексиканской независимости от испанского колониального правления и сторонник равенства и свободы.

Felipe Calderón (Фелипе Кальдерон) – президент Мексики (2006–2012), проводил политику по борьбе с наркокартелями.

– правителей-диктаторов:

Porfirio Díaz (Порфирио Диас) – диктатор, правивший Мексикой большую часть конца XIX – начала XX века. Долгий и авторитарный режим привел к революции 1910 года.

Victoriano Huerta (Викториано Уэрта) был мексиканским государственным и военным деятелем, генерал, организатор военного переворота, временный президент Мексики с 1913 по 1914 год, пришел к власти после свержения президента Франсиско Мадеро. Его режим также столкнулся с сильным сопротивлением, наряду с Эмилиано Сапаты и Панчо Вильи.

Gustavo Díaz Ordaz (Густаво Диас Ордаз) – президент Мексики с 1964 по 1970 год. Его правление отмечено протестами, включая студенческие движения против действий правительства 1968 года в Тлателолко.

Porfirio Muñoz Ledo (Порфирио Муньос Ледо) – президент Мексики (1976–1982), его правление характеризовалось авторитарными методами управления и ограничением политических свобод.

– завоевателей и лидеров, им противостоявшим:

Hernán Cortés (Эрнан Кортес) был испанским конкистадором, который в 1519 году прибыл в Мексику и подчинил себе ацтекскую империю. Его встреча с мексиканским правителем Монтесумой и взятие Теночтитлана были ключевыми событиями, которые повлияли на историю Мексики.

Cuauhtémoc (Куаутемок) – последний ацтекский император, противостоял испанским завоевателям, возглавляемым Эрнаном Кортесом, отражает дух сопротивления мексиканцев и героизм.

– исторических событий:

Grito de Dolores³⁵⁹ (Клич Долорес) – событие 16 сентября 1810 г., когда Мигель Идальго-и-Костилья призвал людей своего прихода покинуть свои дома и присоединиться к нему в восстании за независимость от испанской колониальной власти.

³⁵⁹ Хендерсон Т. Дж. Мексиканские войны за независимость. New York: Hill and Wang. 2009. С. 70-71.

Plan de Iguala³⁶⁰ (План Игуала) – документ, представленный Агустином де Итурбиде в 1821 году, предусматривал независимость Мексики от Испании и объединение всех ее жителей, независимо от расы или социального статуса.

Tratados de Córdoba³⁶¹ (Кордовские договоры) были заключены между Агустином де Итурбиде и испанскими властями, которые официально признали независимость Мексики от Испании в 1821 году.

Consumación de la Independencia³⁶² (завершение борьбы за независимость) – термин относится к завершению борьбы за мексиканскую независимость и созданию независимой Мексики.

2. Географическое (локальное): указание географических объектов, отражающих территориальное, региональное и местное разнообразие ландшафта. В мексиканском культурном пространстве об этом свидетельствуют:

1) топонимы, которые создают эффект достоверного представления о реальных событиях того или иного времени, географических объектах, временных периодах, например:

Guadalajara (Гвадалахара) – второй по величине город в Мексике, расположен в западной части. Этимология названия восходит к андалусскому арабскому *Wād al-Ḥayārah* (وادي الحجر) – «река камней» или «долина крепостей».

Chiapas (Чапас) – штат на юге Мексики получил свое имя от майя, одной из древних цивилизаций, означает «горные земли» или «воды под горами» и отражает характерные черты ландшафта этого региона.

Tepoztlán (Тепотцотлан) – мексиканский город известен своей колониальной архитектурой и красивым природным окружением. Название имеет индейское происхождение и переводится как «место медведя».

Mayakén (Маякуэн) – остров, расположенный в Карибском море. Этимология названия восходит к юкатекскому диалекту языка майя и семантически связана

³⁶⁰ Альперович М.С. Рождение мексиканского государства [Текст]. Москва: Наука, 1979. 167 с.

³⁶¹ «Кордовские трактаты». Институт юридических исследований УНАМ. 14.12.2010. URL: <http://www.juridicas.unam.mx/infjur/leg/conshist/pdf/tratcord.pdf> (дата обращения: 30.03.2026).

³⁶² Монография «Los tratados de Córdoba y la consumación de la Independencia. Bicentenario de su conmemoración, 1821–2021». INEHRM, Gobierno del Estado de Veracruz, 2021 г. С. 6-7.

с титулом или именем Канек («Кан Эк'»), использовавшимся правителями этнической группы ица – «черная змея».

Monterrey (Монтеррей) – город в северной части Мексики, название происходит от испанского слова «Monterrey», что означает «королевские горы».

2) топонимы, свидетельствующие о взаимосвязи с другими цивилизациями и повлиявшие на развитие, историю и культуру мексиканцев:

Chichén Itzá (Чичен-Ица) – одно из самых известных археологических мест в Мексике. Название «Чичен-Ица» происходит от майя, древней цивилизации, которая процветала в Мексике и Центральной Америке, и означает «колодец племени Итца».

Aztlan (Ацтлан) – родина ацтеков, откуда, согласно ацтекской мифологии, они отправились на юг и основали свою империю в Мексике. Хотя местоположение Ацтлана неизвестно, это мифическое место имеет важное значение в ацтекской культуре и мифологии.

Mayagüez (Маягуэс) – город в Пуэрто-Рико получил свое название от майя.

Taltepec (Тальтепек) – название, связанное с наuatльскими корнями, указывает на давнее население этой местности до прихода испанцев.

Tultepec (Тутьтепек) – город в штате Мехико носит название, которое отсылает к тольтекам, одной из древних цивилизаций в Мексике.

Mitla (Митла) – археологическое место в штате Оахака, которое ассоциируется с цивилизацией запотеков и является важным археологическим памятником.

3. Национально-культурное: описание исторически обусловленных событий, связанных:

– с культурными ценностями, традициями, например:

Día de los Muertos (День мертвых) – праздник, который отмечается 1 и 2 ноября, мексиканцы устраивают алтари, украшают их цветами, свечами и предлагают еду и напитки умершим родственникам в течение ночи, чтобы почтить их память.

Día de Cuauhtémoc (День Куаутемок) посвящен последнему ацтекскому императору Куаутемоку и его сопротивлению испанским завоевателям.

Día de la Constitución³⁶³ (День Конституции) – национальный праздник, отмечаемый 5 февраля, связан с историей и культурой Мексики. В этот день празднуют принятие мексиканской Конституции 1917 года.

Cinco de Mayo («Синко-де-майо») – национальный праздник Мексики в честь победы мексиканских войск в битве при Пуэбле 5 мая 1862 г.

Día de la Revolución³⁶⁴ (День Великой Мексиканской Революции) 1910 года – государственный праздник Мексики, посвящен началу Мексиканской революции 1910–1920 гг.

Фестиваль «Feria de los Pueblos Indígenas». Каждый год в июле в мексиканском штате Оахака проводится фольклорный фестиваль, посвященный показу и сохранению культуры и традиций мексиканских индейцев с целью подчеркнуть важность бережного отношения и уважения к историческому наследию коренных народов Мексики.

Día de la Independencia³⁶⁵ (День независимости) – 16 сентября мексиканцы отмечают начало борьбы за независимость от колониального господства Испании.

– мифологией и религией:

Día de San Juan Tiotl (День Святого Хуана Крестителя) связан с мифологией мексиканских индейцев и посвящен богу огня и жертвоприношений.

Día del Viento (День ветра) – праздник веры древних мексиканцев в божество ветра.

Día de San Valentín (День святого Валентина) – христианский праздник, адаптированный под романтическую традицию (14 февраля).

Semana Santa (Страстная неделя) – католический праздник (сочетает строгие религиозные обряды, народные традиции и религиозные обычаи).

³⁶³ González J.L. La Revolución Mexicana y la Constitución de 1917. El Colegio de México, 2010. P. 130-135.

³⁶⁴ Día de la Revolución (México). URL: [https://es.wikipedia.org/wiki/Día_de_la_Revolución_\(México\)](https://es.wikipedia.org/wiki/Día_de_la_Revolución_(México)) (дата обращения 30.03.2026).

³⁶⁵ Альперович М.С. Рождение мексиканского государства. Москва: Наука, 1979. 167 с.

Объединяет всю семью и общину, служит временем духовного осмысления и одновременно – периодом массовых культурных мероприятий (март-апрель).

Nochebuena (Сочельник) – семейный и религиозный праздник, сочетающий в себе духовную составляющую (месса, вертеп), народные обычаи (пиньата), теплоту семейного общения и единения (24 декабря).

Таким образом, мы отмечаем, что представленные реалии маркируют культурные смыслы, которые подкреплены исторически, географически, сформированы на коллективном языковом уровне, что позволяет идентифицировать явления мексиканской духовной культуры и отличать их от других культур по причине уникальности, актуальности и прагматичности. Специфичность выделенных реалий позволяет говорить о том, что у мексиканцев в коллективном самосознании очень ярко отражается своеобразие политической обстановки в Мексике, подчеркивается мысль о том, что все в этом мире взаимосвязано и ничего не проходит без последствий. Историческая обусловленность контекста мексиканских реалий позволяет использовать их в политическом дискурсе в качестве стратегии «мягкой силы» для достижения определенных целей.

3.2 Стратегии «мягкой силы» в мексиканском политическом дискурсе

Концепция «мягкой силы» была сформулирована Дж. Наем³⁶⁶, который заложил в ее основу информационные, психологические, моральные способы влияния на поведение народов других стран. Тем самым на первый план в политике выдвигается применение политических идеалов культуры, а не физическое насилие. Политические институты в этом случае направлены на сохранение национальной самобытности народов, противодействие культурной экспансии³⁶⁷. В этой связи следует говорить о способности государства

³⁶⁶ Nye J. (1990). *Soft Power. Foreign Policy*. P. 153-171. Nye J. (2011). *The future of power*. New York: PublicAffairs; Леонова О.Г. (2018). Джозеф Най и «мягкая сила»: попытка нового прочтения. М.: МГУ имени М.В. Ломоносова.

³⁶⁷ Ярмач Ю.В. Проявление коммуникативных особенностей «мягкой силы» в истории государственного управления/ Ю.В. Ярмач // *Пространство и Время*. 2015. № 3(21). С. 126-133.

выстраивать межкультурную коммуникацию, продвигать национальные интересы страны / народа / этноса³⁶⁸.

Мы придерживаемся мнения Дж. Холдена, согласно которому культурные взаимоотношения напрямую связаны с вопросами языка как формы выражения национально-культурной идентичности³⁶⁹. Применительно к политическому дискурсу культура является средством достижения национальной идентичности на семантическом уровне: формирование мировоззрения, развитие общественных отношений, распространение общественно-политических идей, общественного мнения в рамках государственной дипломатии, культурных программ³⁷⁰. Противоположностью стратегии «мягкой силы» выступает стратегия «жесткой силы», то есть использование методов насилия, давления (экономического, политического)³⁷¹.

«Мягкая сила» направлена на создание привлекательных идей, ценностей и образов^{372,373}. Стоит обратить внимание на рейтинг Soft Power 30, составленный в 2017 году, согласно которому индекс свободы в стране мексиканцы оценили следующим образом:

- политические права – 28/40;
- гражданские свободы – 37/60;
- свобода мысли и свобода совести – 13/16;
- персональная автономия и индивидуальные права – 10/16³⁷⁴.

В целом страна занимала 34 место по привлекательности и способности добиваться внешнеполитических целей без применения силы³⁷⁵. В этой связи мы провели исследование с целью выявления случаев применения стратегии

³⁶⁸ Радиков И., Лексютина Я. «Мягкая сила» как современный атрибут великой державы // *Мировая экономика и международные отношения*. 2012. № 2.

³⁶⁹ Holden J. Influence and attraction: culture and the race for soft power in the 21st century. British Council. 2012. P. 14-34.

³⁷⁰ Shannon C. The mathematics of communications. *Communication and culture*. N.J. 1966. P. 17-18.

³⁷¹ McClory J. The New Persuaders: An international ranking of soft power // *Rapid-growth markets soft power index* – Institute for Government GB in collaboration with Institute for Emerging Markets Studies. 2010. P. 3–18.

³⁷² Малинова О.Ю. Символическая политика: осмысление предметного поля // *Российская политическая наука: Идеи, концепции, методы* / под ред. Л. В. Сморгунова. М., 2015. С. 191. (Серия «Российская политическая наука: Истоки и перспективы» / под общ. ред. О.В. Гаман-Голутвиной).

³⁷³ Лебедева М.М. Ресурсы влияния в мировой политике // *Полис*. 2014. № 1. С. 99-108.

³⁷⁴ Soft power: теория, ресурсы, дискурс. Екатеринбург, 2015.

³⁷⁵ The Soft Power 30. A Global Ranking of Soft Power 2017. Portland. USC Center on Public Diplomacy

«мягкой силы» в речи политических деятелей (включая президентов страны и католических священников). Мы приведем контекст каждого высказывания. Примеры отобраны методом сплошной выборки из открытых мексиканских интернет-ресурсов (La Jornada, Animal Político, El Universal, REFORMA) за период с 2010 по 2024 год. В выборку включались единицы, содержащие указанные фразы и их источники либо отсылки к ним. Мы выделили ряд политических деятелей, которые, на наш взгляд, известны мексиканцам в контексте революционной борьбы, стремления к независимости, свободе, политических разногласий, но при этом их фрагменты речи содержат указание на важность национальной идентичности (таблица 4).

Таблица 4 – Примеры применения стратегии «мягкой силы» в речи политических деятелей

Политический деятель	Фрагмент речи	Контекст высказывания
Benito Juárez	<i>Entre los individuos, como entre las naciones, el respeto al derecho ajeno es la paz</i>	Принцип подчеркивает важность уважения прав и идентичности других народов и этнических групп в Мексике как основы мира и справедливости
Lázaro Cárdenas	<i>La justicia social es la base de la paz mundial</i>	Социальная справедливость является фундаментом для достижения мира
	<i>La propiedad de la Nación sobre sus recursos naturales no es un capricho, sino una necesidad</i>	Важность сохранения национальной идентичности и контроля над ресурсами Мексики
Emiliano Zapata	<i>La tierra es de quien la trabaja con sus manos</i>	Земельные реформы и права крестьян на землю важны
Miguel Hidalgo	<i>¡Viva México!</i>	Фраза – символ начала борьбы мексиканцев за независимость, подчеркивающая национальную идентичность и гордость

Vicente Guerrero	<i>La patria es primero</i>	Важность предпочтения интересов Родины, национальной идентичности
	<i>Igualdad, igualdad, igualdad, solo en una verdadera república es igual el pobre al rico</i>	Важность равенства и идентичности в новой независимой Мексике
Andrés Manuel López Obrador	<i>La mejor política exterior es la política interior</i>	Важность внутренних реформ и укрепления идентичности нации для успешной внешней политики
Margarita Zavala	<i>La verdadera lucha de México es por la justicia, no por el poder</i>	Справедливость в политике
José Antonio Meade	<i>México está en una encrucijada y debemos decidir qué México queremos</i>	Важность выбора пути укрепления идентичности
Marcelo Ebrard	<i>La cooperación internacional es fundamental para el desarrollo de México</i>	Значение сотрудничества и внешних отношений
	<i>La cultura es la mejor herramienta de comunicación entre los pueblos</i>	Роль культуры во взаимодействии с другими странами
Olga Sánchez Cordero	<i>La igualdad de género es fundamental para el desarrollo de México</i>	Важность гендерного равенства и самоуважения для нации
	<i>La diversidad cultural enriquece nuestra identidad nacional</i>	Разнообразие культур в Мексике укрепляет национальную идентичность
Raúl Cubias López	<i>El respeto es la base de la convivencia pacífica y la identidad nacional</i>	Роль уважения в поддержании мира и укреплении национальной идентичности

Анализ представленных идей позволяет утверждать, что политический авторитет Мексики формируется посредством следующих способов стратегии «мягкой силы»:

1) управление общественным мнением в соответствии с заданными смысловыми и ценностными установками;

2) интерпретация социальной реальности через доминирование определенных социально значимых смыслов и образов в общественном сознании;

3) формирование в коллективном сознании системы значений, смыслов, идей, ценностей, предпочтений, мифологизированных образов, стереотипов, направленных на совпадение ценностных ориентаций;

4) указание на перспективность международных коммуникаций для всех участников;

5) указание на возможность выражать собственное «Я», что позволяет получать отклик аудитории;

6) интерпретация, репрезентация образов репутации страны посредством определенных лексических и риторических приемов, представления желаемых политических явлений путем смыслового конструирования (фреймирование как способ создания шаблонного политического мышления, в основе которого лежат борьба за свои права, свободы, независимость);

7) соотнесение «свой» – «чужой», демократия – диктатура, друг – враг, свобода – бесправие и т. д., что создает определенный медиаобраз посредством лексического акцентирования, концептуализации, контекстуализации, мифологизации, метафорического моделирования.

Фрагменты речей политических деятелей Мексики представляют собой прецедентные высказывания – самодостаточные речевые единицы с глубоким культурно-историческим подтекстом, которые неоднократно воспроизводятся в дискурсе и формируют коллективное сознание мексиканцев. Они тесно связаны с ключевыми этапами истории страны, ее социально-политическими реалиями и национальной идентичностью (таблица 5).

Таблица 5 – Соотношение фрагментов речи мексиканских политических деятелей с реалиями и прецедентными феноменами

Политический деятель	Фрагмент речи	Связь с прецедентным феноменом	Связь с реалиями
Benito Juárez	<i>Entre los individuos, como entre las naciones, el respeto al derecho ajeno es la paz</i>	Идея уважения к правам как основы мира	Отражает постреволюционный контекст Мексики XIX века. Страна стремилась утвердить принцип правового государства после колониального прошлого и внутренних конфликтов
Lázaro Cárdenas	<i>La justicia social es la base de la paz mundial</i>	Социальная справедливость как универсальная ценность	Соотнесение с реформами Карденаса (1930) – национализация нефти, аграрные преобразования
	<i>La propiedad de la Nación sobre sus recursos naturales no es un capricho, sino una necesidad</i>		
Emiliano Zapata	<i>La tierra es de quien la trabaja con sus manos</i>	Лозунг аграрной реформы	Ключевой слоган Мексиканской революции (1910–1917), отражающий проблему земельного неравенства. Стал символом крестьянского движения и борьбы за справедливость
Miguel Hidalgo	<i>¡Viva México!</i>	Риторический призыв к национальной консолидации	Фраза связана с началом борьбы за независимость от Испании (1810)

			(Клич Долорес). Является символом национального единства и патриотизма, ежегодно вспоминается в День независимости
Vicente Guerrero	<i>La patria es primero</i>	Приоритет национальных интересов, используется в дискуссиях о борьбе с неравенством, коррупцией	Отражает эпоху войны за независимость, либеральные реформы начала XIX века, направленные на ликвидацию сословных различий
	<i>Igualdad, igualdad, igualdad, solo en una verdadera república es igual el pobre al rico</i>		
Andrés Manuel López Obrador	<i>La mejor política exterior es la política interior</i>	Приоритет внутренних реформ над внешней политикой	Отражает современную повестку Мексики – борьбу с коррупцией, бедностью, неравенством. Фраза иллюстрирует поворот к внутреннему развитию как основе внешней устойчивости
Margarita Zavala	<i>La verdadera lucha de México es por la justicia, no por el poder</i>	Критика политической коррупции	Борьба с клиентелизмом и наркокартелями, подчеркивает ценность справедливости над властными амбициями
José Antonio Meade	<i>México está en una encrucijada y debemos decidir qué México queremos</i>	Риторический вопрос о выборе пути развития	Отражает дилеммы современной Мексики – между интеграцией в мировую экономику и защитой национальных интересов
Marcelo Ebrard	<i>La cooperación internacional es fundamental para</i>	Идея многовекторной дипломатии	Соотнесение с современной внешней политикой Мексики –

	<i>el desarrollo de México</i>		участие в региональных организациях (USMCA), решением миграционных вопросов
	<i>La cultura es la mejor herramienta de comunicación entre los pueblos</i>	Закрепляет культуру как стратегический ресурс государства. Формирует в общественном сознании образ Мексики как страны с богатой культурой, открытой для диалога	Роль культуры в борьбе за независимость и формировании национальной идеи (литература, живопись, музыка). Участие Мексики в международных культурных программах (фестивали, выставки)
Olga Sánchez Cordero	<i>La igualdad de género es fundamental para el desarrollo de México</i>	Гендерное равенство как фактор развития	Отражает глобальные тренды (цели устойчивого развития ООН) и внутренние вызовы – дискриминацию
	<i>La diversidad cultural enriquece nuestra identidad nacional</i>	Закрепляет культурное разнообразие как ценность и основу национальной идентичности. Формирует образ Мексики как многообразной, но единой нации	Признание языков и обычаев индейцев на конституционном уровне. Соответствие принципам ЮНЕСКО о защите культурного разнообразия, участие в международных программах по сохранению нематериального наследия
Raúl Cubias López	<i>El respeto es la base de la convivencia pacífica</i>	Формирует представление	Борьба за независимость

	<i>y la identidad nacional</i>	о национальной идентичности как о динамичной, но сплоченной системе	и формирование национальной идеи – уважение к традициям и обычаям разных регионов. Уважение к особенностям штатов (например, Юкатан, Чьяпас) для сохранения единства страны
--	--------------------------------	---	---

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что продвижение стратегии «мягкой силы» в культурном пространстве Мексики характеризуется созданием медиаобразов, порождающих смыслы:

- получения устойчивого отклика общественности;
- формирования позитивного образа мексиканской реальности;
- политического противостояния зависимости, диктатуре, авторитарности;
- воздействия на коллективное сознание;
- демонстрации гуманистических ценностей;
- продвижения сконструированной исторической модели независимости Мексики, интерпретация культурного содержания в соответствии с собственной системой ценностей, а также усилия по повышению привлекательности государственной политики по различным направлениям (информационному, культурному, экономическому, политическому, образовательному).

Мы также отмечаем, что идентичность мексиканцев не формируется в рамках только своей страны. Подавляющее большинство событий и направлений развития страны, связанных с угнетением мексиканцев, политическими, культурными факторами, обусловлено влиянием глобального мира, соседей (прежде всего, США), что естественным образом и повлияло как на восприятие миром идентичности мексиканцев, так и на восприятие мексиканцами самих себя. Соответственно, становится неизбежным столкновение разных национальных культур.

3.3 Глобализирующийся мир и «столкновение идентичностей»

Влияние глобальной политики на развитие культуры обусловлено этническими, территориальными, цивилизационными, религиозными и политическими границами. Тем не менее, с одной стороны, ряд народов с идентичными или схожими культурами объединяется ввиду наличия общих идеологий, установок и представлений, с другой – народы и страны с разными культурами конфликтуют. Проявление «столкновений идентичностей» обусловлено логичными причинами.

Во-первых, человек обладает несколькими идентичностями, в частности, территориальными, профессиональными, культурными, религиозными, при этом возможным становится совмещение нескольких идентичностей в рамках одного индивида. Ярким примером являются мексиканцы, живущие в Америке, вынужденные адаптироваться к местным правилам, законам и испытывающие психологическое и правовое давление со стороны местных жителей.

Во-вторых, рост приоритета индивидуальных ценностей, что зачастую приводит к нарушениям устоев, ценностей вследствие влияния других сообществ или изменения социально-экономической ситуации на уровне этноса, в частности, возрождения местной культуры и самобытности.

В-третьих, как уже отмечалось в Главе 1, национальная идентичность во многом определяется оппозицией «свой» – «чужой», что связано с а) чувством превосходства или отчуждения; б) боязнью / отсутствием доверия; в) недостатком общения и социальных взаимодействий с представителями другого народа. Результатом становится повсеместное возникновение конфликтов и этническая вражда.

В-четвертых, этнические разногласия возникают, как и раньше, из-за стремления одного народа к контролю над другим, его территорией, ресурсами, при этом ценности, идеология, культура, социально-политические институты становятся инструментом в этой борьбе. Стоит отметить,

что добрососедские связи, не подкрепленные культурными ценностями, не обеспечивают формирование общности, однако сотрудничество опирается на общие ценности, культуру.

В-пятых, стремление глобального мира к мультикультурализму (С. Бенхабиб³⁷⁶, И.Т. Касавин³⁷⁷, Л.В. Русских³⁷⁸, М.В. Тлостанова³⁷⁹, U. Beck³⁸⁰, J.W. Berry, M. Pleasants, R.W. Brislin³⁸¹, D. De Vallescar³⁸², R. Hughes³⁸³, N. Hutnik³⁸⁴, W. Kymlicka³⁸⁵, T. Modood³⁸⁶, M. Murphy³⁸⁷, D.R. Oleza, H.C. Torres³⁸⁸, F.O. Radtke³⁸⁹, S. Sharma³⁹⁰).

Этническая идентичность в современном мире видоизменяется под воздействием миграционных потоков: наблюдается рост напряженности контактов между представителями разных культур, разных поколений одной культуры. Проблемы миграции и кросс-культурные взаимоотношения деформируют формы и качество общения между представителями разных культур. Мультикультурный подход предполагает культурное многообразие, при этом этнические группы меньшинств довольно объемны, поэтому можно наблюдать видоизменение взаимоотношений между ними – так называемая двусторонняя интеграция получила название мультикультуральности, имеющая несколько форм.

³⁷⁶ Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М.: Логос, 2003. С. 350.

³⁷⁷ Касавин И.Т. «Человек мигрирующий»: онтология пути и местности // Вопросы философии. 1997. № 2. С. 84-86.

³⁷⁸ Русских Л.В. Основные направления политики мультикультурализма в России // Вестник Южно-Уральского ГУ. Сер. Соц.-гуман. науки. 2014. № 2. С. 85-89. Siberia_Lingua. 2017. №. 1.

³⁷⁹ Тлостанова М.В. Мультикультурализм и литература США конца XX века: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.05. М., 2000. С. 353.

³⁸⁰ Beck U. What is Globalization? Cambridge: Polity Press, 2000. P. 192.

³⁸¹ Brislin R.W. Cross-cultural encounters. New York, 1981. P. 372.

³⁸² De Vallescar D. Cultura, Multiculturalismo e Interculturalidad. Hacia una racionalidad intercultural. Madrid: Perpetuo Socorro, 2000.

³⁸³ Hughes R. Culture of Complaint. N. Y.: Oxford Univ. Press, 1993.

³⁸⁴ Hutnik N. Ethnic minority identity: A Social Psychologic at perspective. Oxford: Clarendon Press and New Delhi OUP, 1991.

³⁸⁵ Kymlicka W. Multicultural Odysseys. Navigating the New International Politics of Diversity. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 374.

³⁸⁶ Modood T. Multiculturalism. Cambridge: Polity, 2007.

³⁸⁷ Murphy M. Multiculturalism: A Critical Introduction. New York: Routledge Contemporary Political Philosophy, 2012. P. 208.

³⁸⁸ Quilaqueo D.R., Torres H.C. Multiculturalidad e interculturalidad: desafios epistemológicos de la escolarización desarrollada en contextos indígenas // ALPHA. 2013. 37. P. 285-300.

³⁸⁹ Radtke F.O. Multikulturalismus // Flüchtlpunkt Europa. Hrsg. von Martina Fischer. Fr., 1998. P. 138-157.

³⁹⁰ Sharma S. Multicultural encounters. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 2006.

Одной из форм мультикультуральности является ассимиляция – процесс поглощения меньшинств со стороны доминирующей культурной и этнической общности. Использование в глобальной политике такой формы мультикультурализма приводит к фрагментации общества на множество этнических сообществ, что характеризуется следующими процессами:

- негативные события отличаются высокой интенсивностью и наличием насилия;
- национальная однородность является результатом государственной политики, стандартизации³⁹¹.

Такая форма мультикультурализма была характерна для середины XX века. Однако далее наблюдалось постепенное возрождение идей поиска и утверждения национальной идентичности, борьбы против неравенства, дискриминации этнических сообществ, признания необходимости социальной защищенности этносов³⁹². Таким образом, сформировалась идея интеграции – вторая форма мультикультурализма, рассматривающая культурные, религиозные, этнические вопросы в рамках отдельного индивида и народа. Тем не менее, в случае интеграции также возникают столкновения на почве национальных проблем, принятия / непринятия культуры другого народа, формирования диаспор на базе культурной идентичности. В такой ситуации формируется двойственная (гибридная) идентичность: человек сохраняет культурную идентичность своего народа и одновременно вынужден адаптироваться к визуальной или поведенческой общности с другой национальной группой. Он оказывается одновременно в рамках своего культурного пространства и в кросс-культурных отношениях с другими народами. С другой стороны, возможен и самостоятельный выбор: индивид может относить себя к той или иной нации, независимо от этнических различий³⁹³.

³⁹¹ Русских Л.В. Основные направления политики мультикультурализма в России // Вестник Южно-Уральского ГУ. Сер. Соц.- гуман. науки. 2014. № 2. С. 85-89. Siberia_Lingua. 2017. №. 1.

³⁹² Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М.: Логос, 2003. С. 350.

³⁹³ Касавин И.Т. «Человек мигрирующий»: онтология пути и местности // Вопросы философии. 1997. № 2. С. 84-86.

Следующие две формы характерны для этнически разнородных стран, таких как США, Мексика, где представлены разные культуры, и каждая из которых имеет собственные идеи, представления, ценности и стереотипы³⁹⁴. Например, для США мексиканский вопрос в политике стоит на первом месте. Мы провели анализ новостных лент The New York Times и CNN за февраль 2026 года. В качестве примеров мы приводим 4 наиболее освещаемые темы, связанные с Мексикой, в американских новостях:

1) Mexican Immigrants in the United States, связанная с политикой Дональда Трампа и проблемами миграции, в The New York Times за февраль 2026 года представлено 193 новостные статьи с упоминанием отношений между двумя странами, 516 статей касаются проблемных вопросов политики, социальной сферы, что влияет на иммиграцию, у CNN 127 новостей по данной тематике.

2) Mexican America, указывающая на проблему перенаселения мексиканцами, насаждением их культуры, социальной жизни, появлением мексиканских кварталов, в которых мексиканцы соблюдают прежде всего свои традиции и законы, а не принимающей страны (США). В The New York Times за февраль 2026 года вышло 366 статей на эту тему, из которых в 116 упоминалось влияние различных стран на проблему; CNN опубликовала 87 новостей по данной тематике.

3) Тема «Mexican cartels» и связанная с ними преступность, а также нелегальная миграция активно освещались в СМИ. В том же источнике за тот же период зафиксировано 623 результата по данному словосочетанию, причем в 349 статьях описывается ситуация с картелями в самой Мексике, а в 93 – методы борьбы с ними в США. У CNN насчитывается 136 новостей по этой тематике.

4) U.S.-Mexico Relations – исторические корни развития отношений, а также исторически и географически обусловленные проблемы. В аналогичном издании общее количество упоминаний за месяц составило 612 статей, из которых

³⁹⁴ Глостанова М.В. Мультикультурализм и литература США конца XX века: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.05. М., 2000. С. 353.

в 464 анализируются преимущественно экономические отношения Мексики с другими странами и влияние на них США, а в 172 — непосредственные торговые отношения с США и Дональдом Трампом. У CNN насчитывается 174 новости по данной тематике.

Следует отметить, что одни страны активно обсуждают проблемы миграции и вымирания коренного населения, тогда как другие (например, страны Восточной Европы и некоторые государства ЕС) склонны замалчивать подобные вопросы. В частности, это касается темы «этнической преступности», манипулирования общественным мнением с целью дистанцирования от определенных национальных групп, а также стремления сохранить исторически обусловленное превосходство, поддерживаемое на государственном уровне.

Итак, мультикультурализм выдвигает на первый план равенство между этническими группами на основе построения гармоничных отношений, взаимных духовно-нравственных ценностей и свободы³⁹⁵. Отказ от мультикультурализма в современных условиях может привести к расколу общества, усилению миграционных потоков, ущемлению прав, резкой смене и увеличению частоты принятия / непринятия, терпимости / страха и другим процессам «неполной» интеграции в глобальное культурное пространство.

Результаты проведенного исследования позволяют увидеть проявление феномена «столкновения идентичностей» в мексиканском национальном варианте испанского языка через взаимодействие разных культурных, исторических и языковых слоев, что создает уникальную лингвокультурную картину. Это столкновение отражается в переплетении индейских и испанских элементов идентичности — в лексике, этнографических реалиях и дискурсивных практиках.

Прежде всего, мы выделили основные аспекты феномена «столкновения идентичностей»:

1. Индейский компонент и испанская колониальная культура. Мексиканский национальный вариант испанского языка богат заимствованиями (индихенизмы)

³⁹⁵ Castles St. A new agenda in multiculturalism? // Centre for Multicultural Studies, University of Wollongong. 1987. Occasional Paper 12, 18. P. 1-20.

из языков американских индейцев (коренных народов), что отражает важность индейского наследия в языковом облике мира мексиканцев. Например, такие слова, как *popote* (соломинка для питья), *tepalcate* (посуда), *tomate* (зеленый помидор), *tamal* (пирог из кукурузной муки) и *mezcal* (водка из агавы), относятся к предметам домашнего обихода, растениям, еде и другим артефактам, связанным с индейской культурой. Эти слова сосуществуют с общей испанской лексикой, создают культурное слияние.

2. Историческое наследие и современная национальная идентичность. Прецедентные феномены, связанные с индейскими цивилизациями (например, Теотиуакан – древний город, входящий в список Всемирного наследия ЮНЕСКО) или историческими личностями (ацтекские императоры Тизок, Монтесума, Несауалькойотль), стали частью национальной идентичности. В то же время язык отражает ценности национально-освободительного движения, что добавляет новый слой к осмыслению идентичности.

3. Региональные и социальные различия. В Мексике существуют различия между городским и сельским населением, а также между различными социальными группами. Это влияет на языковую практику: например, в речи может проявляться *мачизм* (жестокость, грубость), отражающий определенные аспекты мужской идентичности в мексиканской культуре.

4. Влияние глобализации и миграции. В условиях глобализации и миграции мексиканский национальный вариант испанского языка взаимодействует с другими языками и лингвокультурами. Например, в речи *чикано* (американцев мексиканского происхождения) наблюдается смесь английской и мексиканской лингвокультур, включение иностранных компонентов и изменение кода.

Таким образом, одним из направлений глобализирующегося мира является «столкновение идентичностей», обусловленное идеями мультикультурализма – комплекса установок и действий социальных институтов, направленных на признание равноправия культур, преодоление дискриминации групп населения во всех сферах общественной жизни и включение этносов в культурное пространство страны. Феномен «столкновения идентичностей» в мексиканском

национальном варианте испанского языка проявляется в динамичном взаимодействии индейского наследия, испанской колониальной культуры, современных социальных процессов и глобализации. Это отражается в лексике и прецедентных феноменах. Язык становится сферой, где различные идентичности не только сталкиваются, но и «сливаются», создавая идентичность мексиканцев и культурную самобытность.

3.4 Выводы по третьей главе

На основе проведенного исследования мы делаем следующие выводы.

Процесс формирования и функционирования языкового пространства маркируется через определенные знаки / символы (маркеры), которые выражают определенные предметы / явления данной культуры и репрезентируют в языке символы, заложенные в коллективной памяти, во взаимосвязях с прошлым, с традициями, накопленным опытом многих поколений. Реалии маркируют мексиканцев как этнос на уровне традиций, мифологии и фольклора, создавая культурное пространство в рамках конкретного прагматического поля:

- а) темпорального (исторические деятели — политики, завоеватели и противостоявшие им лидеры, а также исторические события);
- б) географического (локального) — указание географических объектов, отражающих территориальное, региональное и местное разнообразие ландшафта; о чем в мексиканском культурном пространстве свидетельствуют топонимы, создающие эффект достоверного представления о событиях, объектах и периодах, а также топонимы, указывающие на взаимосвязь с другими цивилизациями, повлиявшими на развитие, историю и культуру мексиканцев; в) национально-культурного (описание исторически обусловленных событий, связанных с культурными ценностями, традициями, мифологией и религией).

Продвижение стратегии «мягкой силы» в культурном пространстве Мексики осуществляется через создание медиаобразов и трансляцию следующих смыслов:

- 1) обеспечение устойчивого общественного отклика;
- 2) формирование позитивного

образа мексиканской реальности; 3) политическое противостояние диктатуре и авторитаризму; 4) символическое воздействие на коллективное сознание; 5) демонстрацию гуманистических ценностей; 6) продвижение исторической модели независимой Мексики; 7) интерпретацию культурного содержания сквозь призму собственной ценностной системы; 8) повышение привлекательности государственной политики в информационной, культурной, экономической, политической и образовательной сферах.

Влияние глобальной политики на развитие культуры обусловлено этническими, территориальными, цивилизационными, религиозными и политическими границами. Одной из тенденций глобализирующегося мира является «столкновение идентичностей», вызванное наличием у индивида множества идентичностей и дихотомией «свой» – «чужой». Это связано с: а) чувством превосходства или отчуждения; б) боязнью / отсутствием доверия; в) недостатком общения и социальных взаимодействий с другими народами. На основе мультикультурализма – комплекса идей и действий социальных институтов, направленных на признание равноправия культур, преодоление дискриминации всех групп населения и включение этносов в культурное пространство страны – происходит трансформация межэтнических отношений. Эта трансформация предполагает двустороннюю интеграцию (мультикультуральность), которая на практике реализуется в формах ассимиляции, интеграции и гибридной идентичности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полученные в ходе исследования данные позволяют сделать следующие выводы.

Идентичность мы рассматриваем как комплексный конструкт, затрагивающий Я-составляющую, личностную и социальную, что позволяет индивиду отождествлять себя с той или иной социальной группой, проводить различия между собой и другой группой на основе жизненных ценностей и идеалов.

Формирование национальной идентичности индивида предполагает наличие двух взаимосвязанных процессов: с одной стороны, создание государством и национальной культурой соответствующих форм и механизмов, обеспечивающих «вовлечение» личности в общенациональную жизнь, а с другой – индивидуальные и групповые потребности индивидов, осознающих и отождествляемых себя с определенным национальным сообществом, национальной культурой и национальным государством.

Национальную идентичность мы понимаем как комплексный конструкт, проявляющийся на личностном, идеологическом, ценностном, социальном уровнях и характеризующийся наличием определенных образов и смыслов, взаимодействующих между собой в рамках территориального пространства, культурно-исторической и языковой среды.

Национальная идентичность мексиканцев характеризуется следующими чертами:

– ориентация на независимость и исторический контекст. Идентичность формировалась в процессе борьбы за свободу на фоне колонизации и деколонизации;

– наличие множества самобытных народов и этносов, носителей уникальных культурных паттернов, отличающихся антропологическим, психологическим

и культурным разнообразием (различные антропологические признаки, психологические установки, обычаи, традиции, жизненные ориентиры). Кроме того, для мексиканцев характерно стремление к самовыражению и активное участие в общественной жизни, в том числе в качестве национального меньшинства на территории США.

К системообразующим лингвистическим маркерам репрезентации национальной идентичности мы относим:

1) номинации, маркирующие групповую и национальную принадлежность: этнонимы и катойконимы, социально-политические номинации, имена исторических личностей, которые в анализируемых текстах актуализируют ценностные установки мексиканцев и фиксируют оппозицию «свой» – «чужой»;

2) репрезентацию категорий прошлого, настоящего и будущего в историческом нарративе;

3) репрезентацию соотношения и характеристики категорий «мы» – «они» («свой» – «чужой»);

4) образы культуры и территории;

5) особенности репрезентации политической системы, социального устройства государства, социально-политических проблем и перспектив.

Рассмотрены прецедентные феномены как языковые единицы, реализуемые в рамках того или иного дискурса на уровне коллективного сознания национально-культурной общности, определены и отражены не только национально-культурные ценности, но и все формы поведения конкретного лингвокультурного сообщества. Материалом исследования послужили тексты, цитаты, имена, широко известные представителям лингвокультур и встречающиеся в художественной литературе, в речи носителей языка.

Основными критериями выделения прецедентных феноменов в тематические группы являлись: влияние на национально-культурную идентичность лингвокультурного сообщества, воспроизводимость в разных типах дискурса, символичность, возможность соотнесения по оппозиции «свой» – «чужой», влияние на историю народа, а также апелляция к коллективному сознанию.

На основе этих критериев были выделены: прецедентные имена (исторические личности, авторы художественных произведений, персонажи, места и события) и прецедентные высказывания (отсылки к знаменитым цитатам и лозунгам).

Изучение проблемы культурного пространства позволило выделить этапы его развития. Процесс формирования и функционирования культурного пространства маркируется через определенные знаки / символы (маркеры), которые выражают определенные предметы / явления данной культуры и репрезентируют в языке символы, заложенные в коллективной памяти, во взаимосвязях с прошлым, с традициями, накопленным опытом многих поколений. Реалии маркируют мексиканцев как этнос на уровне традиций, мифологии, фольклора, создавая культурное пространство в рамках конкретного прагматического поля (темпорального, географического (локального), национально-культурного).

Продвижение стратегии «мягкой силы» в культурном пространстве Мексики осуществляется через создание медиаобразов и трансляцию следующих смыслов: обеспечение устойчивого общественного отклика, формирование позитивного образа мексиканской реальности, политическое противостояние диктатуре и авторитаризму, символическое воздействие на коллективное сознание, демонстрация гуманистических ценностей, продвижение сконструированной исторической модели независимой Мексики, интерпретация культурного содержания в соответствии с собственной системой ценностей, а также повышение привлекательности государственной политики по направлениям: информационному, культурному, экономическому, политическому и образовательному. Для США мексиканский вопрос в политике стоит на первом месте. Анализ новостных лент The New York Times и CNN за февраль 2026 года позволил выявить 4 наиболее освещаемые темы, связанные с Мексикой, в американских новостях:

- 1) Mexican Immigrants in the United States, связанная с политикой Дональда Трампа и проблемами миграции;

2) Mexican America, указывающая на проблему перенаселения мексиканцами, насаждением их культуры, социальной жизни, появлением мексиканских кварталов, в которых мексиканцы соблюдают прежде всего свои традиции и законы, а не принимающей страны (США);

3) Mexican cartels и связанная с ними преступность, нелегальная миграция;

4) U.S.-Mexico Relations – исторические корни развития отношений, исторические и географически обусловленные проблемы.

Мы отметили, что одной из тенденций глобализирующегося мира является «столкновение идентичностей» ввиду наличия у индивида нескольких идентичностей, увеличения значимости индивидуализации, взаимоотношений «свой» – «чужой», что связано с а) чувством превосходства или отчуждения; б) боязнью / отсутствием доверия; в) недостатком общения и социальных взаимодействий с представителями другого народа. На основе мультикультурализма как комплекса идей и действий различных социальных институтов, направленных на признание равноправия различных культур, преодоление дискриминации разных групп населения во всех сферах общественной жизни, включения этносов в культурное пространство страны, происходит видоизменение взаимоотношений между ними, что предполагает двустороннюю интеграцию или мультикультуральность, которая на практике реализуется разными формами (ассимиляция, интеграция, гибридная форма).

Таким образом, одним из направлений глобализирующегося мира является «столкновение идентичностей», обусловленное идеями мультикультурализма – комплекса установок и действий социальных институтов, направленных на признание равноправия культур, преодоление дискриминации групп населения во всех сферах общественной жизни и включение этносов в культурное пространство страны. Феномен «столкновение идентичностей» в мексиканском национальном варианте испанского языка проявляется в динамичном взаимодействии индейского наследия, испанской колониальной культуры, современных социальных процессов и глобализации. Это отражается в лексике, прецедентных феноменах и речевой практике. Язык становится сферой,

где различные идентичности не только сталкиваются, но и «сливаются», создавая мексиканскую идентичность и культурную самобытность.

БИБЛИОГРАФИЯ**Нормативно-правовые документы**

1. Los tratados de Córdoba y la consumación de la Independencia. Bicentenario de su conmemoración, 1821–2021 [Электронный ресурс] // INEHRM, Gobierno del Estado de Veracruz. – Режим доступа: https://www.academia.edu/69193997/Los_tratados_de_Córdoba_y_la_consumación_de_la_Independencia_Bicentenario_de_su_conmemoración_1821_2021 (дата обращения: 28.03.2026).
2. El español en el mundo. Anuario del Instituto Cervantes, 2025 [Электронный ресурс] // Cervantes. – Режим доступа: https://cvc.cervantes.es/lengua/anuario/anuario_25/ (дата обращения: 21.01.2026).
3. Gobierno del Estado de Sinaloa. Conmemoran el 152º Aniversario Luctuoso de Benito Juárez. 18.07.2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sinaloa.gob.mx/conmemoran-el-152o-aniversario-luctuoso-de-benito-juarez/> (дата обращения: 02.05.2026).
4. Secretaría de Agricultura y Desarrollo Rural. Zapata, símbolo del agrarismo social. 20.11.2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gob.mx/agricultura/articulos/zapata-simbolo-del-agrarismo-social> (дата обращения: 01.05.2026).
5. Presidencia de la República. Versión estenográfica. 87 Aniversario de la Expropiación Petrolera. 18.03.2025. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gob.mx/presidencia/articulos/version-estenografica-87-aniversario-de-la-expropiacion-petrolera> (дата обращения: 03.05.2026).

Научная литература

6. Авдеев, К. Е. Становление латиноамериканской цивилизации: социально-философский анализ : автореферат дис. ...кандидата философских наук : 09.00.11 / Авдеев Кирилл Евгеньевич; [Место защиты: Рос. гос. торгово-эконом. ун-т.] – Москва, 2010. – 25 с.
7. Альперович, М. С. Рождение мексиканского государства / М. С. Альперович. – Москва : Наука, 1979. – 167 с.
8. Аникина, Э. М. Функционирование прецедентных феноменов / Э. М. Аникина. – Новосибирск, 2006. – С. 175-179.
9. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон ; пер. с англ. В. Николаева ; вступ. ст. С. Баньковской. – Москва : Канон-Пресс-Ц : Кучково поле, 2001. – 288 с.
10. Анкерсмит, Ф. Р. Возвышенный исторический опыт / Ф. Р. Анкерсмит. – Москва : Европа, 2007. – 320 с.
11. Антонова, Н. В. Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии / Н. В. Антонова // Вопросы психологии. – 1996. – № 1. – С. 131-143.
12. Аполлонов, И. А. Проблема личностной идентичности в контексте этнокультурной традиции / И. А. Аполлонов // В мире научных открытий. – 2011. – № 11. – С. 705-714.
13. Астафьева, О. Н. Коллективная идентичность в условиях глобальных изменений: динамика устойчивого и укоренение становящегося / О. Н. Астафьева // Вопросы социальной теории: научный альманах. Т. 5: Человек в изменяющемся мире: проблемы идентичности / Под ред. Ю. М. Резника, М. В. Тлостановой. – Москва : Изд-во независимого ин-та гражданского общества, 2011. – С. 223-241.
14. Ачкасов, В. А. Этническая и национальная идентичности в современном мире / В. А. Ачкасов // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 6. – 2012. – № 1. – С. 85-91.

15. Бадмаев, В. Н. Феномен национальной идентичности (социально-философский анализ) / В. Н. Бадмаев. – Волгоград : Элиста, 2005.
16. Батлер, Д. Гендерное беспокойство / Д. Батлер // Антология гендерной теории. – Минск : ПроPILEI, 2000.
17. Бауман, З. От паломника к туристу / З. Бауман // Социологический журнал. – 1995. – № 4. – С. 133-154.
18. Бенхабиб, С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / С. Бенхабиб. – Москва : Логос, 2003. – 350 с.
19. Беньямин, В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости: Избранные эссе / В. Беньямин ; под ред. Ю. А. Здороваго. – Москва : Медиум, 1996. – 240 с.
20. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – Москва, 1995.
21. Бердяев, Н. А. О человеке, его свободе и духовности: Избранные труды / Н. А. Бердяев. – Москва : Московский психолого-социальный институт : Флинта, 1999. – С. 45-86.
22. Бержье, Ж. Тайные хозяева времени / Ж. Бержье ; пер. с фр. Е. Агафонниковой. – Москва : КРОН-ПРЕСС, 2000. – 125 с.
23. Блок, Д. Идентичность второго языка / Д. Блок. – Лондон ; Нью-Йорк : Континуум, 2007.
24. Брайдотти, Р. Различие полов как политический проект номадизма / Р. Брайдотти // Женщина не существует: современные исследования полового различия / Под ред. Аристарховой. – Сыктывкар, 1999.
25. Бусыгина, Н. П. «Дискурсивный поворот» в психологических исследованиях сознания / Н. П. Бусыгина // Консультативная психология и психотерапия. – 2010. – № 1. – С. 5-82.
26. Брандт, З. В. К истории слова «идентичность» / З. В. Брандт. – Москва, 2000. – С. 8-10.

27. Бриченкова, Е. С. Прецедентное высказывание как объект лингвокультурологического комментария на уроках РКИ / Е. С. Бриченкова // Русский язык за рубежом. – 2007. – № 3. – С. 72-75.
28. Ван Дейк, Т. А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т. А. ван Дейк ; пер. с англ. – Москва, 2013. – С. 51-52.
29. Ван Дейк, Т. А. Язык. Познание. Коммуникация: сб. работ / Т. А. ван Дейк. – Москва : Прогресс, 1989. – 46 с.
30. Вацковская, И. С. Прецедентное имя в политическом дискурсе / И. С. Вацковская // *Studia Linguistica XVII: Язык и текст в проблемном поле гуманитарных наук.* – Санкт-Петербург : Политехникасервис, 2008. – С. 338-342.
31. Влахов, С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – Москва : Международные отношения, 1986.
32. Волкова, Я. А. Деструктивный текст как объект лингвокогнитивных исследований / Я. А. Волкова // Современная лингвистика: от теории к практике: Труды и материалы III Казанского международного лингвистического саммита, Казань, 14–19 ноября 2022 года. Т. 1 / Под общ. ред. И. Э. Ярмакеева, Ф. Х. Тарасовой. – Казань : Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2023. – С. 193-197.
33. Воробьев, В. В. Коммуникативная лингвокультурология: истоки, проблемы, перспективы / В. В. Воробьев // Русистика. – 2025. – Т. 23, № 1. – С. 7-21.
34. Воротникова, Т. А. Актуальные проблемы этнокультурной идентичности в странах Латинской Америки / Т. А. Воротникова // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность: Сборник статей, посвященный памяти С. И. Семенова. – Воронеж, 2006. – С. 34-38.
35. Гаджиев, К. С. О кризисе национальной идентичности / К. С. Гаджиев // Мир и политика. – 2013. – № 1. – С. 3–16.
36. Гаучи, О. В. Роль метафоры в дискурсе обучаемого: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / О. В. Гаучи; Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. – Москва, 2007. – 203 с.

37. Геллнер, Э. Нации и национализм / Э. Геллнер ; пер. с англ. Т. В. Бредниковой, М. К. Тюнькиной ; ред. и послесл. И. И. Крупника. – Москва : Прогресс, 1991. – 322 с.

38. Гришаева, Л. И. Прецедентные феномены как культурные скрепы (к типологии прецедентных феноменов) / Л. И. Гришаева // Феномен прецедентности и преемственности культур. – 2004. – С. 15-46.

39. Гришаева, Л. И. Специфика деятельности коммуникантов в межкультурной среде / Л. И. Гришаева, И. А. Стернин, М. А. Стернина. – Воронеж : Научная книга, 2009.

40. Гудков, Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков. – Москва : ИТДГК «Гнозис», 2003.

41. Гудков, Д. Б. Прецедентные феномены в языковом сознании и межкультурной коммуникации: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Д. Б. Гудков. – Москва, 1999. – 400 с.

42. Демьянков, В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В. З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 27.

43. Демьянков, В. З. Конструкционные параметры дискурса / В. З. Демьянков // Когнитивные исследования языка. – 2025. – № 1-1(62). – С. 57-64.

44. Демьянков, В. З. О понятии идентичности в научном дискурсе / В. З. Демьянков // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2025. – № 4. – С. 5-16.

45. Долевец, С. Об иерархии прецедентных феноменов в сознании языковой личности / С. Долевец // Политическая лингвистика. – 2005. – № 16. – С. 148.

46. Дорфман, Л. Я. Я-концепция: дифференциация и интеграция / Л. Я. Дорфман // Интегральная индивидуальность, Я-концепция, личность / Под ред. Л. Я. Дорфмана. – Москва : Смысл, 2004. – С. 96-123.

47. Дробижева, Л. М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости / Л. М. Дробижева // Россия

реформирующая: Ежегодник. Вып. 8 / Институт социологии РАН. – Москва, 2008. – С. 214-228.

48. Дробижева, Л. М. Социальная и культурная дистанция. Опыт многонациональной России / Л. М. Дробижева. – Москва, 1998. – С. 29-35.

49. Дробовцева, М. В. Взаимосвязь гражданской и этнической идентичности россиян: факторы социокультурного контекста / М. В. Дробовцева, М. В. Котова // Психологические исследования. – 2016. – № 47. – С. 28-32.

50. Заковоротная, М. В. Идентичность человека. Социально-философские аспекты / М. В. Заковоротная. – Ростов-на-Дону : Изд-во Северо-Кавказского научного центра высшей школы, 1999. – 161 с.

51. Замятин, Д. Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов / Д. Н. Замятин. – Москва : Знак, 2006. – 488 с.

52. Захаренко, И. К вопросу о каноне и эталоне в сфере прецедентных феноменов / И. Захаренко // Язык, сознание, коммуникации: сб. ст. – Москва, 1997. – С. 104-113.

53. Захарова, О. В. Социальная идентификация и социальная идентичность в изменяющемся обществе: учебно-методическое пособие / О. В. Захарова. – Иркутск : Изд-во Иркутского гос. ун-та, 2010. – С. 35-39.

54. Здравомыслов, А. Г. Кто мы, «националы» или граждане? Соотношение гражданского и этнического самосознания россиян: итоги опроса Российского независимого института социальных и национальных проблем / А. Г. Здравомыслов // Мониторинг общественного мнения. – 1998. – № 5. – С. 118-127.

55. Зененко, Н. В. Испанские паремии: проявление национального характера и сохранение национальной идентичности / Н. В. Зененко // Казанская наука. – 2022. – № 1. – С. 122-125.

56. Зененко, Н. В. Категориальная вариативность и частеречная классификация в языке / Н. В. Зененко // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2022. – № 3-2. – С. 34-41.

57. Карасик, В. И. Социально-языковая идентичность: динамика, виртуализация, моделирование / В. И. Карасик // Русский язык за рубежом. – 2020. – № 1 (278). – С. 31-37.
58. Караулов, Ю. Н. Ассоциативная грамматика русского языка / Ю. Н. Караулов. – Москва : Издательство ЛКИ, 2010. – 328 с.
59. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Москва : Наука, 1987. – 216 с.
60. Караулов, Ю. Н. Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования: монография / Ю. Н. Караулов, Ю. Н. Филиппович ; Московский государственный лингвистический ун-т, Ведущая научная школа «Русская языковая личность». – Москва : Азбуковник, 2009. – 334 с.
61. Касавин, И. Т. «Человек мигрирующий»: онтология пути и местности / И. Т. Касавин // Вопросы философии. – 1997. – № 2. – С. 84-86.
62. Кастельс, М. Могущество самобытности / М. Кастельс // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / Под ред. В. Л. Иноземцева. – Москва : Academia, 1999.
63. Ковшова, М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок. Антропонимический код культур / М. Л. Ковшова. – 2-е изд., испр. – Москва : ЛЕНАНД, 2024. – 400 с.
64. Кон, И. С. Социологическая психология / И. С. Кон. – Москва : Московский психолого-социальный институт ; Воронеж : МОДЭК, 1999. – 560 с.
65. Копусь, Т. Л. О роли дискурса сомнения при построении идентичности / Т. Л. Копусь // Вестник ИГЛУ. – 2010. – № 2. – С. 113-122.
66. Костина, А. В. Цивилизационная идентичность в современном мире. Философия – Культура – Политика: сборник статей / А. В. Костина. – Москва : Русайнс, 2021.
67. Кравченко, С. А. Социология: Парадигмы через призму социологического воображения: учеб. пособие для вузов / С. А. Кравченко. – Москва, 2002. – С. 24-132.

68. Красных, В. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации / В. В. Красных, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, Д. В. Багаева // Вестник МГУ. Серия 9: Филология. – 1997. – № 3. – С. 62-75.
69. Красных, В. В. Лингвокультурная идентичность *Homo Loquens* / В. В. Красных // Мир русского слова. – 2007. – № 4. – С. 11-15.
70. Красных, В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций / В. В. Красных. – Москва : ИТДГК «Гнозис», 2002.
71. Лакан, Ж. Стадия зеркала как образующая функцию «Я», какой она раскрывается в психоаналитическом опыте (1946) / Ж. Лакан ; пер. с фр. В. Лапицкого // Кабинет: картины мира. – Санкт-Петербург : Инапресс, 1998. – С. 136-142.
72. Ларионова, М. В. Ибероамериканский цивилизационный дискурс: культурные доминанты идентичности / М. В. Ларионова // Ибероамериканские тетради. – 2023. – Т. 11, № 2. – С. 182-188.
73. Латышева, В. Л. Признаки и функции прецедентных феноменов / В. Л. Латышева // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2011. – С. 296-300.
74. Лебедева, Н. М. Этническая и кросс-культурная психология / Н. М. Лебедева. – Москва : МАКС Пресс, 2011.
75. Лебедева, М. М. Ресурсы влияния в мировой политике / М. М. Лебедева // Полис. – 2014. – № 1. – С. 99-108.
76. Левина, Э. А. Языковые реалии в прагма- и социоллингвистическом аспекте: на материале русских и немецких романов первой половины XX века и их переводов: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.21 / Э. А. Левина ; Ростовский гос. пед. ун-т. – Ростов-на-Дону, 2006. – 159 с.
77. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. – Москва : Искусство, 1970. – 384 с.
78. Макарова, Г. И. Этнокультурные идентичности: некоторые теоретические подходы к изучению проблемы / Г. И. Макарова // Вестник

Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2005. – № 1. – С. 55-61.

79. Максименко, О. И. Лингвистические проблемы применения автоматизированной дистрибутивно-статистической методики для анализа научно-технической терминологии по системам связи и управления: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.21 / О. И. Максименко ; МГУ им. М. В. Ломоносова. – Москва, 1989. – 21 с.

80. Малинова, О. Ю. Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: от 1990-х к 2010-м годам / О. Ю. Малинова // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 6. – С. 139-158.

81. Малинова, О. Ю. Россия и Запад в XX веке: Трансформация дискурса о коллективной идентичности / О. Ю. Малинова. – Москва, 2009. – С. 8-12.

82. Малинова, О. Ю. Символическая политика: осмысление предметного поля / О. Ю. Малинова // Российская политическая наука: Идеи, концепции, методы / под ред. Л. В. Сморгунова. – Москва, 2015. – С. 182-195.

83. Мальковой, В. К. Культура и пространство: историко-культурные бренды и образы территорий, регионов и мест / Под ред. В. К. Мальковой, акад. В. А. Тишкова. – Ростов-на-Дону : ЮНЦ РАН, 2012. – 312 с.

84. Мамардашвили, М. Символ и сознание. Метафизические размышления о сознании, символикe и языке / М. Мамардашвили, А. Пятигорский. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 224 с.

85. Манина, С. И. Прагматические функции иноязычных вкраплений / С. И. Манина // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2010. – № 1. – С. 95-98.

86. Маслоу, А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – Санкт-Петербург, 1999. – 21 с.

87. Мельникова, О. Т. Дискурсивный подход к исследованию идентичности / О. Т. Мельникова, Е. С. Кутковая // Вестник МГУ. Серия 14: Психология. – 2014. – № 1. – С. 59-72.

88. Микляева, А. В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования: монография / А. В. Микляева, П. В. Румянцева. – Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008.

89. Миллер, А. И. Нация как рамка политической жизни / А. И. Миллер // Pro et Contra. – 2007. – Т. 11, № 3 (37). – С. 6-20.

90. Моисеенко, Л.В. Прецедентность в лингвокогнитивном ракурсе (на примере медиатекста) : монография / Л. В. Моисеенко ; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный лингвистический университет». – Воронеж : Научная книга, 2021. – 319 с.

91. Моисеенко, Л. В. Прецедентные феномены современных русских и испанских массмедиа как когнитивные структуры языковой личности / Л. В. Моисеенко // Mundo Eslovo. – 2020. – № 19. – С. 7-24.

92. Молодыченко, Е. Н. Социальная репрезентация через язык: теория и практика социолингвистики и дискурсивного анализа / Е. Н. Молодыченко, В. Е. Чернявская // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2022. – Т. 19, № 1. – С. 103-124.

93. Нахимова, Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации / Е. А. Нахимова ; ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», Ин-т социального образования. – Екатеринбург, 2007. – 207 с.

94. Никифорова, С. А. О культурах испаноязычных народов в аспекте высокого и низкого контекста / С. А. Никифорова // Когнитивные исследования языка. – 2024. – № 1-1(57). – С. 177-180.

95. Никифорова, С. А. Семиотика религиозных аллюзий в костариканском национальном варианте испанского языка / С. А. Никифорова, О. С. Чеснокова // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2017. – № 2. – С. 309-319.

96. Новикова, О. С. О морфологических особенностях национального самосознания / О. С. Новикова // Актуальные проблемы социогуманитарного знания. – Москва, 1984. – С. 32-33.

97. Павленко, В. Н. Представления о соотношении социальной и личностной идентичности в современной западной психологии / В. Н. Павленко // Вопросы психологии. – 2000. – № 1. – С. 135-141.

98. Павлова, О. Н. Идентичность: история формирования взглядов и ее структурные особенности / О. Н. Павлова. – Москва, 2001.

99. Падучева, Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива / Е. В. Падучева. – Москва, 1996.

100. Пак, С. М. Личное имя в лингвокогнитивном освещении / С. М. Пак // Вестник МГУ. Серия 9: Филология. – 2004. – № 1. – С. 161-171.

101. Платошкин, Н. Н. История Мексиканской революции. Выбор пути. 1917–1928 гг.: в 2 т. Т. 2 / Н. Н. Платошкин. – Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011. – 456 с.

102. Попадинец, Р. В. Прецедентные имена в сознании носителя русского языка : Экспериментальное исследование : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19. – Курск, 2006. – 196 с.

103. Попова, З. Д. Синтаксический концепт и межкультурная коммуникация / З. Д. Попова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2004. – № 2. – С. 27-31.

104. Протоковилова, Е. А. Культурная идентичность в современной латиноамериканской литературе : диссертация ... кандидата философских наук : 24.00.01 / Протоковилова Елена Александровна; [Место защиты: Юж. федер. ун-т]. – Ростов-на-Дону, 2013. – 139 с.

105. Прохоров, Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев / Ю. Е. Прохоров. – Москва, 2008. – 155 с.

106. Раевская, М. М. Язык и коммуникативная культура как инструмент воздействия на языковую личность: опыт испаноязычного социума / М. М. Раевская // Язык и личность: социокультурные и психологические

трансформации. – Москва : ООО «Агентство социально-гуманитарных технологий», 2023. – С. 96-98.

107. Радиков, И. «Мягкая сила» как современный атрибут великой державы / И. Радиков, Я. Лексютина // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2012. – № 2. – С. 19-26.

108. Рикер, П. Повествовательная идентичность / П. Рикер // Рикер, П. Герменевтика. Этика. Политика. – Москва, 1995. – С. 19-21.

109. Рикер, П. Повествовательная идентичность / П. Рикер ; пер. с фр. И. С. Вдовиной // *Философская антропология: рукописи и выступления*. Т. 3. – Москва : Изд-во гуманитарной литературы, 2017. – С. 238-251.

110. Русских, Л. В. Основные направления политики мультикультурализма в России / Л. В. Русских // *Вестник Южно-Уральского государственного университета*. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2014. – № 2. – С. 85-89.

111. Семенов, И. С. Нация, национализм, национальная идентичность: новые ракурсы научного дискурса / И. С. Семенов // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2005. – № 11. – С. 91-102.

112. Сергеева, Г. Г. Аспекты функционирования прецедентных имен в молодежной среде / Г. Г. Сергеева // *Филологические науки*. – 2003. – № 2. – С. 102-110.

113. Синецкий, С. Б. Культурные трансформации в XXI веке: осмысление перспектив / С. Б. Синецкий // *Культурологический журнал*. – 2012. – № 3(9). – С. 5.

114. Скворцова, Е. В. Прецедентный характер имен собственных в малоформатных текстах (на материале названий американских фильмов начала XXI века) / Е. В. Скворцова // *Материалы докладов Международной онлайн-конференции «Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации»*. – 2009. – С. 148-153.

115. Смакотина, Н. Л. Национально-культурная идентичность молодежи: социологический метод оценки / Н. Л. Смакотина, Н. А. Хвыля-Олинтер // *Вестник*

Московского университета. Серия 18: Социология и политология. – 2010. – № 2. – С. 59-79.

116. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты прецедентных феноменов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. – Москва, 2000.

117. Слышкин, Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов / Г. Г. Слышкин. – Москва : Академия, 2000.

118. Смирнова, А. Г. Идентичность в меняющемся мире / А. Г. Смирнова, И. Ю. Киселев. – Ярославль : ЯрГУ, 2002.

119. Смыкунова, Н. В. Прецедентные феномены в речевом общении русской языковой личности и процессе обучения русскому языку как иностранному : диссертация ... кандидата педагогических наук : 13.00.02. – Москва, 2003. – 228 с.

120. Степанов, Г. В. К проблеме языкового варьирования: испанский язык Испании и Америки / Г. В. Степанов. – Москва : Наука, 1979. – 327 с.

121. Стефаненко, Т. Г. Этнопсихология: учебник для вузов / Т. Г. Стефаненко. – Москва : Аспект Пресс, 2013.

122. Сулимина, О. В. Личность и сущность: путь к себе / О. В. Сулимина // Психология индивидуальности: сб. материалов III Всерос. науч. конф. Ч. 2. – Москва : Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – С. 248-250.

123. Суворов, Н. Н. Пространство культуры как динамическая система / Н. Н. Суворов // Мир культуры и культурология: альманах Научно-образовательного культурологического общества России. Вып. 5. – Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2016. – С. 231-235.

124. Супрун, А. Е. Текстовые реминисценции как языковое явление / А. Е. Супрун // Вопросы языкознания. – 1995. – № 6. – С. 17-29.

125. Тлостанова, М. В. Мультикультурализм и литература США конца XX века: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.05 / М. В. Тлостанова. – Москва, 2000. – 353 с.

126. Тучина, О. Р. Самопонимание личностью своей этнокультурной идентичности: субъектно-бытийный подход / О. Р. Тучина. – Краснодар : Изд-во КубГУ, 2013.

127. Тучина, О. Р. Исторический опыт личности: субъектный подход / О. Р. Тучина // Ананьевские чтения – 2016: Психология: вчера, сегодня, завтра. – 2016. – № 2. – С. 179-180.

128. Фатеева, Н. А. Что происходит в языке и за языком: активные процессы в поэзии конца XX – начала XXI века / Н. А. Фатеева // Семиотика и авангард: антология / Под общ. ред. Ю. С. Степанова. – Москва : Академический Проект, 2006. – С. 860-879.

129. Федорова, Л. Прецедентные феномены культуры в сознании современной студенческой молодежи: опыт социокультурного анализа : диссертация ... кандидата социологических наук : 22.00.06 / Федорова Лариса Юрьевна; [Место защиты: Юж. федер. ун-т]. – Ростов-на-Дону, 2008. – 211 с.

130. Федотова, Л. Н. Проблемные термины наук о массовых коммуникациях / Л. Н. Федотова // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. – 2016. – № 1. – С. 132-142.

131. Фененко, Н. А. Перевод как канал взаимодействия культур и языков : (к проблеме языкового освоения «чужой» действительности) / Н. А. Фененко, А. А. Кретов // Социокультурные проблемы перевода. – Воронеж : ВГУ, 1999. – № 3. – С. 82-94.

132. Феномен прецедентности и преемственность культур / Под общ. ред. Л. И. Гришаевой, М. К. Поповой, В. Т. Титова. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2004.

133. Феномен прецедентности и прецедентные феномены / Ю. А. Сорокин, Д. Б. Гудков, В. В. Красных, Н. П. Вольская // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / Под ред. В. В. Красных, А. И. Изотова. – Москва : Филология, 1998. – № 4. – С. 5-34.

134. Фирсова, Н. М. Избранные труды: в 2 т. Т. 2: Современный испанский язык в Испании и странах Латинской Америки / Н. М. Фирсова. – Москва : Изд-во РУДН, 2009. – 528 с.

135. Фирсова, Н. М. Современный испанский язык в Испании и странах Латинской Америки: учебное пособие / Н. М. Фирсова. – Москва : АСТ, 2007. – 352 с.
136. Фомичева, Ж. Е. Интертекстуальность как средство воплощения иронии в современном английском романе: дис. ... канд. филол. наук / Ж. Е. Фомичева. – Санкт-Петербург, 1992. – 223 с.
137. Хабермас, Ю. В поисках национальной идентичности. Философские и политические статьи / Ю. Хабермас. – Донецк : Донбасс, 1999. – 138 с.
138. Хамнаева, А. Ю. Характеристики идентичности в меняющемся мире / А. Ю. Хамнаева // Аналитика культурологии. – 2007. – № 2 (8). – С. 117-124.
139. Хантингтон, С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон. – Москва : Издательство АСТ : Транзиткнига, 2004. – 635 с.
140. Хендерсон, Т. Дж. Мексиканские войны за независимость / Т. Дж. Хендерсон. – New York : Hill and Wang, 2009. – С. 70-71.
141. Хофстеде, Г. Влияние культуры: сравнение ценностей, моделей поведения, институтов и организаций в разных странах / Г. Хофстеде. – Нью-Йорк : SAGE Publications, Inc., 2003.
142. Чернявская, В. Е. Дискурсивный анализ текста и корпусные методы / В. Е. Чернявская, М. В. Хохлова. – Москва : Ленанд, 2026. – 224 с.
143. Чернявская, В. Е. Языковые модусы идентичности: слово от редактора / В. Е. Чернявская // Terra Linguistica. – 2022. – Т. 13, № 2. – С. 7-10.
144. Чернявская, О. С. Осмысление понятия территориальной идентичности / О. С. Чернявская // Вестник ВятГУ. – 2011. – № 4. – С. 70-76.
145. Чеснокова, О. С. Языковые параметры национальной идентичности перуанцев через призму топонимии Перу / О. С. Чеснокова, И. А. Мартыненко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2024. – Т. 15, № 3. – С. 914-934.

146. Чеснокова, О. С. Гимн Перу в контексте национальной идентичности перуанцев / О. С. Чеснокова, И. Б. Котеняткина, Т. Ф. Усманов // Вопросы прикладной лингвистики. – 2024. – № 55. – С. 72-98.

147. Чеснокова, О. С. Загадки о быте как отражение этнокультурной идентичности (на примере тувинских, русских и колумбийских загадок) / О. С. Чеснокова, Т. Б. Радбиль // Новые исследования Тувы. – 2024. – № 4. – С. 92-109.

148. Чеснокова, О. С. Испанский язык Мексики: лингвокультурологическое исследование / О. С. Чеснокова. – Саарбрюккен : Palmarium Academic Publishing, 2012. – 264 с.

149. Чеснокова, О. С. Лингвокультурологический анализ гимна Мексики / О. С. Чеснокова, И. Б. Котеняткина // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. – 2022. – № 4(40). – С. 164-183.

150. Чеснокова, О. С. Отражение языковой картины мира в развитии лексической системы мексиканского национального варианта испанского языка: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.05 / О. С. Чеснокова. – Москва, 2006. – 358 с.

151. Чеснокова, О. С. Испанский язык Мексики: языковая картина мира: монография / О. С. Чеснокова. – Москва : Изд-во РУДН, 2006. – 238 с.

152. Чеснокова, О. С. Испанский язык Мексики в системе национальных вариантов испанского языка / О. С. Чеснокова // Изучение латиноамериканистики в Российском университете дружбы народов. – Москва : Изд-во РУДН, 2002. – С. 378-387.

153. Чеснокова, О. С. Испанский язык Мексики: Языковая картина мира / О. С. Чеснокова. – Москва : Ленанд, 2021. – 240 с.

154. Словарь персоналий Тихоокеанского Альянса = Diccionario de personalidades de la Alianza del Pacífico / О. С. Чеснокова, М. Радович, П. Л. Талавера Ибарра ; под ред. О. С. Чесноковой. – Москва : РУДН, 2020. – 349 с.

155. Чеснокова, О. С. Топонимические перифразы в латиноамериканских национальных вариантах испанского языка / О. С. Чеснокова // Вестник

Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2025. – Т. 16, № 3. – С. 783-802.

156. Шаклеин, В. М. Процессы культурно-языковой трансформации современного мира: от концепции всеобщей глобализации до формирования региональных лингвокультурных зон / В. М. Шаклеин // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. – 2024. – № 8. – С. 356-361.

157. Шахназарян, В. М. Особенности функционирования диминутивных конструкций в юкатанском территориальном диалекте мексиканского национального варианта испанского языка штата Кинтана-Роо / В. М. Шахназарян // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 3(82). – С. 394-395.

158. Шевченко, А. А. Дискурс идентичности: варианты и трансформации / А. А. Шевченко // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. – 2006. – Т. 4, № 2. – С. 28-32.

159. Шемякин, Я. Г. Отличительные особенности «пограничных» цивилизаций / Я. Г. Шемякин // Общественные науки и современность. – Москва, 2000. – С. 96-114.

160. Шемякин, Я. Г. «Пограничность» как способ сохранения и утверждения идентичности. Исторический опыт индейских культур Латинской Америки в универсальном контексте / Я. Г. Шемякин // Латинская Америка. – 2021. – № 9. – С. 83-96.

161. Шибутани, Т. Социальная психология / Т. Шибутани ; пер. с англ. В. Б. Ольшанского. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1999. – 539 с.

162. Языковая личность: аспекты изучения: сб. науч. ст. памяти чл.-корр. РАН Ю. Н. Караулова / Под ред. И. В. Ружицкого, Е. В. Потемкиной. – Москва : МАКС Пресс, 2017. – 432 с.

163. Ярмач, Ю. В. Проявление коммуникативных особенностей «мягкой силы» в истории государственного управления / Ю. В. Ярмач // Пространство и Время. – 2015. – № 3(21). – С. 126-133.

164. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс ; пер. с нем. – 2-е изд. – Москва : Республика, 1994. – 527 с.
165. Abels, H. Interaction, identity, presentation / H. Abels. – Saint Petersburg : Aletheia, 2000.
166. Abes, E. S. Meaning-making capacity and the dynamics of lesbian college students' multiple dimensions of identity / E. S. Abes, S. R. Jones // Journal of College Student Development. – 2004. – № 45. – P. 612–632.
167. Antaki, Ch. Identity as an Achievement and as a Tool / Ch. Antaki, S. Widdicombe // Identities in Talk / ed. by Ch. Antaki, S. Widdicombe. – London : Sage, 1998. – P. 1–15.
168. Astafyeva, O. Instability of Cultural Identity in the Modern World and Its Projections in Creative Industries / O. Astafyeva // The 4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts. SGEM 2017. Book 2: Ancient Science. Vol. 2. – Sofia, Bulgaria, 2017. – P. 25–31.
169. Bamberg, M. Discourse and identity construction / M. Bamberg, A. De Fina, D. Schiffrin // Handbook of identity theory and research / Ed. by S. J. Schwartz, K. Luyckx, V. L. Vignoles. – New York : Springer, 2011. – P. 177–200.
170. Barker, G. C. Social Functions in Language in a Mexican-American Community / G. C. Barker. – Tucson : University of Arizona Press, 1972. – 147 p.
171. Beck, U. What is Globalization? / U. Beck. – Cambridge : Polity Press, 2000. – 192 p.
172. Berger, P. The Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge / P. Berger, T. Lukman. – Moscow : Medium, 1995. – P. 280–282.
173. Berzonsky, M. D. The how and what of identity formation: Associations between identity styles and value orientations / M. D. Berzonsky, J. Ciecuch, B. Duriez [et al.] // Personality and Individual Differences. – 2011. – № 50. – P. 295–299.
174. Bianchi, M. What do you mean by «European»? Evidence of spontaneous ingroup projection / M. Bianchi, A. Mummendey, M. C. Steffens, V. Y. Yzerbyt // Personality and Social Psychology Bulletin. – 2010. – № 36 (7). – P. 960–974.

175. Brislin, R. W. Cross-cultural encounters / R. W. Brislin. – New York, 1981. – 372 p.

176. Brown, B. A. Scientific Literacy and Discursive Identity: A Theoretical Framework for Understanding Science Learning [Электронный ресурс] / B. A. Brown, J. M. Reveles. – Режим доступа: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/pdf/10.1002/sce.20069> (дата обращения: 17.08.2023).

177. Calhoun, C. Nationalism, Political Community and the Representations of Society, or Why Feeling at Home is not a Substitute for Public Space / C. Calhoun // European Journal of Social Theory. – 1999. – Vol. 2, № 2. – 222 p.

178. Castles, St. A new agenda in multiculturalism? / St. Castles // Centre for Multicultural Studies, University of Wollongong. – 1987. – Occasional Paper 12, 18. – P. 1–20.

179. Cooley, C. H. Human nature and the social order / C. H. Cooley. – New York : Schocken, 1964.

180. Cote, J. E. Identity Stage Resolution Index (ISRI) An empirical test of the identity capital model / J. E. Cote // Journal of Adolescence. – 1997. – № 20. – P. 421–437.

181. Davis, T. C. Revisiting group attachment: Ethnic and national identity / T. C. Davis // Political Psychology. – 1999. – № 20 (1). – P. 25–47.

182. De Fina, A. Discourse and identity / A. De Fina, D. Schiffrin, M. Bamberg. – Cambridge : Cambridge University Press, 2006.

183. Deschamps, J. C. Regarding the relationship between social identity and personal identity / J. C. Deschamps, T. Devos // Social Identity: International Perspectives. – London ; New Delhi, 1998. – P. 1–13.

184. De Vallescar, D. Cultura, Multiculturalismo e Interculturalidad. Hacia una racionalidad intercultural / D. De Vallescar. – Madrid : Perpetuo Socorro, 2000.

185. Doise, W. Social representations in personal identity / W. Doise // Social identity: International perspective / ed. by S. Worchel, J. F. Morales, D. Paez, J. Deschamps. – New York : Sage Publ., 1998. – P. 13–25.

186. Erikson, E. *Identity: Youth and Crisis* / E. Erikson. – Moscow : Progress, 1996. – 344 p.
187. Freud, S. *The Interpretation of Dreams* / S. Freud. – Moscow : Eksmo ; Saint Petersburg : Mizhgard, 2005.
188. Fromm, E. *Way from a sick society. The problem of man in Western philosophy* / E. Fromm. – Moscow : Progress, 1988.
189. Fuller-Rowell, T. E. National identity and perceived discrimination predict changes in ethnic identity commitment: Evidence from a longitudinal study of Latino college students / T. E. Fuller-Rowell, A. D. Ong, J. S. Phinney // *Applied Psychology: An International Review*. – 2013. – № 62 (3). – P. 406–426.
190. Gamboa, J. A. *Vocabulario de el uayeísmo en la cultura de Yucatán* / J. A. Gamboa. – Universidad Autónoma de Yucatán, 1985. – 412 p.
191. Goffman, E. *Presentation of Self in Everyday Life* / E. Goffman. – New York, 1959.
192. Giddens, A. *The Transformation of Intimacy* / A. Giddens. – Cambridge : Polity Press, 1992. – 216 p.
193. Gong, L. Ethnic identity and identification with the majority group: Relations with national identity and self-esteem / L. Gong // *International Journal of Intercultural Relations*. – 2007. – № 31 (4). – P. 503–523.
194. González, J. L. *La Revolución Mexicana y la Constitución de 1917* / J. L. González. – El Colegio de México, 2010. – P. 130–135.
195. Hepburn, A. *Discursive research in practice. New approaches to psychology and interaction* / A. Hepburn, S. Wiggins. – Cambridge : Cambridge University Press, 2007.
196. Henríquez Ureña, P. *El español en Méjico, los Estados Unidos y la América Central* / P. Henríquez Ureña. – Buenos Aires : Universidad de Buenos Aires, 1938. – 105 p.
197. Henríquez Ureña, P. *Historia de la cultura en la América Hispánica* / P. Henríquez Ureña. – México: Fondo de Cultura Económica, Colección Tierra Firme, 1947. – 244 p.

198. Holden, J. Influence and attraction: culture and the race for soft power in the 21st century / J. Holden. – British Council, 2012. – P. 14–34.
199. Hollway, W. Gender differences and the production of subjectivity / W. Hollway // Changing the subject: Psychology, social regulation and subjectivity / Ed. by J. Henriques [et al.]. – London : Methuen, 1984. – P. 227–263.
200. Hobsbawm, E. Nations and Nationalism since 1780: Programme, Myth, Reality / E. Hobsbawm. – Cambridge, 1990.
201. Hughes, Ch. Culture of Complaint / Ch. Hughes. – New York : Oxford Univ. Press, 1993.
202. Hutnik, N. Ethnic minority identity: A Social Psychological perspective / N. Hutnik. – Oxford : Clarendon Press ; New Delhi : OUP, 1991.
203. Jaromowic, M. Self-We-Others schemata and social identifications / M. Jaromowic // Social identity: International perspective. – New York : Sage Publ., 1998. – P. 44–52.
204. Jones, S. R. A conceptual model of multiple dimensions of Identity / S. R. Jones, M. K. McEwen // Journal of College Student Development. – 2000. – № 41 (1). – P. 405–414.
205. Kant, I. Works in 8 volumes. Vol. 5 / I. Kant. – Moscow : Choro, 1994.
206. Kymlicka, W. Multicultural Odysseys. Navigating the New International Politics of Diversity / W. Kymlicka. – Oxford : Oxford University Press, 2007. – 374 p.
207. Lasch, Ch. The Minimal Self / Ch. Lasch. – London : Norton, 1985. – 320 p.
208. Litvinova, A. V. Mitigation tools and politeness strategies in invitation refusals: American and Russian communicative cultures / A. V. Litvinova, T. V. Larina // Training, Language and Culture. – 2023. – Vol. 7, № 1. – P. 116–130.
209. Lope Blanch, J. M. Algunos casos de polimorfismo fonético en México / J. M. Lope Blanch // Investigaciones. – México : UNAM, 1979. – P. 97–111.
210. Luyckx, K. Capturing ruminative exploration: Extending the four-dimensional model of identity formation in late adolescence / K. Luyckx,

S. J. Schwartz, M. D. Berzonsky [et al.] // *Journal of Research in Personality*. – 2008. – № 42. – P. 58–82.

211. Marcia, J. E. Identity in adolescence / J. E. Marcia // *Handbook of adolescent psychology* / Ed. by J. Adelson. – New York : John Wiley, 1980.

212. Masella, P. Nation identity and ethnic diversity / P. Masella // *Journal of Population Economics*. – 2013. – № 26 (2). – P. 437–454.

213. McClory, J. The New Persuaders: An international ranking of soft power / J. McClory // *Rapid-growth markets soft power index* – Institute for Government GB in collaboration with Institute for Emerging Markets Studies. – 2010. – P. 3–18.

214. Mead, G. H. *Mind, Self, and Society. From the Standpoint of a Social Behaviorist* / G. H. Mead. – Chicago : University of Chicago Press, 1934.

215. Mendoza, C. O. Cinco notas sobre literatura y filosofía latinoamericana / C. O. Mendoza // *Revista de Hispanismo Filosófico*. – 2014. – № 19. – P. 101–117.

216. Moreno de Alba, J. G. *Valores de las formas verbales en el español de México* / J. G. Moreno de Alba. – México : UNAM, 1978. – 255 p.

217. Modood, T. *Multiculturalism* / T. Modood. – Cambridge : Polity, 2007.

218. Moghaddam, F. *Global conflict resolution through positioning analysis* / F. Moghaddam, R. Harré, N. Lee. – New York : Springer, 2008.

219. Molina, V. S. *El español que se habla en Yucatán: apuntamientos filológicos* / V. S. Molina. – UADY, 1996. – 192 p.

220. Moscovici, S. Notes towards a description of Social Representation / S. Moscovici // *European Journal of Social Psychology*. – 1988. – № 18. – P. 211–250.

221. Murphy, M. *Multiculturalism: A Critical Introduction* / M. Murphy. – New York : Routledge Contemporary Political Philosophy, 2012. – 208 p.

222. Nye, J. Soft Power / J. Nye // *Foreign Policy*. – 1990. – P. 153–171.

223. *Questions of Cultural Identity* / ed. by S. Hall, P. Du Gay. – London : Sage, 1996. – 342 p.

224. Phinney, J. S. Ethnic identity in adolescents and adults: Review of research / J. S. Phinney // *Psychological Bulletin*. – 1990. – № 108 (3). – P. 499–514.

225. Potter, J. Discourse and social psychology: Beyond attitudes and behavior / J. Potter, M. Wetherell. – London : Sage, 1987.
226. Quilaqueo, D. R. Multiculturalidad e interculturalidad: desafíos epistemológicos de la escolarización desarrollada en contextos indígenas / D. R. Quilaqueo, H. C. Torres // ALPHA. – 2013. – № 37. – P. 285–300.
227. Radtke, F. O. Multikulturalismus / F. O. Radtke // Fluchtpunkt Europa / Hrsg. von Martina Fischer. – Frankfurt, 1998. – P. 138–157.
228. Sacks, H. A Simplest Systematics for the Organization of Turn-Taking in Conversation / H. Sacks, E. Schegloff, G. Jefferson // Language. – 1974. – № 50. – P. 696–735.
229. Schegloff, E. On talk and its institutional occasions / E. Schegloff // Talk at work: Language use in institutional and work-place settings / Ed. by P. Drew, J. Heritage. – Cambridge : Cambridge University Press, 1992. – P. 101–134.
230. Tajfel, H. The social identity theory of intergroup behavior / H. Tajfel, J. C. Turner // Psychology of intergroup relations / Ed. by S. Worchel, W. G. Austin. – 2nd ed. – Chicago : Nelson-Hall, 1985. – P. 7–24.
231. The Soft Power 30: A Global Ranking of Soft Power. – Portland : USC Center on Public Diplomacy, 2017.
232. Waterman, A. S. Identity development from adolescence to adulthood: An extension of theory and a review / A. S. Waterman // Developmental Psychology. – 1982. – Vol. 18, № 3. – P. 341–358.
233. Shannon, C. The mathematics of communications / C. Shannon // Communication and culture. – New Jersey, 1966. – P. 17–18.
234. Sharma, S. Multicultural encounters / S. Sharma. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2006.
235. Soft power: теория, ресурсы, дискурс / Под ред. О. Ф. Русаковой. – Екатеринбург, 2015.
236. Vásquez, A. B. Cuadernos Mayas / A. B. Vásquez. – México, 1939.

Электронные источники

237. «Кордовские трактаты». Институт юридических исследований УНАМ. 14.12.2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.juridicas.unam.mx/infjur/leg/conshist/pdf/tratcord.pdf> (дата обращения: 30.03.2026).

238. Día de la Revolución (México). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://es.wikipedia.org/wiki/Día_de_la_Revolución_\(México\)](https://es.wikipedia.org/wiki/Día_de_la_Revolución_(México)) (дата обращения 30.03.2026).

239. Decennial Census. Tab. P9. Hispanic or Latino. 2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.census.gov/> (дата обращения: 28.03.2026).

240. El Universal. Madrid, Barcelona, Londres y otras ciudades en el mundo se suman a la “Marea Rosa”. 19.05.2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.eluniversal.com.mx/mundo/madrid-barcelona-londres-y-otras-ciudades-en-el-mundo-se-suman-a-la-marea-rosa/> (дата обращения: 01.05.2026).

241. El Universal. México consigue épica remontada ante Cuba en la Serie Mundial de Pequeñas Ligas. 20.08.2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.eluniversal.com.mx/deportes/mexico-consigue-epica-remontada-ante-cuba-en-la-serie-mundial-de-pequenas-ligas/> (дата обращения: 01.05.2026).

242. INBA. El Museo Mural Diego Rivera presenta la exposición “Sobre los huesos de Cuauhtémoc y de Hernán Cortés”. 23.10.2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://inba.gob.mx/prensa/21219/el-museo-mural-diego-rivera-presenta-la-exposici-oacuten-ldquosobre-los-huesos-de-cuauht-eacutemoc-y-de-hern-aacuten-cort-eacutes-rdquo> (дата обращения: 29.04.2026).

243. INBA. Escultura, dibujo, pintura, gráfica, fotografía y documentos reflejan la conquista y la mexicanidad. 21.11.2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://inba.gob.mx/prensa/21420/escultura-dibujo-pintura-gr-aacutefica-fotograf-iacuta-y-documentos-reflejan-la-conquista-y-la-mexicanidad-en-el-museo-mural-diego-rivera> (дата обращения: 03.05.2026).

244. INBA. Exploran el gran debate sobre la mexicanidad a través del arte. 10.01.2025. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://inba.gob.mx/prensa/21615/exploran-el-gran-debate-sobre-la-mexicanidad-a-traves-del-arte> (дата обращения: 28.04.2026).

245. La Jornada. La Malinche “siempre será un enigma por desentrañar”: Luisa Govea. 25.07.2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.jornada.com.mx/2024/07/25/cultura/a03n1cul> (дата обращения: 03.05.2026).

246. La Jornada. Sí se puede la lucha política pacífica con resistencia y rebeldía: EZLN. 01.01.2025. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.jornada.com.mx/noticia/2025/01/01/estados/si-se-puede-la-lucha-politica-pacifica-con-resistencia-y-rebeldia-ezln-8045> (дата обращения: 02.05.2026).

247. La Jornada. Sheinbaum encabeza funeral de Estado a Cuauhtémoc a 500 años de su asesinato. 01.03.2025. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.jornada.com.mx/noticia/2025/03/01/cultura/sheinbaum-encabeza-funeral-de-estado-a-cuauhtemoc-a-500-anos-de-su-asesinato> (дата обращения: 02.05.2026).

248. Presidente de México. “¡Viva la Cuarta Transformación!”, expresa presidente al pueblo en último Grito de Independencia. 15.09.2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://amlo.presidente.gob.mx/viva-la-cuarta-transformacion-expresa-presidente-al-pueblo-en-ultimo-grito-de-independencia176171-2/> (дата обращения: 03.05.2026).

249. United States Census 2020. U.S. Census Bureau. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.usa.gov/census-data> (дата обращения: 28.03.2026).

250. U.S. Census Bureau. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.census.gov/american_community_survey (дата обращения: 28.03.2026).